

1

1975

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

1975 ГОД – ЗАВЕРШАЮЩИЙ ГОД
ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР» МОСКВА

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА
ЮСТИЦИИ СССР

1(49) ЯНВАРЬ 1975
Издается с 1971 года

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ

1975 год — завершающий год девятой пятилетки.

На фото: орден Трудовой Славы I степени. Орденом Трудовой Славы награждаются рабочие промышленности, транспорта, строительства и мастера производства этих отраслей, колхозники и рабочие сельского хозяйства за самоотверженный высокопроизводительный многолетний труд на одном предприятии, в организации, колхозе или совхозе.

В ДОМЕ

	Стр.
НОВЫЙ, ЗАВЕРШАЮЩИЙ	5
<hr/>	
ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ:	
Основы советского государства и права	
В. Никитинский, В. Глазырин. Трудовые права и обязанности рабочих и служащих	11
Г. Кригер. Добровольный отказ от совершения преступления	24
<hr/>	
СОБЕСЕДНИК:	
В. Кавун. Главная забота	32
В. Теплов. Скандал у кассы	39
Предотвратить невосполнимые потери	
Д. С. Лихачев. Наше общее дело	42

	Стр.
С. О. Шмидт, В. А. Черных.	
Нужен новый закон	43
Строки из писем	44
Комментарий юриста	45
По следам неопубликованных писем	48
Итоги конкурса	51
Юридический конкурс	53
<hr/>	
С полки букиниста	
Александр Грин. Предсмертная записка. Рассказ	54
<hr/>	
Наши интервью	
«Боевой карандаш»	58
<hr/>	
В. Стрелков. От лупы до компьютера. Репортаж	65

Главный редактор
С. А. ВЫСОЦКИЙ.

Редакционная коллегия:

Б. А. ВИКТОРОВ,
И. К. КОВАЛЕВ,
В. В. ЛИПАТОВ,
М. П. МАЛЯРОВ,
Г. П. ПОЛИТЫКО
(ответственный секретарь),
П. И. СЕДУГИН,
Ю. С. СЕМЕНОВ,
П. И. СКОМОРОХОВ (заместитель
главного редактора),
А. Я. СУХАРЕВ,
В. И. ТОНКИХ,
А. М. ЯКОВЛЕВ.

Главный художник
В. Т. СЕЛИВАНОВ.
Технический редактор
Л. Л. ЕЖОВА.

Корректоры
Т. И. НИЗАМОВА,
А. В. ЕЛИЗАРОВА.

Адрес редакции: 109147, Москва, Ж-147, Марксистский пер., 1/32.
Телефоны отделов: науки и пропаганды 271-09-01, литературы
271-03-17, очерков 271-10-93, «Собеседник» 271-10-24, писем и кон-
сультаций 271-11-20, международной и внутренней информации
271-08-63.

Сдано в набор 4/XI-74 г. Подписано в печать 11/XII-74 г. А08997. Фор-
мат 84 × 108 ¹/₃₂. Печ. л. 4,5 + 0,125 вкладки. Усл. печ. л. 7,56. Уч. изд.
л. 9,80. Заказ 1838. Тираж 3 160 000 экз. (1-й завод — 1 500 000 экз.).
Цена 25 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном ком-
итете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

НОВЫЙ, ЗАВЕРШАЮЩИЙ

Каждый год по-своему памятен, в каждом свои, великие и малые рубежи. Мы вступили в 1975-й и уже знаем наперед, что в этом году страна выйдет на победный рубеж пятилетия — будет исполнен Закон о пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы.

Мы привыкли к размеренному трудовому ритму нашей советской эпохи. Привыкли и к тому, что планы, намеченные партией и народом, неуклонно проводятся в жизнь. Наша уверенность непоколебима, и у нее давние и могучие истоки. На заре первых, ныне уже легендарных пятилеток пролетарский поэт произнес вдохновенные слова, которые сегодня знает каждый школьник — внук, а то уже и правнук первопроходцев социализма:

Я
планов наших
размаха люблю громадьё,
шаги саженьи.
Я радуюсь
маршу,
которым идем
в работу
и в сраженья.

Для того чтобы планы наши стали реальностью и задания девятой пятилетки были выполнены и перевыполнены по всем показателям

телям, необходимы усилия всего нашего народа. Когда мы говорим: «Пятилетка — дело каждого», — в этих словах заключен один из основных наших принципов. Человек — обществу, общество — человеку — таков характер взаимоотношений общества и личности при социализме. А это предполагает высочайший уровень сознательности и внутренней культуры каждого, чувство ответственности каждого перед обществом.

Наши успехи были бы немыслимы также без дальнейшего укрепления дисциплины и организованности, без строжайшего соблюдения социалистической законности во всех сферах нашей жизни.

Владимир Ильич Ленин говорил о том, что лишь тогда, когда старая дисциплина будет заменена новой дисциплиной объединенного труда, лишь тогда мы вобьем последний гвоздь в гроб капиталистического общества. Великий вождь пролетариата называл новую дисциплину ДИСЦИПЛИНОЙ ТОВАРИЩЕСКОЙ СВЯЗИ.

Ни один рабочий час, ни одна рабочая минута не должны в завершающем году пятилетки пропасть впустую. Надо помнить, что укрепление трудовой дисциплины, четкость, слаженность во всех звеньях — огромный резерв увеличения общественного богатства. Каждый случай прогула, разгильдяйства, пьянства должен непременно, без промедления стать предметом острого, нелюбезного обсуждения на общем собрании, на совете рабочей чести, в товарищеском суде. На любом участке коммунистического строительства должна быть создана обстановка нетерпимости к нарушениям трудовой дисциплины, к отступлениям от закона. Необходимо лучше использовать правовые средства в целях повышения эффективности производства, укрепления дисциплины труда, развития творческой инициативы.

Огромное значение имеет движение за укрепление договорной дисциплины. Почин коммунистов ленинградского завода «Русский дизель» «Сначала — заказчику, потом — себе», о котором в конце прошлого года рассказала газета «Правда», нашел широкую поддержку в трудовых коллективах.

Нынешний год — год тридцатилетия Победы. В день предстоящего всенародного праздника-юбилея мы вспомним и о том, что задолго до светлого часа, в смертельных боях с фашизмом ни на миг не угасала в народе-воине и народе-труженике вера в Победу.

Наша уверенность в наших пятилетках — сродни той святой вере в победу. «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд». И недаром в канун завершения девятой пятилетки Родина учредила для героев полей и заводов орден Трудовой Славы — сродни той

почетнейшей солдатской награде, которую она вручала в годы войны своим отважным сыновьям и дочерям, своим защитникам.

Да, у нашей уверенности давние и могучие истоки, и мы недаром свято чтим боевые, трудовые и революционные традиции рабочего класса нашей страны, колхозного крестьянства, трудовой интеллигенции.

В этом году исполняется семьдесят лет с начала первой русской революции, которую В. И. Ленин назвал генеральной репетицией Великого Октября. Семьдесят лет назад, 9 января 1905 года на Дворцовой площади в Петербурге была расстреляна слепая вера русских рабочих в царя-батюшку. И тогда же, в одной из первых листовок, посвященных Кровавому воскресенью, большевики призвали пролетариат в борьбе за свои права и свободу «надеяться только на себя».

Нашу сегодняшнюю уверенность в своих силах выковывали наши деды и прадеды на баррикадах Красной Пресни, на палубе черноморского броненосца «Потемкин», в грозовом гуле рабочих стачек и пожарах крестьянских восстаний.

Семьдесят лет назад в горниле первой русской революции родились Советы рабочих депутатов как результат революционного творчества масс и предвестие грядущей рабоче-крестьянской власти. В канун Октября 1917 года В. И. Ленин, гениально предвидя рождение Республики Советов, писал о том, что избранники народа в новых органах власти «должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями».

В соответствии с решениями XXIV съезда КПСС Верховный Совет СССР принял Закон о статусе депутатов, который еще больше повысил роль народных избранников во всех делах нашего государства и общества. И в этом нельзя не увидеть воплощения ленинских заветов о всемерном укреплении социалистического народо-властия.

Верным заветам Ленина, XXIV съезд КПСС начертал на знаменах девятой пятилетки вдохновенный девиз: «Все во имя человека, для блага человека!»

В соответствии с решениями XXIV съезда КПСС в нашей стране принят ряд законодательных актов, направленных на дальнейшее повышение благосостояния и культурного уровня народа, причем все эти меры носят конкретный характер, ощутимый каждым человеком: увеличен минимальный размер пенсий рабочим, служащим и колхозникам, повышены стипендии студентам вузов и учащимся средних специальных учебных заведений, установлен новый минимум

заработной платы — 70 рублей в месяц с одновременным увеличением ставок и окладов среднеоплачиваемым рабочим и служащим. Только последние мероприятия коснутся более 50 миллионов человек, увеличив их доходы примерно на 9 миллиардов рублей в год.

За четыре года пятилетки по расчетам ЦСУ среднемесячная заработная плата рабочих и служащих возрастет на 15 процентов. А оплата труда колхозников в общественном хозяйстве увеличится на 22 процента. Производство сельскохозяйственной продукции существенно возросло за эти годы.

Следуя ленинским указаниям о том, что коммунизм немислим без высших достижений науки, техники и культуры, партия и правительство проявляют глубокую заботу о развитии духовной жизни общества. Верховным Советом СССР приняты Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании, в которых нашла свое подтверждение самая прогрессивная и подлинно демократическая система образования народа.

Свидетельством высокого гуманизма, присущего политике нашей партии, явились разработка и утверждение ЦК КПСС и Советом Министров СССР в сентябре прошлого года мероприятий по введению пособий на детей малообеспеченным семьям. На выплату этих пособий будет расходоваться ежегодно 1,8 миллиарда рублей.

Претворение в жизнь широкого круга мероприятий, предусмотренных социальной программой XXIV съезда КПСС, стало возможным в результате самоотверженного труда советских людей. Наши успехи были бы немислимы без дальнейшего роста производительности труда, без всестороннего совершенствования управления народным хозяйством, без новых достижений в области науки и техники.

Важное значение партия придает пропаганде советских законов и правовому воспитанию трудящихся. Неустанное внимание уделяет она дальнейшему совершенствованию советского законодательства и укреплению правоохранительных органов, стоящих на страже законных интересов народа. Только за последние два года в нашей стране были приняты законодательные и другие нормативные акты, регламентирующие деятельность советской милиции, государственного нотариата и государственного арбитража, добровольных народных дружин.

На XXIV съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев говорил: «Новый облик советского человека, его коммунистическая мораль и мировоззрение утверждаются в постоянной, бескомпромиссной борьбе с пережитками прошлого. Не может быть победы коммунистической морали без решительной борьбы с такими ее антиподами, как стя-

жательство, взяточничество, тунеядство, клевета, анонимки, пьянство и т. п. Борьба с тем, что мы называем пережитками прошлого в сознании и поступках людей,— это дело, которое требует к себе постоянного внимания партии, всех сознательных передовых сил нашего общества».

Нет сомнения, что в завершающем году пятилетки советские люди приложат новые усилия для того, чтобы все меньше оставалось в нашей жизни таких явлений, которые мешают нашей общей работе, омрачают порой наше настроение, роняют наше гражданское достоинство.

В стихах поэтов и в песнях, которые в нашей стране знают и стар и млад, есть гордые строки о высокой чести быть гражданином Страны Советов и о том, что на свете нет выше звания, чем звание советского человека. Что ж, советские люди заслужили это право гордости, ибо сама история облекла их высшими полномочиями и высшей ответственностью — строить на земле самое справедливое общество всех времен. Это право — гордиться званием советского человека — завоевали для нас наши отцы и деды на баррикадах 1905 года, в победном штурме Великого Октября, на полях сражений гражданской и Великой Отечественной войн, в созидательном порыве пятилеток.

Наша твердая вера в светлое будущее исходит из исторического оптимизма, присущего народу-созидателю, подлинному хозяину своей страны, живущему по законам мира, труда, равенства, братства, счастья.

Завершающий год пятилетки — это новый решительный шаг на пути расцвета нашей экономики и культуры, новая ступень нашего роста.

Больших вам успехов, товарищи, в наступившем 1975 году — завершающем году девятой пятилетки!

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ УЧЕНЫЙ СОВЕТ «ПРАВОВОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Председатель — член-корреспондент Академии наук СССР Д. А. КЕРИМОВ.

В составе совета: Г. А. АКСЕНЕНОК, член-корреспондент Академии наук СССР; Г. З. АНАШКИН, доктор юридических наук, профессор; Е. В. БОЛДЫРЕВ, доктор юридических наук, руководитель сектора уголовного и уголовно-процессуального законодательства Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства; Н. В. ЖОГИН, доктор юридических наук; Г. В. ИВАНОВ, профессор, декан юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; И. И. КАРПЕЦ, доктор юридических наук, профессор, член коллегии МВД СССР; В. Н. КУДРЯВЦЕВ, член-корреспондент Академии наук СССР, директор Института государства и права Академии наук СССР; П. Я. ТРУБНИКОВ, заслуженный юрист РСФСР, доктор юридических наук, член Верховного Суда СССР; О. Н. ХЛЕСТОВ; профессор, член коллегии, заведующий договорно-правовым отделом МИД СССР.

ТРУДОВЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ

Страна вступила в завершающий год девятой пятилетки. Успех ее, как и успех всех намеченных партией планов экономического развития, повышения благосостояния народа, зависит от труда советских людей. «Труд,— говорится в Директивах XXIV съезда КПСС,— источник богатства, и только рост производительности труда на каждом рабочем месте и повышение эффективности всего народного хозяйства приумножат

В 1974 году для читателей нашего журнала, изучающих советское законодательство, была введена новая рубрика «Основы советского государства и права». Материалы этой рубрики имеют целью, в частности, оказать помощь учителям, ведущим правовые занятия в старших классах средних школ, и учащимся. В номерах 7—11 за прошлый год помещены статьи: «Советское право», «Законы нашей родины», «Если нарушен закон», «Советское государство и общественные организации», «Конституционные права и обязанности граждан». Публикация статей под рубрикой «Основы советского государства и права» продолжается и в 1975 году.

те блага, которые получают советские люди в меру трудового вклада каждого в общественное производство». Существенную роль в достижении этих важнейших социальных целей играет советское законодательство о труде.

Советское трудовое законодательство определяет существо, направленность и содержание трудовых прав и обязанностей рабочих и служащих. Об основных из них и пойдет речь в статье.

Право на труд является одним из главных социальных прав советских граждан, закрепленных в Конституции СССР. Мало, однако, записать то или иное положение в законе. Нужно еще — и это гораздо важнее — обеспечить его надежной системой гарантий.

Советское государство обеспечивает право на труд всей системой экономической и политической организации общества.

Право на труд едино для всех граждан нашей страны. Но использовать, реализовать его можно в разных формах. «Рабочие и служащие реализуют право на труд путем заключения трудового договора о работе на предприятии, в учреждении, организации» (статья 2 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде. В дальнейшем для краткости будем их называть Основы).

Существо всякого договора составляет соглашение сторон. Существо трудового договора составляет прежде всего соглашение о месте работы и о трудовой функции работника, то есть о том, где и в качестве кого он будет работать. Такое соглашение — необходимое условие всякого трудового договора. Предприятие и трудящийся могут договориться также об обеспечении работника общежитием, об обучении его профессии, об установлении испытательного срока и других дополнительных условиях. Многие условия, определяющие взаимные права и обязанности сторон, предусмотрены законодательством — например, продолжительность рабочего времени и отпусков, размер оплаты труда.

Говоря об условиях трудового договора, нужно подчеркнуть принципиально важный момент: ни одно из них не может ухудшать положения рабочего или служащего по сравнению с законодательством о труде или каким-то иным образом противоречить ему (статья 5 Основ). Таким образом, если тот или иной администратор попытается заключить трудовой договор, по которому работник добровольно соглашается, например, на снижение размера зарплаты или уменьшение отпуска против норм, установленных законодательством, такое условие не будет иметь юридической силы. По поводу этой

гарантии, введенной с первых лет Советской власти, В. Маяковский писал:

В рабочей стране
 никому не приходится
Снижать условия
 ниже кодекса.

Право свободного и добровольного выбора работы обеспечивается различными правовыми нормами, касающимися трудового договора. Так, закон категорически запрещает необоснованный отказ в приеме на работу. Не допускается какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ при приеме на работу в зависимости от пола, расы, национальной принадлежности и отношения к религии (статья 9 Основ). И опять-таки это отнюдь не благие пожелания. Соблюдение гарантий, предусмотренных статьей 9 Основ, обеспечивается, в частности, установлением уголовной ответственности за соответствующие виды правонарушений.

Право граждан заключать трудовой договор может быть ограничено в СССР лишь вступившим в законную силу приговором суда, устанавливающим в качестве меры наказания лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до пяти лет (статья 26 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик). Назначение судом подобных наказаний допускается, например, при осуждении торговых работников за обмеривание, обвешивание, обсчет или иной обман покупателей, а также при осуждении врачей за незаконное производство аборта или водителей автотранспортных средств за нарушение правил безопасности движения.

По общему правилу, заключение трудового договора осуществляется путем непосредственного соглашения между трудящимся и предприятием, учреждением. Для того чтобы обеспечить работой молодых людей, оканчивающих средние школы или не получивших в силу каких-то причин полного среднего образования, всем предприятиям и организациям устанавливается броня приема на работу и на производственное обучение молодежи, окончившей общеобразовательные школы, профессионально-технические и технические училища, а также других лиц моложе 18 лет (статья 80 Основ). Направление молодежи на забронированные места производится с учетом желаний молодого человека, рекомендации школы, мнения его родителей. Государство взяло на себя и заботу об обеспечении работой в соответствии с полученной специальностью и квалификацией

молодых специалистов, окончивших высшие и средние специальные учебные заведения, оно оказывает помощь в трудоустройстве инвалидам, другим лицам, нуждающимся в этом.

Реальное право на труд означает также и стабильность, прочность трудовых отношений между работником и предприятием. С этой целью наше законодательство устанавливает ряд специальных гарантий от необоснованных и незаконных увольнений трудящихся по инициативе администрации. Основные из них сводятся к следующему.

Во-первых, рабочие и служащие могут быть уволены по инициативе администрации лишь в случаях, прямо указанных в законе.

Во-вторых, администрация, по общему правилу, не вправе самостоятельно уволить работника. В соответствии со статьей 18 Основ расторжение трудового договора по инициативе администрации не допускается без предварительного согласия фабричного, заводского, местного комитета профсоюза. Расторжение трудового договора с нарушением этого правила является незаконным, а уволенный работник подлежит восстановлению на прежней работе.

Рассматривая ходатайства администрации об увольнении, комитет профсоюза, даже убедившись в его законности и обоснованности, может не дать согласия на увольнение, если сочтет это нецелесообразным. Постановление комитета профсоюза предприятия об отказе дать согласие на увольнение является окончательным.

В-третьих, работнику, считающему, что его уволили незаконно, обеспечена, по общему правилу, судебная защита его прав. Если суд придет к выводу, что увольнение действительно произведено с нарушением закона, он принимает решение о восстановлении рабочего или служащего на прежней работе с выплатой ему среднего заработка за время вынужденного прогула со дня увольнения, но не более чем за три месяца.

Право на оплату по труду. Известно, что основополагающим принципом распределения общественного продукта при социализме является принцип «от каждого по его способности, каждому — по его труду».

Для рабочих и служащих право на оплату по труду означает прежде всего право на получение гарантированной государством основной заработной платы. Оплата их труда производится по установленным в централизованном порядке тарифным ставкам и должностным окладам, в которых учитывается квалификация работников, условия их труда, значение отрасли народного хозяйства. Так, повышенная оплата установлена на тяжелых работах, на работах с

вредными условиями труда и на работах в местностях с тяжелыми климатическими условиями (статья 37 Основ). Предусмотрены также преимущества в оплате труда работников отраслей тяжелой промышленности.

Право на оплату по труду означает, далее, право на получение дополнительного вознаграждения по различным премиальным системам. Назначение премий указано в законе. Согласно статье 38 Основ премирование вводится «для усиления материальной заинтересованности рабочих и служащих в выполнении производственных планов, повышении эффективности и рентабельности производства, в росте производительности труда, улучшении качества продукции и экономии ресурсов».

И, наконец, в ходе осуществления хозяйственной реформы в дополнение к системам оплаты труда установлена новая выплата — вознаграждение по итогам годовой работы предприятия. Его размер определяется с учетом результатов труда рабочего или служащего и продолжительности непрерывного стажа работы на предприятии. Такой порядок позволяет заинтересовать рабочих и служащих не только в результатах их личного труда, но и в общих итогах деятельности предприятия, в длительной работе на нем.

Право на отдых. Хорошо известна мысль Маркса о том, что свободное время является мерилем общественного богатства. И у нас в стране это богатство постоянно растет. 58,5 часа — такова была продолжительность рабочей недели в России в 1913 году. Сегодня у нас 41-часовая рабочая неделя — одна из самых коротких в мире. Но и это не идеал. «По мере создания экономических и других необходимых условий,— говорится в статье 21 Основ,— будет осуществляться переход к более сокращенной рабочей неделе». 41-часовая рабочая неделя является максимальной нормой рабочего времени. Для ряда категорий работников нормы рабочего времени значительно понижены (при полной оплате труда). Так, сокращенная продолжительность рабочего времени установлена, например, для рабочих и служащих в возрасте от 16 до 18 лет — 36 часов, а для подростков от 15 до 16 лет — 24 часа в неделю; для рабочих и служащих, занятых на работах с вредными условиями труда,— не более 36 часов в неделю; для учителей, врачей и некоторых других работников.

Надо особо подчеркнуть, что наше государство всегда максимально ограничивало возможности применения сверхурочной работы и работы в выходные дни. Возможность привлечения рабочих и служащих к сверхурочным работам и работе в выходные дни жестко ограничена законом.

Советское законодательство первым в мире установило обязательные ежегодные отпуска, оплачиваемые за счет предприятий и учреждений (Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 14 июня 1918 года). «Ежегодный отпуск предоставляется рабочим и служащим продолжительностью не менее 15 рабочих дней, с постепенным переходом к предоставлению отпуска большей продолжительности» (статья 33 Основ). Такое увеличение отпусков будет осуществляться постепенно, по мере создания необходимых условий. Но и сегодня ежегодный отпуск продолжительностью 15 дней — лишь минимальная норма. Нельзя не отметить, что уже в настоящее время более 60 процентов рабочих и служащих пользуются отпусками значительно большей продолжительности. Так, рабочие и служащие до 18 лет имеют право на отпуск продолжительностью в один календарный месяц. От 24 до 48 рабочих дней — таков отпуск большинства работников научно-исследовательских, учебных и культурно-просветительных учреждений. Многим категориям рабочих и служащих сверх основного отпуска предоставляются дополнительные отпуска. Например, лицам, занятым на работах с вредными условиями труда, — от 6 до 36 рабочих дней, работникам с ненормированным рабочим днем — до 12 рабочих дней.

Примечательным для нашего трудового законодательства является введение дополнительных отпусков в качестве поощрения за активную общественную работу. Ведь такая работа, принося большую социальную пользу, выполняется обычно трудящимися за счет своего свободного времени. Поэтому, в частности, установлены дополнительные отпуска за активное участие в поддержании общественного порядка, в обеспечении противопожарной безопасности предприятий, в воспитании несовершеннолетних. Следует также отметить, что общий бюджет свободного времени, которым располагают трудящиеся, составляет 130—150 свободных от работы дней в году. Более трети года — таково сегодня количественное выражение того богатства, о котором писал Маркс.

Право на здоровые и безопасные условия труда. В преамбуле к Основам законодательства о труде подчеркивается, что «охрана здоровья трудящихся, обеспечение безопасных условий труда, ликвидация профессиональных заболеваний и производственного травматизма составляют одну из главных забот Советского государства».

На охрану труда в СССР ежегодно выделяются огромные средства. Расходовать их на другие цели запрещается. Обеспечение здоровых и безопасных условий труда возлагается на администрацию предприятий, учреждений и организаций, которая обязана внедрять

современные средства техники безопасности, предупреждающие производственный травматизм, и обеспечивать санитарно-гигиенические условия, предотвращающие возникновение профессиональных заболеваний рабочих и служащих.

Правила и нормы по охране труда должны соблюдаться не только при эксплуатации предприятий, но также и при их проектировании и строительстве. Поэтому Основы (статья 59) предусматривают, что ни одно предприятие, цех, участок, производство не могут быть приняты и введены в эксплуатацию, если на них не обеспечены здоровые и безопасные условия труда. Правила по охране труда обязательны как для администрации, так и для работников. С этой целью администрация обязана, в частности, проводить инструктаж работников по технике безопасности, производственной санитарии, противопожарной охране.

Законодательство предусматривает также меры индивидуальной защиты рабочих и служащих от воздействия вредных производственных факторов. Так, на работах с вредными условиями труда, а также на работах, производимых в особых температурных условиях или связанных с загрязнением, рабочим и служащим выдаются бесплатно специальные одежда, обувь и другие средства индивидуальной защиты. За последние пять лет расходы государства на спецодежду и спецобувь составили 5,4 миллиарда рублей. На работах с вредными условиями труда выдаются бесплатно молоко или другие равноценные пищевые продукты. Наконец, на работах с особо вредными условиями предусматривается бесплатное лечебно-профилактическое питание (обычно в виде горячих завтраков перед началом работы).

В целях предупреждения профессиональных заболеваний рабочие и служащие, поступающие на тяжелые работы или работы с вредными или опасными условиями труда, проходят обязательные медицинские осмотры как при приеме, так и периодически в дальнейшем.

Рабочим и служащим, нуждающихся по состоянию здоровья в предоставлении более легкой работы, администрация обязана с их согласия перевести на такую работу в соответствии с медицинским заключением временно или без ограничения срока. Для переведенных работников предусмотрены определенные гарантии, связанные с сохранением прежнего заработка. В частности, рабочим и служащим, временно переведенным на нижеоплачиваемую работу в связи с увечьем или иным повреждением здоровья, связанным с работой, предприятие, ответственное за повреждение здоровья, выплачивает до восстановления трудоспособности или установления инвалид-

ности разницу между прежним заработком и заработком по новой работе.

Право на профессиональную подготовку и повышение квалификации. Реализация этого права приобретает особое значение в условиях научно-технической революции. «Современное производство,— указывал Л. И. Брежнев в докладе на XXIV съезде КПСС,— предъявляет быстро растущие требования не к одним лишь машинам, но и прежде всего к самим работникам... Специальные знания, высокая профессиональная подготовка, общая культура человека превращаются в обязательное условие успешного труда все более широких слоев работников».

Трудовое законодательство закрепляет различные формы профессиональной подготовки. Оно предоставляет, например, рабочим и служащим возможность приобретать или повышать квалификацию непосредственно на производстве; совмещать работу с обучением в средней общеобразовательной школе, в профессионально-техническом училище, среднем специальном или высшем учебном заведении.

Но в какой бы форме ни проходил работник подготовку, он неизменно будет пользоваться системой гарантий, облегчающих совмещение труда с учебой. К чему сводятся наиболее важные из них?

Для трудящихся, обучающихся непосредственно на производстве в качестве учеников или рабочих, проходящих переквалификацию, основной льготой является оплата времени обучения в установленных законом размерах.

Для тех, кто совмещает работу с учебой в общеобразовательных школах, основной льготой является сокращение в течение учебного года рабочей недели. Так, рабочим и служащим, успешно обучающимся в 9—11 классах школ рабочей молодежи, рабочая неделя сокращается на один рабочий день (или соответствующее ему количество часов), а для обучающихся в этих же классах школ сельской молодежи — на два дня (или соответствующее им количество часов).

Основная льгота для лиц, совмещающих работу с обучением в вечерних или заочных высших и средних специальных учебных заведениях,— дополнительные оплачиваемые отпуска, длительность которых зависит от формы и курса обучения. Существуют и другие льготы в связи с обучением.

Администрация предприятий, организаций обязана всемерно содействовать повышению квалификации кадров, создавая необходимые условия для совмещения работы с обучением.

Успешная учеба всемерно поощряется. Согласно закону при повышении квалификационных разрядов или при продвижении по ра-

боте должны учитываться успешное прохождение рабочими и служащими производственного обучения, общеобразовательная и профессиональная подготовка, а также получение ими высшего или среднего специального образования (статья 83 Основ).

Право на объединение в профсоюзы и на участие в управлении производством. Право рабочих и служащих на объединение в профсоюзы советское трудовое законодательство относит к числу основных трудовых прав. И это не случайно. Ведь советские профсоюзы представляют интересы трудящихся в области производства, труда, быта и культуры. Как представители интересов трудящихся профсоюзы наделены широкими правами. Установление условий труда и заработной платы, применение законодательства о труде, использование общественных фондов потребления в случаях, предусмотренных законами, осуществляется предприятиями, учреждениями и их вышестоящими органами совместно или по согласованию с профессиональными союзами.

Профсоюзы осуществляют также надзор и контроль за соблюдением законодательства о труде, правил по охране труда, за жилищно-бытовым обслуживанием рабочих и служащих. В этой области в интересах наиболее эффективной защиты прав трудящихся профсоюзы наделены определенными властными полномочиями, например правом принимать решения, обязательные для администрации.

Наконец, профсоюзы самостоятельно управляют государственным социальным страхованием, а также находящимися в их ведении санаториями, профилакториями, культурно-просветительными, туристскими и спортивными сооружениями.

Выражением подлинного демократизма социалистической общественной организации труда является право рабочих и служащих на участие в управлении производством, закрепленное в статье 2 Основ.

Праву рабочих и служащих участвовать в управлении производством соответствует обязанность администрации создать условия для такого участия. Должностные лица предприятий обязаны, в частности, своевременно рассматривать критические замечания и предложения рабочих и служащих и сообщать им о принятых мерах.

Право на материальное обеспечение. Богатство общества основано на труде его членов. Пока гражданин трудится, общество вознаграждает его за труд. Но и после того, как человек в силу своего возраста, болезни становится нетрудоспособным, общество заботится о его материальном обеспечении. В Конституции СССР право не-

трудоспособных на материальное обеспечение закреплено в качестве одного из основных социальных прав советских граждан. Его содержание характеризуется следующими особенностями. Государственному социальному страхованию подлежат у нас в стране все рабочие и служащие (постоянные, временные, сезонные) независимо от места работы и системы оплаты их труда. Страховые взносы в СССР уплачивают предприятия и учреждения без каких бы то ни было вычетов из заработной платы рабочих и служащих. Советский Союз стал первой в мире страной, в которой рабочие и служащие были освобождены от бремени уплаты взносов на социальное страхование. Рабочие и служащие получают обеспечение за счет государственного социального страхования во всех случаях утраты трудоспособности. Согласно статье 101 Основ рабочим и служащим выдаются пособия по временной нетрудоспособности (при болезни, увечье, карантине и т. д.), пособия по беременности и родам, пособия на рождение ребенка; пособия на погребение умершего работника или членов его семьи; пенсии по старости, по инвалидности, по случаю потери кормильца, пенсии за выслугу лет, установленные для некоторых категорий работников. Средства государственного социального страхования используются также на санаторно-курортное лечение рабочих и служащих, обслуживание их профилакториями и домами отдыха, на лечебное (диетическое) питание, на содержание пионерских лагерей и другие мероприятия. Социальное страхование в СССР характеризуется, далее, высоким уровнем обеспечения. Так, пособия по временной нетрудоспособности вследствие трудового увечья или профессионального заболевания всегда выплачивают в размере 100 процентов заработка. В таком же размере во всех случаях выплачиваются пособия по беременности и родам.

Таковы основные трудовые права рабочих и служащих, провозглашенные и гарантированные в нашей стране.

Обширные права, которыми наше государство наделяет трудящихся, выражают, однако, лишь одно направление связи общества и личности. Не менее важно и другое направление этой связи: человек — обществу. Оно проявляется в установлении определенных обязанностей, которые граждане несут перед обществом. И первейшая из них — **всеобщая обязанность трудиться**, провозглашенная в первые же дни Советской власти. Это и понятно. Ведь все, что необходимо для жизни и развития людей, создается трудом. Поэтому каждый трудоспособный человек должен участвовать в создании тех средств, которые необходимы для его жизни, для благосостояния общества. Человек, получающий от общества какие-то блага, не участвуя в труде, живет за счет других. «Труд является обязанно-

стью и моральным долгом каждого способного к труду гражданина...» — записано в Основах законодательства о труде.

Труд немислим без дисциплины, без подчинения общему порядку. **Соблюдение дисциплины труда** составляет основную обязанность всех рабочих и служащих. Необходимость соблюдения строжайшей трудовой дисциплины особенно возрастает в условиях современного высокотехнологизированного и автоматизированного производства. «Сама цена простоев, недобросовестности и ошибок,— указал Л. И. Брежнев,— теперь совершенно иная. Одно дело, скажем, получасовой простой человека с лопатой и совсем другое — получасовой простой человека с мощным экскаватором, комбайном, башенным краном. Это совершенно разные вещи». Сегодня всего лишь за одну минуту в стране производится продукции на миллион рублей. Цена рабочей минуты постоянно растет. Неукоснительное соблюдение трудовой дисциплины становится, таким образом, все более важным условием эффективности общественного производства, повышения народного благосостояния.

Трудовая дисциплина требует правовой регламентации. Ее обеспечивают нормы советского трудового права. Законодательство о труде регулирует прежде всего внутренний трудовой распорядок на предприятиях и в учреждениях, поощрение за труд, ответственность за нарушения трудовой дисциплины. Расскажем о них подробнее.

Соблюдение трудовой дисциплины — это прежде всего выполнение внутреннего трудового распорядка, который включает в себя обязанности рабочих и служащих и обязанности администрации. В самом общем виде они указаны в законе.

Рабочие и служащие обязаны работать честно и добросовестно, блюсти дисциплину труда, своевременно и точно исполнять распоряжения администрации, повышать производительность труда, улучшать качество продукции, соблюдать технологическую дисциплину, правила по охране труда, технике безопасности и производственной санитарии, беречь и укреплять социалистическую собственность (статья 51 Основ).

Администрация, в свою очередь, обязана правильно организовать труд рабочих и служащих, создавать условия для роста производительности труда, обеспечивать трудовую и производственную дисциплину, неуклонно соблюдать законодательство о труде и правила охраны труда, внимательно относиться к нуждам и запросам работников, улучшать условия их труда и быта (статья 53 Основ).

Более конкретно обязанности администрации и работников регламентируются в правилах внутреннего трудового распорядка. «Пра-

вила внутреннего распорядка» — термин собирательный. Ему соответствуют три группы документов. Во-первых, Типовые правила внутреннего трудового распорядка, установленные для всех предприятий и учреждений страны. Они утверждены 29 сентября 1972 года Государственным комитетом Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы по согласованию с ВЦСПС. Во-вторых, отраслевые правила внутреннего трудового распорядка, установленные для каждой отрасли народного хозяйства. В-третьих, правила внутреннего трудового распорядка каждого предприятия, учреждения, организации. Трехзвенная система правил позволяет, с одной стороны, обеспечить единство правового регулирования трудовой дисциплины, а с другой — учесть специфику трудового распорядка в той или иной отрасли, на том или ином предприятии.

Основой трудовой дисциплины при социализме является прежде всего сознательное отношение к труду, методы убеждения, а также поощрения за добросовестный труд.

Перечень мер поощрения весьма широк. Часть из них указана в законе: объявление благодарности, выдача премии, награждение ценным подарком, Почетной грамотой, занесение в Книгу почета, на Доску почета. Но этим возможности поощрения отличившихся отнюдь не исчерпываются. Принципиальный характер имеет следующее положение статьи 55 Основ: «Рабочим и служащим, успешно и добросовестно выполняющим свои трудовые обязанности, предоставляются в первую очередь преимущества и льготы в области социально-культурного и жилищно-бытового обслуживания (путевки в санатории и дома отдыха, улучшение жилищных условий и т. п.)». Опираясь на это указание закона, предприятия могут отмечать своих лучших работников не только с помощью обычных мер поощрения, но и предоставляя им различные дополнительные льготы. Вот один пример. В коллективном договоре Минского тракторного завода предусмотрено: «Рабочие и служащие, которым присвоено звание «Почетный тракторостроитель», имеют право на получение премии в размере месячной тарифной ставки (оклада), на получение путевки в санаторий или дом отдыха бесплатно для себя и с оплатой 30% стоимости для членов семьи, на увеличение вознаграждения по итогам годовой работы на 25%».

Система разнообразных мер поощрения направлена на воспитание у работников стремления честно и добросовестно выполнять свои трудовые обязанности. Вместе с тем по отношению к отдельным недобросовестным работникам закон предусматривает применение мер принуждения.

Статья 56 Основ устанавливает, что за нарушение трудовой дисциплины администрация применяет следующие дисциплинарные взыскания: замечание, выговор, строгий выговор, перевод на нижеоплачиваемую работу на срок до трех месяцев или смещение на низшую должность на тот же срок, увольнение.

Дисциплинарные взыскания — не единственная возможная мера воздействия на нарушителей. Вместо применения дисциплинарного взыскания администрация может передать вопрос о нарушении трудовой дисциплины на рассмотрение товарищеского суда или общественной организации. Как показывают результаты социально-правовых исследований, именно осуждение товарищей оказывает наибольшее воздействие на нарушителей. Мнение коллектива, сила общественного убеждения — могучее средство укрепления дисциплины труда.

Коммунистическая партия и Советское правительство постоянно подчеркивают, что одним из наиболее эффективных средств укрепления дисциплины труда является неуклонное соблюдение требований трудового законодательства. Во всем этом трудно переоценить роль рабочего коллектива и здоровой моральной атмосферы. Долг каждого трудящегося — добиться, чтобы в труде, в жизни коллектива прочно утвердилось заботливое, уважительное отношение к человеку, требовательность каждого к себе и другим.

ЛИТЕРАТУРА

Александров Н., Зайкин А., Лившиц Р. Основной закон о труде. Профиздат, М., 1972.

Гинцбург Л. Я. Отпуска рабочим и служащим в СССР. «Знание», М., 1973.

Горшенин К. П. Охрана труда рабочих и служащих. «Юридическая литература», М., 1971.

Земскова Н., Силаев В. Рабочее время и время отдыха. (Справочное пособие). Профиздат, М., 1973.

Смолярчук В. Права профсоюзов в регулировании трудовых отношений рабочих и служащих. Профиздат, М., 1973.

ДОБРОВОЛЬ- НЫЙ ОТКАЗ ОТ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Г. КРИГЕР,
доктор юридических наук,
профессор

Сторож Николаенко обходил клуб. Последний киносеанс закончился полчаса назад, зрители разошлись. Было пустынно и тихо. И вдруг, зайдя за угол, где находился глухой дворик, сторож услышал мужские голоса. Один был ему знаком: говорил киномеханик Виктор Ч.

— Ты на меня положишься,— толковал киномеханик своему собеседнику.— Лестницу я уже приготовил, шпингалеты на окне открою завтра вечером. Ты подходи часам к двенадцати...

«Кражу замышляют,— охнул старик.— Милицию предупредить надо».

На следующий день сторож вместе с участковым инспектором сидели в засаде. Перед этим они убедились, что лестница и в самом деле приставлена к окну комнаты на втором этаже, где находилось клубное имущество, шпингалеты открыты... Час ждут, другой — никого нет. То же самое повторилось на другой день. И на третий.

Участковый вызвал к себе Виктора Ч. и заговорил с ним о том вечере, когда сторож нечаянно услышал разговор у клуба. Затем участковый, вынув из ящика стола исписанный лист бумаги, сказал:

— Вот и заявление есть.

Виктор растерялся. А потом стал рассказывать:

— Был такой грех. Хотели с дружкой немного поживиться. А потом он приходит ко мне и говорит: стоит ли рисковать? Вот и раздумали мы.

— А лестницу почему не убрали?

— Боялись даже подходить к этому месту...

Возникает вопрос, являются ли действия Виктора Ч. и его товарища преступными. Как расценивает их закон? Совершили они преступление или нет?

По советскому уголовному праву преступлением признается не только деяние, причинившее реальный ущерб интересам государства, общества или отдельных граждан, но и такие умышленные действия, которые лишь создают реальную угрозу причинения вреда. Это бывает, в частности, в случаях приготовления к преступлению и покушения на преступление.

Наказание за приготовление к преступлению и за покушение на преступление назначается по соответствующей статье уголовного кодекса, предусматривающей ответственность за то преступление, к совершению которого готовился виновный или на которое он покушался.

Если же человек добровольно откажется довести преступление до конца, то он не подлежит уголовной ответственности.

Золотой мостик — так называют иногда юристы добровольный отказ от доведения преступления до конца. И это справедливо, так как речь идет о человеке, уже ставшем на роковой путь и даже предпринявшем определенные действия для совершения преступления, но своевременно одумавшемся.

Среди лиц, совершающих преступные действия, далеко не все — закоренелые преступники, люди с устойчивыми антиобщественными взглядами. Иногда у человека, не имеющего твердых моральных устоев, или оказавшегося в сложной обстановке, или попавшего под влияние антиобщественных элементов, появляется намерение совершить преступление. Но между намерением и преступлением всегда есть определенный промежуток времени, и человек, уже, казалось бы, вставший на роковой путь и даже предпринявший определенные действия для совершения преступления, может своевременно одуматься, отказаться от реализации первоначальных планов, решив сохранить свое доброе имя, право открыто смотреть в глаза окружающим.

Однако чтобы ответственность человека, уже совершившего предварительные преступные действия (приготовление, покушение), исключалась, необходимы все признаки добровольного отказа. Каковы же эти признаки?

Прежде всего следует иметь в виду, что добровольный отказ возможен лишь тогда, когда лицом еще не совершены действия, образующие, как говорят юристы, оконченное преступление. Уголовное законодательство и теория уголовного права различают следующие стадии совершения преступления: приготовление, покушение, оконченное преступление.

Приготовление — первоначальная стадия, когда лицо только готовится совершить преступление. Закон определяет приготовление к

преступлению как приискание или приспособление средств или орудий или иное умышленное создание условий для совершения преступления. Формы подготовительных действий могут быть весьма разнообразны. Это изготовление или приобретение орудий преступления, подбор соучастников, устранение препятствий, изучение обстановки и так далее.

Покушением на преступление признается умышленное действие, непосредственно направленное на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по причинам, не зависящим от воли виновного. Поэтому к покушению, например, относятся такие действия: человек выстрелил в другого, но промахнулся; поджег дом — огонь погас; пытался угнать автомашину — не удалось завести мотор.

Оконченным преступление признается в том случае, когда совершенные лицом действия содержат все признаки состава данного преступления, описанного в законе. Поэтому для решения вопроса, было ли в конкретном случае преступление окончено, необходимо исходить из конструкции состава преступления, даваемой соответствующей статьей уголовного кодекса. Например, убийство предполагает лишение жизни другого человека. Следовательно, окончанным убийство может считаться только тогда, когда в результате преступных действий потерпевший был убит.

Вместе с тем следует иметь в виду, что, согласно закону, в ряде случаев окончанным преступлением признается совершение действий, которые не причинили, а лишь могли причинить реальный ущерб охраняемым законом интересам.

Например, шпионаж определяется в законе как передача, похищение или соби́рание сведений, составляющих государственную либо военную тайну (статья 65 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик). Следовательно, хотя соби́рание сведений еще и не причиняет ущерба интересам СССР, но законодатель такие действия расценивает как оконченное преступление, и после их совершения добровольный отказ уже невозможен. То же самое можно сказать о разбое, определяемом в законе как нападение с целью завладения чужим имуществом, соединенное с насилчем, опасным для жизни или здоровья лица, подвергнувшегося нападению, либо с угрозой применения такого насилия. Таким образом, сам факт нападения с указанными целями образует оконченное преступление независимо от того, завладел или нет нападающий имуществом потерпевшего.

Тем более не может быть речи о добровольном отказе, когда преступлением причинен реальный ущерб, хотя лицо после этого и пы-

тается заглазить причиненный вред, возместить ущерб или иным образом устранить вредные последствия преступного деяния. В подобных случаях имеет место так называемое деятельное раскаяние, являющееся обстоятельством, не исключающим ответственность, а лишь смягчающим ее. Суды обычно придают этому обстоятельству большое значение при определении наказания. Особенно такое обстоятельство учитывается при назначении наказания за хищения социалистического имущества. При возвращении похищенного или возмещении ущерба суды даже по делам о хищениях, караемых лишением свободы, не только существенно снижают наказание, но и назначают подчас наказание, не связанное с лишением свободы, или осуждают виновного условно.

Отказ от доведения до конца начатого преступления следует считать добровольным, если установлено, что лицо по своей воле отказалось продолжать начатую преступную деятельность и при этом сознавало, что имеет возможность задуманное преступление совершить.

Вернемся к истории с Виктором Ч. и его товарищем. Они задумали совершить кражу. Сделали для этого необходимые приготовления: приставили лестницу, открыли шпингалеты на окне. Оба имели полную возможность довести начатое дело до конца. Но в последний момент они отказались от своего намерения. Это — добровольный отказ от совершения преступления. Уголовной ответственности ни тот, ни другой не подлежит.

Вместе с тем следует иметь в виду, что не всегда отказ по своей воле означает, что лицо это делает по своей инициативе. Возможны случаи, когда инициатива отказа принадлежит другим лицам. Например, один из соучастников убеждает остальных отказаться от совершенияготавливаемого ими преступления. В приведенном и подобных ему случаях важно, чтобы лицом, намеревающимся совершить преступление, по своей воле и желанию было принято решение не продолжать преступной деятельности. При этом не имеют значения мотивы, по которым такое решение было принято. Они могут быть разными: страх перед разоблачением, боязнь наказания, раскаяние, жалость к потерпевшему, проснувшееся чувство долга и тому подобное. Например, С. отказался от ограбления, вняв мольбам пожилых женщин, у которых он хотел забрать принадлежащие им вещи. В таком и подобных ему случаях уголовная ответственность за грабеж, то есть за открытое похищение личного имущества граждан, не наступает.

Не может быть речи о добровольном отказе, если мотивом отказа от продолжения начатого преступления является боязнь задер-

жания или раскрытия преступления, возникшая в связи с конкретными обстоятельствами, препятствующими выполнению задуманного преступного деяния. Например, к месту совершения преступления стал приближаться сторож, и вор вынужден был прекратить покушение на кражу.

Не будет добровольного отказа от совершения преступления, если лицо сталкивается с сопротивлением потерпевшего или третьих лиц, с трудностями либо препятствиями, которые не может преодолеть, и потому отказывается от преступления совсем либо откладывает его совершение до более удобного времени. В том и другом случае отказ будет не добровольным, а вынужденным, и лицо отвечает за приготовление к преступлению или покушение на него, так как преступление не совершается по причинам, от него не зависящим, и такое лицо представляет общественную опасность. Напротив, при безусловном и окончательном отказе лица по своей воле от продолжения преступной деятельности отпадает его общественная опасность, потому и привлечение его к уголовной ответственности становится нецелесообразным.

Некоторые особенности присущи добровольному отказу при умышленном совместном участии в совершении преступления двух или более лиц. Суть этих особенностей состоит в следующем. Если исполнитель преступления (то есть тот, кто непосредственно своими действиями должен совершить его: убить человека, похитить имущество, поджечь дом и тому подобное) откажется от доведения преступления до конца, это обстоятельство не может быть основанием для освобождения от ответственности таких соучастников, как организатор преступления, подстрекатель и пособник. У названных соучастников добровольный отказ будет лишь в том случае, когда и они сами предпримут необходимые действия к предотвращению задуманного ими ранее преступления. Например, подстрекатель, склонивший исполнителя к совершению преступления, должен или убедить его не совершать преступления, или своевременно заявить органам власти, чтобы они предотвратили преступление, или принять другие меры, исключаяющие возможность совершения преступления исполнителем. Пособник, предоставивший те или иные орудия или средства совершения преступления исполнителю, должен взять их у него или своевременно принять меры к предотвращению преступления.

Если лицо предприняло действия, непосредственно направленные на совершение преступления (например, выдало фиктивные документы, которые должны быть использованы при совершении преступлений, подсыпало яд в продукты питания и тому подобное), а

затем решило отказаться от совершения преступления, но несмотря на принятые им меры предотвратить наступление преступного результата не удалось, оно отвечает за совершение оконченного преступления, но суд может учесть как смягчающее обстоятельство то, что виновный пытался не допустить наступления вредных последствий. Аналогично решается вопрос и в отношении соучастников, которым не удалось предотвратить преступные действия исполнителя, и несмотря на их усилия, преступление исполнителем все же было совершено.

Бывают случаи, когда лицо предприняло действия, непосредственно направленные на совершение преступления, но преступный результат не наступил по причинам, от него не зависящим, и уже после этого виновный решает не повторять попытки причинить ущерб. Здесь речь должна идти не о добровольном отказе, а об отказе от повторения попытки совершения преступления, а содеянное расценивается как покушение на преступление, которое наказывается так же, как и оконченное преступление. По одному из уголовных дел суд не признал добровольного отказа в действиях П., который на почве мести решил убить своего соседа по даче и выстрелил в него из ружья с близкого расстояния, целясь в голову. Однако потерпевший был лишь легко ранен. П., увидев кровь, испугался и не только не произвел вторичного выстрела, но оказал помощь потерпевшему. Тем не менее добровольного отказа в данном случае не было, так как при первом выстреле уже были созданы все условия для наступления смерти потерпевшего и не произошло этого по чисто случайным обстоятельствам. Суд признал П. виновным в покушении на убийство, а отказ от повторения и оказание помощи потерпевшему учел при назначении наказания лишь как смягчающее обстоятельство.

Добровольный отказ возможен при подготовке к любому преступлению и даже при неоконченном покушении. Неоконченное покушение имеет место тогда, когда преступление не доводится до конца в связи с тем, что покушавшийся совершил не все действия, которые необходимы для совершения преступления (например, с целью хищения начал делать подкоп под склад, но затем отказался от своих преступных намерений).

В судебной и следственной практике встречаются случаи добровольного отказа при покушении на изнасилование.

Двое молодых людей, Шор и Ольхович, в один из сентябрьских вечеров гуляли по улице и познакомились с двумя девушками В. и Ф., которых пригласили поехать к своему знакомому Харчеву послушать музыку. Девушки согласились. Все четверо около десяти

часов вечера приехали к Харчеву. Хозяин квартиры Харчев включил магнитофон и, заявив, что ему нужно стирать белье, ушел в ванную комнату. Молодые люди слушали музыку, танцевали, а потом Шор стал помогать вступлению в половую связь с В., а Ольхович — с Ф. В. оказала активное сопротивление, Шор отпустил ее, девушка оделась и выбежала из квартиры.

Опасаясь, что Шор и Ольхович «сделают что-либо нехорошее с подругой», В. поехала в отделение милиции, заявила обо всем происшедшем и написала заявление о привлечении к ответственности молодых людей.

Работники милиции тотчас выехали по указанному В. адресу, но Ф. уже не застали в квартире Харчева. Затем они вместе с В. поехали на квартиру к Ф., которая уже к этому времени находилась дома, привезли ее в отделение милиции, где она рассказала, что после ухода В. Ольхович отпустил ее, она оделась и уехала к себе домой. Однако В. и Ф. написали заявление о привлечении Шора и Ольховича к ответственности за покушение на изнасилование.

В приведенном случае хотя Шором и Ольховичем вначале были совершены действия, направленные на изнасилование, однако они, имея возможность довести преступление до конца, не сделали этого, прекратили насильственные действия и отказались от своего первоначального намерения. Вот почему возбужденное против Шора и Ольховича уголовное дело по обвинению их в покушении на изнасилование было прекращено. Такое решение основано на законе.

При оконченном покушении добровольного отказа не может быть, так как оконченное покушение выражается в совершении действий, которые уже могли причинить преступный результат, но этого не произошло по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного (как это показано в вышеприведенном примере с П.).

При добровольном отказе полностью исключается уголовная ответственность лица по статье, предусматривающей преступление, которое лицо намеревалось совершить. Однако, если фактически совершенные до добровольного отказа действия содержат состав какого-либо иного преступления, то виновный за это преступление подлежит ответственности по соответствующей статье уголовного кодекса.

Так, например, лицо, намеревающееся совершить убийство, приобретает и хранит пистолет. При добровольном отказе от убийства виновный не подлежит ответственности за приготовление к убийству, но отвечает за хранение оружия (статья 218 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик).

Как было отмечено выше, в соответствии со статьей 16 Основ

уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик добровольный отказ может иметь место, если лицо еще не успело совершить оконченного преступления или оконченного покушения. Однако в некоторых случаях закон предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности даже тогда, когда виновный совершил действия, признаваемые законом оконченным преступлением. Такие случаи специально оговорены в Особенной части уголовного кодекса. Так, в статье 64 УК РСФСР (такие статьи имеются в уголовных кодексах всех союзных республик), предусматривающей ответственность за тяжчайшее преступление — измену Родине, оговаривается, что «не подлежит уголовной ответственности гражданин СССР, завербованный иностранной разведкой для проведения враждебной деятельности против СССР, если он во исполнение полученного преступного задания никаких действий не совершил и добровольно заявил органам власти о своей связи с иностранной разведкой». В статье 174 УК РСФСР (и соответствующих статьях уголовных кодексов других союзных республик), предусматривающей ответственность за дачу взятки, указывается, что освобождается от ответственности лицо, давшее взятку, если «это лицо после дачи взятки добровольно заявило о случившемся». И, наконец, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 февраля 1974 года в статьи уголовных кодексов союзных республик об ответственности за незаконное ношение, хранение, изготовление или сбыт оружия или взрывчатых веществ внесено дополнение, в соответствии с которым лицо, добровольно сдавшее оружие, боевые припасы или взрывчатые вещества, хранившиеся у него без соответствующего разрешения, освобождается от уголовной ответственности. В упомянутых случаях хотя и нет добровольного отказа от совершения преступления, так как оно уже было совершено, законодатель преследует те же гуманные цели, что и при установлении нормы о добровольном отказе,— дать возможность человеку отказаться от продолжения преступной деятельности и вернуться к честной жизни.

СОБЕСЕДНИК

ВАСИЛИЙ КАВУН,
председатель Винницкого облисполкома

ГЛАВНАЯ ЗАБОТА

В предновогодние дни, когда особенно остро ощущаешь быстролетность времени, естественно желание окинуть мысленным взором пройденный путь, оценить сделанное: не было ли ошибок, промашек, правильно ли, на главном ли направлении использованы силы, что прибавилось нового, такого, что проявится не только сегодня, но и скажется завтра, от чего следует отказаться как от ненужного, устаревшего? Особенно остро встают передо мной эти вопросы сегодня, на пороге 1975 года. Завершающего года девятой пятилетки. Об этом задумывается каждый, и вполне естественно, что на последней, предновогодней сессии нашего областного Совета именно в такой тональности шло обсуждение насущных проблем.

Вспоминаются лица сидящих в зале. Многих знаю давно. Это наши правофланговые, люди, широко известные в области, давно снискавшие заслуженное признание за доблестный труд, за бескорыстную преданность общему делу: Анатолий Сафронович Перкун, орденоносец, смелый новатор, бригадир тракторной бригады колхоза имени Ленина Гаїсинского района; Виктор Иванович Попов, Герой Социалистического Труда, звеньевой колхоза «Україна» Могилев-Подольского района; Андрей Андреевич Говорун, слесарь завода «Автоэлектроаппаратура», опытный кадровый рабочий, чуткий наставник, и многие другие. А рядом с ветеранами — и молодая поросль, преемники лучших традиций старших, Николай Савчук, рабочий Ильинецкого сахарного завода, Галина Цвиненко, свиноводка колхоза имени Богдана Хмельницкого, Мария Петренчук, шлифовальщица 18-го государственного подшипникового завода. В их будущих успехах не сомневаюсь: залог этого — их любовь и уважение к труду, хозяйское отношение к народному достоянию.

Наших депутатов — и коммунистов, и беспартийных, и руководителей, и рядовых труженников, людей разных по возрасту, объединяет, прежде всего, высокое чувство ответственности перед своими избирателями. А отсюда и суровая взыскательность по отношению к себе, целеустремленность, неуспокоенность и неудовлетворенность достигнутым, широта кругозора, стремление решать задачи с государственных позиций, с учетом потребностей будущего. Взять, к примеру, деятельность депутатов областного и местных Советов в минувшем, определяющем году пятилетки, связанную с сельскохозяйственным производством. Говорю прежде всего о сельскохозяйственном производстве потому, что это ударный фронт нашей области, хотя последние десять — пятнадцать лет наложили на ее облик весьма рельефный индустриальный отпечаток. Десятую часть производимого в стране сахара вырабатывают из свеклы, возвращенной на винницких полях, а вклад наших хлеборобов в закрома Родины составил в прошлом году 1166 тысяч тонн. Этот трудовой подвиг высоко оценен Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым в его приветственной телеграмме труженникам области.

Казалось бы, оснований для особых тревог нет. В минувшем году, несмотря на неблагоприятную погоду, выращен хороший урожай, улучшены показатели по всем видам сельскохозяйственного производства. Но этого мало. Надо всмотреться в глубинное течение экономической жизни колхозов. Какими будут завтра его определяющие направления, чего следует избежать? Депутаты решили вынести

КАВУН Василий Михайлович,
председатель исполкома
Винницкого областного Совета
депутатов трудящихся,
член ЦК КПСС,
председатель Постоянной
комиссии по сельскому
хозяйству Совета Союза
Верховного Совета СССР.

на обсуждение сессии один из актуальнейших вопросов колхозной экономики — о ресурсах труда.

Беспокоило уменьшение численности трудоспособных колхозников в хозяйствах. Отток рабочей силы во многом вызван убыстряющимися темпами промышленного развития области. Но только ли этим? Если сегодня наши колхозы не испытывают особого недостатка в рабочих руках, то что будет лет через десять, через пять? О том, как рациональнее и экономнее использовать труд крестьян, как обеспечить убыстряющийся рост производства за счет повышения производительности труда, уровня механизации, и шел деловой разговор на сессии.

Своим опытом поделился мой давнишний знакомый по работе в Тепликском районе депутат Иван Никитович Дышук, председатель колхоза имени Ленина. В прошлом тридцатитысячник, он стал рачительным, инициативным хозяином. Это при нем колхоз за трудовые успехи удостоен высокой награды — ордена Ленина.

Год от года в хозяйстве увеличиваются основные фонды, прибыли, отчисления на социально-культурные потребности, возрастает оплата труда колхозников, сегодня она составляет в среднем 110 рублей в месяц. На территории усадьбы построены Дворец культуры, два клуба, предприятия службы быта, торговли, медицинские учреждения.

Почетом и уважением окружены в колхозе передовики труда, им присваиваются звания «Почетный колхозник», «Лучший по профессии». Ежегодно десятки лучших тружеников за счет колхоза отправляются в туристические путешествия по стране, премируются поездками на выставки достижений народного хозяйства СССР и УССР. В вузы и техникумы направляются колхозные стипендиаты, много молодежи едет учиться в профтехучилища и на курсы механизаторов. Тем, кто возвращается из армии и остается работать в селе, а также выпускникам средних школ предоставляются денежные пособия, гарантируется приобретение квалификации. Все эти меры способствуют закреплению кадров, повышению их профессиональных качеств. Но в выступлении депутата Дышука не чувствую самоуспокоенности — он говорит о том, что правление делает все, чтобы приблизить условия труда колхозника к условиям труда промышленного рабочего. Наряду с механизацией трудоемких процессов проводятся мероприятия по упорядочению рабочего дня в хозяйстве, внедряется двухсменная работа. Очень правильная политика! Ведь именно вопрос нормирования рабочего дня колхозников является одним из главных в деле закрепления кадров на селе.

Большое внимание было уделено на сессии обсуждению темпов

социального и культурного преобразования сел. Выступающие рассказали о широком участии в этом деле местных Советов, о достигнутых успехах и возникших проблемах.

И здесь нельзя не отметить, что влияние депутатов, их вмешательство в хозяйственную и культурную жизнь области за последние два года значительно усилилось, одновременно возрос их авторитет. Этому способствовал принятый в 1972 году Закон о статусе депутатов Советов депутатов трудящихся в СССР — еще одно свидетельство неустанной заботы Коммунистической партии о повышении роли Советов в жизни страны, о все более полном осуществлении ими своих функций. Новый закон дал возможность каждому народному избраннику разносторонне проявить себя, лучше выполнять свои обязанности. Он особо подчеркнул высокое назначение депутата, его ответственность перед избирателями за выполнение их наказов.

В нашей области наказы избирателей своим депутатам находят самое широкое отражение в планах социально-экономического и культурного развития сельских производственных коллективов. Инициаторами их составления выступают местные Советы. Следует заметить, что выдвигаемые перед депутатами требования существенно изменились за последние пятнадцать лет. Ранее они сводились к просьбам об оказании помощи в ремонте общественных зданий, дорог, благоустройстве улиц и тому подобное. Сейчас, когда окрепла экономика наших колхозов, люди желают коренным образом изменить свой быт, полнее удовлетворять возросшие духовные потребности. И наказы их могут быть обеспечены только при наличии крупных денежных средств, высококачественных стройматериалов, при содействии областных и республиканских организаций. А отсюда и новые сложные задачи Советов по изысканию фондов, организации работ. Естественно, что для их решения широко привлекаются хозяйственники, руководители районного и областного масштаба.

С исключительным вниманием относятся к наказам избирателей в Бершадском районе, где председателем исполкома Мария Тихоновна Яловенко. Здесь в социально-экономических планах значительное место уделено службе быта, учреждениям медицины и культуры, народного образования. За последние четыре года в районе построены новые благоустроенные помещения районной больницы, поликлиники, четыре средних школы, тридцать девять предприятий торговли и службы быта, успешно осуществляется жилищное строительство. В фонд социально-культурных мероприятий колхозы района отчисляют ежегодно около двух миллионов рублей.

Не могу не вспомнить добрым словом и Бабинецкий сельский Совет Погребищенского района. Здесь на посту председателя исполкома вот уже в течение полутора десятков лет трудится Василий Ильич Галасюк. Человек неугомонный, обладающий счастливым даром увлекать за собой людей, он внес немалый вклад в дело повышения благосостояния односельчан. За свою деятельность Василий Ильич удостоен высокой награды — ордена Октябрьской Революции.

Много сделали депутаты этого Совета по улучшению условий труда животноводов, нормированию их рабочего дня, они добились организации общественного питания для работников ферм, создания для них профилактория.

А постоянная комиссия по социалистической законности к одному из заседаний исполкома подготовила вопрос о соблюдении Устава колхоза. В процессе проверки были обнаружены нарушения уставных требований в землепользовании, рассмотрении заявлений и жалоб трудящихся, в сроках проведения собраний колхозников. Устранение этих недостатков комиссия взяла под контроль.

По инициативе депутатов было проведено собрание общественности по борьбе с пьянством, самогонварением. Вокруг тех, кто нарушает моральные нормы нашей жизни, создана атмосфера всеобщего осуждения.

Успешное развитие экономики, повышение материального и культурного уровня народа во многом зависят от соблюдения социалистической законности, дисциплинированности каждого.

Как представители государственной власти, народные избранники всегда на страже правопорядка. Малейшее ущемление прав граждан, гарантированных Конституцией СССР, вызывает у депутатов острую реакцию. Вопросы о рассмотрении жалоб и заявлений трудящихся являются предметом всестороннего делового обсуждения на сессиях местных Советов. Вместе с тем депутаты выступают организаторами борьбы с теми, кто забывает о своих обязанностях, не желает подчиняться законам нашего общества.

Одним из проявлений сознательности советских людей, их стремлением жить по нормам коммунистической морали является возглавляемое Советами движение за коллективы высокой производительности труда, населенные пункты высокой культуры и образцового общественного порядка. Большое распространение получило оно и на Винничине. В нем участвуют самые широкие круги общественности: сельские и уличные комитеты, товарищеские суды, народные дружинники; используются самые различные формы и методы: усиление правовой пропаганды, воспитание подрастающего поколения, активизация культурно-просветительной деятельности.

В настоящее время можно перечислить немало населенных пунктов, где уже в течение последних одного-двух лет не было правонарушений. Это села Пагурцы, Чепели, Филиополь Хмельницкого района; Кировка, Нападовка, Чернятин Калиновского района; Качковка Ямпольского района и многие другие.

Соблюдение социалистической законности, развитие движения за коллективы высокой производительности труда, населенные пункты высокой культуры и образцового порядка — составные части той большой работы, которую проводят депутаты как активные помощники Коммунистической партии в деле нравственного совершенствования советского человека. Велика и ответственна их роль как воспитателей. Я уже не говорю о том, что депутат сам должен быть примером коммунистического отношения к труду, образцового поведения в быту, в обществе. Но быть только примером мало. Надо суметь убедить окружающих в правильности своего поведения, зажечь в них желание следовать твоему почину. И в этом нужна особая тонкость, исключительная чуткость. Найти ключи к сердцам людским, заставить их биться в унисон с твоим — это ли не труднейшая и благороднейшая задача! Не каждому она по плечу.

Как-то в нашей областной газете «Винницкая правда» была опубликована статья «Честь хлеборобская». Ее автор — депутат областного Совета, Герой Социалистического Труда, звеньевая колхоза «Украина» Крыжопольского района Ольга Федоровна Десяк. Этой славной труженице присущи лучшие черты нашего современника: увлеченность в труде, высокоразвитое чувство коллективизма, чуткость, отзывчивость в отношениях с людьми и в то же время непримиримость к недостаткам. В звене, которым она руководит, за десять лет не было ни единого нарушения трудовой дисциплины. Мне особенно понравилось понимание ею своего долга депутата и воспитателя.

В чем сила нашего морального влияния, размышляет Ольга Федоровна. Она и в личном примере, и в высокой требовательности и доброжелательности.

Десяк обратилась к хлеборобам области с призывом высоко нести свою честь, любить и ценить землю, по-хозяйски распоряжаться народным добром, а тем, кто попытается запятнать звание честного труженика, давать достойный отпор.

Глубокое, святое уважение к земле, умение хозяйствовать на ней с пользой для себя и грядущих поколений стремятся воспитывать у людей депутаты. Делом большой государственной важности стала начатая по инициативе депутатов Донецкой области Всесоюзная переключка-соревнование сельских и поселковых Советов под девизом

«Ценить и беречь землю». В нее активно включились и Советы Винничины.

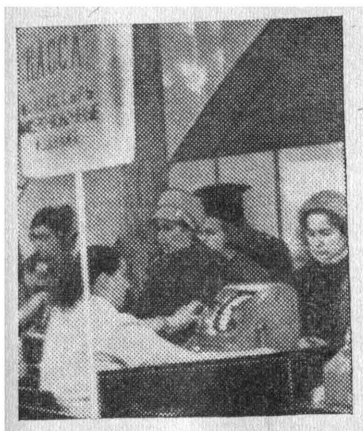
Постоянные комиссии по сельскому хозяйству и охране природы проверяют сохранность земельных фондов, соблюдение Основ земельного законодательства СССР и союзных республик, Земельного кодекса УССР, реализацию мероприятий по рациональному использованию земли, разработанных Советами, эти комиссии активно борются с бесхозяйственностью, контролируют отвод земельных участков под новостройки.

Главное же в этом движении — его массовость. В дело сохранности и повышения плодородия колхозных полей депутаты стараются вовлечь каждого сельского труженика, дать ему возможность проявить инициативу, высказать свои соображения, то есть показать себя настоящим хозяином земли.

Настал новый, завершающий год пятилетки. Сложные, ответственные задачи поставил он перед тружениками всей страны. В своей речи на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа Москвы 14 июня 1974 года Леонид Ильич Брежнев сказал: «Единственным источником нашего благосостояния был и останется труд, ум и руки тех, кто варит сталь, добывает нефть, конструирует машины, строят заводы и электростанции, сеет и убирает хлеб. И все, что мы планируем, все, на что надеемся, заглядывая в завтрашний день, можете превратить в реальность только вы, товарищи, только люди труда».

Забота о человеке труда, создание ему условий для плодотворной работы остается главной заботой Советов — органов истинного народовластия.

...Закончилась сессия областного Совета, она наметила основные направления деятельности депутатов в завершающем году пятилетки. И деловое обсуждение насущных проблем на сессии, глубокое понимание депутатами проблем сегодняшнего дня, умение подходить к их решению творчески не оставляют сомнений в успешном выполнении поставленных задач.

Скандал у кассы

*Правила торговли —
на видное место!*

Уважаемая редакция!

Недавно я была в Ростове-на-Дону проездом: возвращалась из отпуска. Зашла там в булочную купить на дорогу хлеба, печенья и конфет. Дала кассирше десятку. Вся моя покупка стоила около трех рублей. Кассирша мне выдала чек и мелочью сдачи... Я взяла их и пошла к продавцу. Стою в очереди и думаю: «Чего же она мне семь рублей с десятки не сдала?» Опять подхожу к кассирше, требую вернуть мне недоданные деньги. А она говорит: «Почему не проверили сдачу, не отходя от кассы?» И тут начался скандал. Народ шумит: «Не задерживай очередь!» «Сама виновата!» — Может, я и виновата в том, что не проверила сдачу сразу, но ведь по сути дела права. А оказалась опозоренной. Мне не так жалко денег, все-таки сама ротозейство проявила, как свое здоровье. Ведь мне испортили настроение. Обругали, оскорбили и выпроводили ни с чем. Сказали: приходите за деньгами вечером, когда кассу будем снимать. Ушла я от них с горьким чувством...

**Н. АНИКЕЕВА,
г. НОВОСИБИРСК**

Попробуем разобраться, кто же в данном случае прав. В соответствии с действующими правилами работы магазинов кассир производит расчет с покупателями в следующем порядке. Прежде всего он четко называет сумму полученных денег и кладет их отдельно на виду у покупателя. Затем печатает чек на кассовом аппарате и называет сумму причитающейся покупателю сдачи. Выдает ее вместе с чеком, при этом бумажные купюры и разменная монета даются одновременно. После окончательного расчета кладет полученные от покупателя деньги в кассовый ящик.

Такой порядок установлен не случайно. Это гарантия того, что даже забывчивый покупатель не уйдет от кассы без сдачи. Между тем в практике работы магазинов встречаются еще факты нарушения установленных правил. Покупателю выдаются вначале чек, затем мелочь и в последнюю очередь — крупные купюры. По этой причине и возникла конфликтная ситуация.

В приведенном случае виновата кассир, которая нарушила порядок расчета с покупателем. Однако и Н. Аникеева не воспользовалась своими правами. Ей следовало бы обратиться к директору (заведующему) магазина, его заместителю или уполномоченному, которые компетентны решить вопрос о снятии остатка денежных средств в течение рабочего дня. О случившемся можно было бы поставить в известность торговую инспекцию. Телефоны Госторгинспекции вывешиваются в каждом магазине на видном месте. Наконец, можно было бы обратиться в вышестоящую организацию. Интересы потребителей в нашей стране защищаются рядом нормативных актов: Основами гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, постановлениями правительства, правилами торговли.

Во всех магазинах покупателям предоставлена возможность высказать свои замечания и претензии в книге жалоб и предложений, которая должна постоянно находиться на видном и доступном месте и по первому требованию выдаваться покупателю. Администрация магазина обязана не позднее чем за 48 часов рассмотреть записанные в книгу заявления и принять меры к устранению недостатков.

За соблюдением действующего законодательства, регулирующего правила торговли, следят государственные, ведомственные и общественные контролеры. И все же правила торговли выполняются не везде. Еще имеются случаи обвесов, обчетов, завышения цен и так далее.

Практика показывает, что некоторые торговые работники, нарушая правила торговли, рассчитывают на неосведомленность покупателей о правилах торговли и о законах, которые защищают их интересы. Многие ли, например, знают о том, что магазины должны закрываться на обед и заканчивать работу в точно установленное время, а не за 10—15 минут, как это нередко бывает. Или возьмем другой факт. Некоторые покупатели полагают, что основной признак диетического яйца — наличие штампа, а он всего лишь удостоверяет дату снесения яйца. Если же после этого прошло семь дней, яйцо должно быть переоценено и продаваться как простое.

Часто можно видеть в магазинах объявления, которые говорят лишь об обязанностях покупателей: «Проверяйте деньги и чеки, не

отходя от кассы», «Посуда принимается только в обмен», «Будьте взаимно вежливыми». Что же касается прав покупателей, то о них обычно сообщается мало. А почему бы, например, вместе с вкладышем «Благодарим за покупку» не положить извлечение из правил работы магазина? В фирменных промтоварных магазинах такие извлечения можно печатать даже на оберточной бумаге.

Сейчас редко встретишь такого работника, который не знал бы о порядке найма и увольнения, предоставления очередного отпуска. О правилах же торговли многие покупатели осведомлены довольно поверхностно. А ведь в магазины каждый заходит почти ежедневно.

И заниматься информацией населения о правилах торговли, конечно же, должны министерства торговли СССР и союзных республик, которые утверждают эти правила. Большую помощь в этом деле могут оказать печать, радио, телевидение, а также лекционная работа сотрудников государственных торговых инспекций, органов народного контроля и общества «Знание» среди населения.

Думается, что широкая информация населения о правилах работы предприятий торговли и бытового обслуживания дисциплинировала бы работников этих отраслей и способствовала повышению культуры обслуживания и предупреждению нарушений правил торговли.

Заканчивая разговор о случае, происшедшем с Н. Анкиевой в магазине, хочется сказать несколько слов и о вежливости. Быть с покупателем приветливым, вежливым, предупредительным, не вступать с ним в споры и пререкания, любезно дать ему консультацию или совет — эти строки из правил работы магазинов хорошо известны каждому продавцу и кассиру. Но дело здесь не только в знании. Эти правила необходимо строго соблюдать каждому торговому работнику. Тогда скандалов у касс не будет, либо они станут редким исключением.

Безусловно, вежливыми и предупредительными должны быть и покупатели. Труд кассира и продавца не из легких. К сожалению, электронно-вычислительная техника пока не нашла широкого применения в торговле. Поэтому ошибки в их работе возможны, но это не может служить основанием для оскорблений и подозрений в нечистоплотности каждого работника торговли, допустившего какой-либо просчет. Только при взаимном уважении друг друга может быть обеспечена высокая культура обслуживания и безукоризненная, четкая работа торговых предприятий.

В. ТЕПЛОВ,
референт сектора товаров
народного потребления ВЦСПС

ПРЕДОТВРАТИТЬ НЕВОСПОЛНИМЫЕ ПОТЕРИ

Со всех концов страны пришли взволнованные отклики на письмо доктора филологических наук В. Малышева, которое было опубликовано в нашем журнале в прошлом году. Некоторые из них мы предлагаем вниманию читателей.

Академик Д. С. ЛИХАЧЕВ

Наше общее дело

Все, что написал заслуженный деятель науки В. И. Малышев по поводу деятельности «собирателя» русских ценностей М. С. Севастьянова, справедливо и важно. Но дело не в одном только Севастьянове. Сельские местности, особенно на Севере, буквально наводнены такого рода «коллекционерами», которые скупают или выпрашивают у населения все, что можно: старые деревенские замки и ключи, краны от самоваров, прялки, снимают с изб деревянные резные украшения, срезают с покрывал кружева, вышивки, уносят медную посуду, полотенца и так далее.

Я не против коллекционерства — я против того, чтобы «коллекционеры» обманывали сельских жителей, давали им гроши за ценнейшие старинные вещи, пользовались тем, что люди подчас просто не знают цены этим сокровищам.

Бороться с «коллекционерами», обманывающими владельцев старинных вещей, очень трудно. Невозможно подвести их деятельность под ту или иную статью закона. Часто они действуют вполне законно, но деяния их тем не менее являются просто грабительскими. Бороться с ними тем более трудно, что часто они являются членами творческих союзов, уважаемыми во всех остальных отношениях людьми. А вот заплатить пять рублей за вещь, которая стоит сотни рублей и имеет валютную ценность, они не стесняются.

Необходимо, мне кажется, вести среди населения разъяснительную работу. В сельских клубах надо устраивать лекции о народном и старинном искусстве, выпускать и показывать кинофильмы о народном искусстве, в местных газетах помещать статьи о ценности старинных рукописей, предметов крестьянских ремесел.

Когда население будет знать, какими оно обладает ценностями, жителей труднее будет обмануть всякого рода проходимцам, торгашам и так называемым «коллекционерам», скупающим за гроши и присваивающим все, что «плохо лежит».

С. О. ШМИДТ,

председатель Археографической комиссии АН СССР,

доктор исторических наук;

В. А. ЧЕРНЫХ,

ученый секретарь Археографической комиссии АН СССР,

кандидат исторических наук

Нужен новый закон

Археографическая комиссия АН СССР целиком присоединяется к оценке В. Малышевым деятельности «собирателя» М. С. Севастьянова и поддерживает предложение о необходимости принятия эффективных мер против спекуляции древними рукописями и другими памятниками культуры.

Думается, что большую пользу мог бы принести закон об охране и использовании памятников истории и культуры, который предусматривал бы, в частности, порядок государственного учета памятников письменности (документальных памятников), находящихся в собственности отдельных граждан, а также ответственность граждан за сохранность этих памятников. При этом необходимо предусмотреть, что отчуждение гражданами памятников истории и культуры должно производиться с обязательным уведомлением органов охраны памятников. Проведение археографических экспедиций и скупка у населения памятников письменности должны разрешаться лишь при наличии «открытого листа», выдаваемого соответствующими учреждениями Академии наук СССР.

Принятие нового закона об охране и использовании памятников истории и культуры позволило бы наиболее эффективным образом

обеспечить охрану культурного достояния нашего народа и решительно пресечь спекуляцию культурными ценностями.

Однако и в рамках действующих законоположений местные органы власти обязаны и имеют возможность пресекать деятельность лиц, подобных М. С. Севастьянову, которые, как правильно отмечается в письме В. И. Малышева, наносят огромный ущерб делу концентрации памятников отечественной письменности и культуры в государственных хранилищах.

Археографическая комиссия АН СССР вместе с тем считает необходимым подчеркнуть недопустимость смешивания преступной спекулятивной деятельности отдельных лиц, скупающих и перепродающих памятники отечественной культуры с целью наживы, с благородной патриотической деятельностью энтузиастов — коллекционеров памятников древней письменности, спасающих их от гибели и создающих ценные личные собрания, которые затем передаются или завещаются владельцами государственным хранилищам. Образцом такой многолетней собирательской деятельности может служить ценнейшая коллекция древних рукописей, собранная академиком М. Н. Тихомировым и пожертвованная им Сибирскому отделению АН СССР.

Строки из писем

В 1969 году мне было поручено произвести экспертизу и оценить рукописные и печатные книги, изъятые следственными органами города Сочи у Севастьянова. По суду рукописи были изъяты у него и переданы в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина. К сожалению, своей деятельности Севастьянов не прекратил: собирает, как и прежде, рукописи и книги явно для спекуляции.

Безнаказанные опустошительные «набеги» Севастьянова (а привозит он, я видела, мешками, чемоданами) наносят огромный вред археографической работе, развертывающейся сейчас по всей стране. Ему, свободному, неработающему человеку, обладающему большими денежными средствами, ничего не стоит поехать в любой конец страны и, опередив научную экспедицию, забрать за бесценок все самое редкое и дорогое.

Меня интересует вопрос — неужели нельзя пресечь его явно вредную деятельность?

Л. ТИГАНОВА,
заведующая сектором рукописных книг
Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина,
кандидат филологических наук

Досадно, что неоценимые памятники русской культуры прошлых веков попадают в руки «дельцов», тогда как им место в музеях или спецхранилищах. Из рук спекулянтов они могут бесследно исчезнуть, что для науки явится огромной, невозполнимой потерей.

Я за то, чтобы навести порядок в этом важном деле.

**г. ЧЕРДЫНЬ
ПЕРМСКОЙ
ОБЛАСТИ**

**И. ЛУНЕГОВ,
заслуженный работник культуры РСФСР**

Мы, преподаватели кафедры литературы областного пединститута, разделяя мысль автора письма, восстающего против безнаказанного расхищения общерусского культурного наследия, полагаем, что закон должен встать на защиту уникальных памятников старины и препятствовать собиранию их частными лицами, не облеченными соответствующими полномочиями

г. ПСКОВ

**Е. СЕМЕНОВ, В. ГОЛИЦИНА,
Е. МАЙМИН, И. ЧЕРНОВА, Э. СЛИНИНА,
кандидаты филологических наук**

Корыстных «собирателей» типа М Севастьянова нужно решительно и сурово остановить, потому что в погоне за наживой они наносят огромный вред обществу. Спекуляция вообще уголовно наказуема, тем более должна пресекаться спекуляция культурными и научными ценностями.

г. МИНСК

**Ю. ПШИРКОВ,
доктор филологических наук, профессор**

комментарий юриста

Из полученных редакцией откликов на письмо доктора филологических наук В. Малышева видно, что читателей волнуют фактически два вопроса.

С одной стороны, они проявляют понятную озабоченность судьбами памятников истории и культуры и призывают усилить внимание к их охране.

Вместе с тем некоторые чи-

татели считают, что против деятельности некоторых «собираателей» старины, расцениваемой как замаскированная спекуляция, наши законы бессильны. Такое утверждение не соответствует действительности.

В настоящее время все находящиеся на территории нашей страны памятники истории и культуры подлежат учету и ох-

ране со стороны соответствующих государственных и общественных организаций. Объектами охраны являются памятники истории, археологии, архитектуры, искусства и памятники литературы (древние и редкие книги, рукописи, письма выдающихся деятелей, их автографы и другие письменные памятники), о которых в основном и идет речь в письме В. Малышева.

Охрана всех этих памятников отнесена к компетенции союзных республик. В ряде республик (например, в Армении, Узбекистане) в настоящее время действуют законы об охране памятников истории и культуры, где подробно регламентированы вопросы учета и охраны памятников, установлены их правовой режим и ответственность за нанесение вреда памятникам.

Важно подчеркнуть, что в республиканских законах об охране памятников истории и культуры указано, что вне зависимости от того, кто является собственником памятника — государственная, кооперативная, общественная организация или отдельные граждане, — охраняет его государство в лице компетентных органов. Забота об их сохранении — почетная обязанность всех граждан. Кроме того, ведение любых археологических исследований — разведок, раскопок — разрешается при наличии «открытого листа», выдаваемого республиканской академией наук.

В соответствии с законодательством передача или продажа памятников истории и культуры (кроме передачи и продажи их музеям, архивам и другим государственным хранилищам) производится только с ве-

дома министерства культуры республики. В случаях нанесения ущерба историческим ценностям виновные привлекаются к административной или уголовной ответственности.

Деятельность Севастьянова по собиранию памятников истории и культуры, о которой рассказали В. Малышев и другие читатели журнала, находится, следовательно, в противоречии с действующим законодательством. Однако сразу нужно оговориться: нельзя смешивать собирательскую работу энтузиастов-коллекционеров с противоправной деятельностью, преследующей явно корыстные цели и наносящей вред делу сохранения памятников истории и культуры для современного и будущего поколений.

Некоторые «собиратели» обманом или злоупотребляя доверием (то есть мошенническим путем) приобретают у несведущих людей принадлежащие им исторические ценности. Зачастую такие действия преследуют корыстные цели. Исходя из характера и степени общественной опасности мошенничества законом установлено наказание: за мошенничество безотягчающих обстоятельств предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет или исправительные работы на срок до одного года. За мошенничество, совершенное повторно или по предварительному сговору группой лиц, — лишение свободы на срок до четырех лет. В случаях причинения мошенничеством значительного ущерба потерпевшему либо при мошенничестве, совершенном особо опасным рецидивистом, установлено наказание в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет

(статья 147 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик).

Иногда памятники истории и культуры могут быть предметом не только мошенничества, но и спекуляции. Квалификация действий подобного рода «собираателей» старины зависит от конкретных обстоятельств. За спекуляцию виновные также могут быть привлечены как к административной, так и уголовной ответственности (статья 154 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик).

Улучшить охрану памятников истории и культуры можно не только последовательным применением законов, но и привлечением к этой работе населения.

В РСФСР действует массовая общественная организация — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. Аналогичные организации имеются и в других союзных республиках. Задачи этих обществ состоят в привлечении широких слоев населения к непосредственному участию в охране исторических и культурных ценностей нашей Родины, пропаганде памятных мест, информации о значении памятников в истории страны.

И еще об одном. Деятельность мошенников — «любителей» древностей, как показывает жизнь, стала возможной не только из-за неосведомленности людей о ценности принадлежащих им памятников истории и культуры. Часто владельцы подобного рода древностей просто забывают, что их нужно бережно хранить и не допускать бесследного исчезновения для истории. Люди, во владении которых находятся старинные иконы, рукописи, должны знать, что в их же интересах, раньше чем продавать случайным покупателям ценную реликвию, стоит посоветоваться со знающими людьми — учителями литературы и истории, краеведами, работниками местных отделов культуры. Если граждане будут помнить об этом, разным проходимцам не представится возможности приобретать с помощью мошенничества исторические ценности. Поэтому правы те читатели, которые считают, что надо усилить борьбу с указанными антиобщественными нарушениями, строго применяя нормы действующего законодательства и расширяя одновременно разъяснительную работу среди населения об исторических ценностях, порядке их выявления, взятия на учет и под охрану государства.

А. ИВАНОВА,
кандидат юридических наук

по следам
неопубликованных
писем

БЕСПОРЯДКИ ЛИКВИДИРОВАНЫ

Работница швейного цеха Анджанской трикотажной фабрики М. Майер написала в редакцию о разбазаривании народного добра и нарушениях финансовой дисциплины на их предприятии.

По просьбе редакции проверкой этих фактов занималось Управление БХСС МВД Узбекской ССР. Оказалось, что у мастеров швейного цеха Воробьевой, Овечкиной и Огневой ревизия действительно обнаружила недостачу материальных ценностей. В настоящее время расследование по этому факту закончено и дело передано в суд.

Установлено также, что на фабрике неоднократно и на несколько дней задерживалась выплата заработной платы, нарушался порядок учета выполненных работ и их оплаты. Виновная в нарушении учета и оплаты работ мастер швейного цеха Муратшина от занимаемой должности освобождена, а начальнику цеха Плеховой объявлен выговор.

РЕЧКА БУДЕТ ЧИСТОЙ

«**П**омогите! Местный маслозавод и животноводческая ферма могут в ближайшее время вконец загубить нашу реку Барнево систематическим сбрасыванием в нее отходов производства и бытовых нечистот..» — писали в редакцию жители села Новопетропавловского Далматовского района Курганской области.

Этот сигнал, как сообщил в редакцию заместитель председателя исполкома Курганского областного Совета депутатов трудящихся А. Монсеев, рассматривался на заседании исполкома Новопетропавловского сельского Совета. Факты загрязнения реки Барнево подтвердились. По решению исполкома в Новопетропавловском начаты работы по очистке колодца и ремонту канализационных труб. Отработанные воды маслозавод будет отводить теперь в специальные места. Спilosные ямы, расположенные вблизи рек Барнево и Черной, в нынешнем году эксплуатироваться не будут.

А КАК ЖЕ ИЩАЧЕ?

«...**В** результате автоаварии, происшедшей по вине моего сына А. Пинчука, погибли муж и жена Вороновы,— писал в редакцию гражданин В. Пинчук.— Суд приговорил моего сына к восьми годам лишения свободы. Но это не все. Поскольку после гибели Вороновых остался без кормильцев несовершеннолетний сын Ленья Воронов, с моего сына взыскали еще и деньги на содержание Лени. Разве это справедливо?!»

Жалобу В. Пинчука мы направили в прокуратуру Приморского края. Было установлено, что Партизанский районный народный суд присудил мехколонне № 12 треста «Сибстроймеханизация» (где работал А. Пинчук) выплачивать на содержание оставшегося после гибели супругов Вороновых их сына Лени ежемесячно по 101 рублю 65 копеек. Виновный в автокатастрофе А. Пинчук грубо нарушил требования правил дорожного движения, что привело к гибели людей. Он осужден по статье 211 части 2 Уголовного кодекса РСФСР. Спустя два года мехколонна № 12 обратилась в суд с регрессным иском о взыскании ущерба (около 2000 рублей), причиненного колонне действиями А. Пинчука. Народный суд в полном соответствии с законом и гуманными принципами нашего правосудия удовлетворил этот иск частично: учтя материальное положение А. Пинчука, взыскал с него в пользу мехколонны всего 1000 рублей.

Сомнения В. Пинчука относительно справедливости такого решения, как сообщил нам заместитель прокурора Приморского края Комаров, совершенно беспричинны. Поэтому оснований к принесению протеста на решение Партизанского районного народного суда нет.

ЧТО ПОСЕЕШЬ...

Е. Жуланова, бывший заместитель бухгалтера колхоза в казахском селе Убинское, жаловалась в редакцию на незаконное увольнение ее с работы и исключение из колхоза. По этому сигналу Убинское управление сельского хозяйства Восточно-Казахстанской области организовало проверку. Проверяющие установили, что Е. Жуланова была принята в колхоз на должность заместителя главного бухгалтера в марте 1972 года. За время работы показала себя исключительно недобросовестной сотрудницей, что подтверждается как докладными главного бухгалтера, так и балансовой комиссией районного управления сельского хозяйства. Злоупотребляя спиртным, она часто не только опаздывала на службу, но и прогуливала рабо-

чие дни целиком. В связи с таким поведением Е. Жулановой ревизионная комиссия на общем отчетном собрании колхозников предложила заменить некоторых бухгалтерских работников, и в частности заместителя главного бухгалтера. Решением правления колхоза Е. Жуланова была освобождена от занимаемой должности и назначена рядовым бухгалтером. Однако правильных выводов из этого она не сделала, продолжала прогуливать и пьянствовать. Поэтому в полном соответствии с законом Е. Жуланову за нарушение трудовой дисциплины исключили из колхоза.

НАРУШИТЕЛИ В ЭФИРЕ

Гражданин И. Курулюк из Кемерово жаловался в редакцию на «незаконную акцию» кемеровской милиции, силой изъявшей у членов его семьи радиопередающую аппаратуру. Редакция направила это письмо прокурору Кемеровской области. В результате проверки было установлено, что сын гражданина И. Курулюка Сергей незаконно, то есть без соответствующего разрешения властей, вышел в эфир, но был запеленгован службой связи. Работники органов внутренних дел в соответствии с законом изъяли у него магнитофон, микрофон МД-200 и радиолу «Беларусь», которые он использовал для выхода в эфир. При изъятии радиоаппаратуры гражданин Курулюк и ее дочь оказали работникам милиции сопротивление, отталкивали и оскорбляли их, прятали аппаратуру.

По постановлению Кемеровского районного народного суда города Кемерово С. Курулюк был оштрафован на пятьдесят рублей. Кроме того, по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР «Об ответственности за незаконное изготовление и использование радиопередающих устройств» суд постановил конфисковать изъятые радиопередающие устройства. Вина С. Курулюка при проверке подтвердилась и не отрицается им самим.

И Т О Г И К О Н К У Р С А

Подведены итоги юридического конкурса 1974 года. Жюри рассмотрело свыше 10 тысяч писем с ответами читателей. Судя по этим письмам, участники конкурса стремились четко, логично и юридически обоснованно разрешить каждый казус. В большинстве ответов даны ссылки на действующее законодательство и практику его применения.

Решение жюри

С. Г. Рогожина

Рассмотрев ответы участников юридического конкурса 1974 года, жюри постановило присудить:

1. первую премию (ценный подарок) — Рогожиной Светлане Григорьевне, учительнице средней школы № 76 города Запорожье;
2. две вторых премии (памятные подарки) — Решетникову Геннадию Федоровичу, мастеру участка ПМК-4 треста «Таджикцеллнстрой», город Зафарабад; Аблязову Владимиру Ивановичу, старшему мастеру Саратовского химкомбината;
3. три третьих премии (библиотечка юридической литературы) — Илиуц Флоаре Ильиничне, учительнице Междуреченской средней школы Старожицкого района Черновицкой области; Кукарину Владимиру Александровичу, участковому инспектору Госгортехнадзора, город Москва; Николаеву Николаю Васильевичу, преподавателю профтехучилища города Шумерля Чувашской АССР.

Среди участников конкурса, не заявивших по тем или иным причинам призовых мест, но приславших интересные ответы с анализом нормативных актов и обоснованием своей позиции, жюри отмечает: А. К. Никулину, техника из города Калининграда Московской области; Н. В. Серова, инженера научно-исследовательского института города Горького; Н. Л. Клезович, инженера треста «Уралалюминстрой» из города Каменск-Уральского Свердловской

области; В. М. Великоцкую, заведующую детсадом из города Балахты Красноярского края; Г. Ф. Малевского, пенсионера из города Петропавловска-Камчатского; Н. А. Кабирова, механизатора из колхоза «Федирки» Волочисского района Хмельницкой области; Л. М. Анохина, пастуха из совхоза «Львовский» Ярцевского района Смоленской области; Г. А. Львову, инспектора отдела кадров Саратовского пассажирского автопредприятия.

Содержательные ответы прислали и активные участники конкурсов прошлых лет. Это А. И. Рыженков, мастер Челябинского трубопрокатного завода (2-я премия 1972 года); Н. И. Дмитриев, электрик домоуправления из Сочи (1-я премия 1973 года); М. Г. Хайбуллин, стропальщик Гурьевского стройуправления треста «Беловошахтстрой» из Кемеровской области (3-я премия 1973 года) и некоторые другие.

При определении победителей конкурса жюри принимало во внимание обоснованность ссылок на нормативные акты, полноту анализа правоотношений, рассматриваемых в юридических случаях.

Председатель жюри
П. ТРУБНИКОВ,
доктор юридических наук

●

Вниманию читателей

Редакция журнала «Человек и закон» объявляет в 1975 году новый юридический конкурс.

Условия конкурса

1. Участники конкурса должны прислать в редакцию аргументированные ответы на юридические случаи и мотивировать, какой именно нормой права и почему следует руководствоваться при решении данного задания.

2. Ответы должны быть отправлены не позднее 5 числа следующего месяца (например, ответ на январское задание должен быть послан не позднее 5 февраля).

3. На конвертах обязательно делайте отметку «На юридический конкурс».

4. В конце каждого ответа сообщайте свою фамилию, имя, отчество, возраст, место работы и должность, домашний адрес.

5. Юристы в конкурсе не участвуют.

Для победителей установлены шесть премий:

одна первая — ценный подарок;

две вторых — памятные подарки;

три третьих — библиотечка юридической литературы.

Примечание: объединять в одном письме ответ на конкурс с другими вопросами и предложениями не рекомендуется, так как в соответствии с общим порядком на письма участников конкурса редакция не отвечает.

ДВА ИСКА ПО ОДНОМУ УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Ирина Семеновна Петровская заключила с инспекцией Госстраха договор добровольного страхования домашнего имущества на случай его порчи или хищения.

Впоследствии квартиру Петровской ограбили, забрали телевизор, радиоприемник, фотоаппарат, магнитофон и другие ценные вещи на общую сумму 900 рублей.

Грабители Греков А. Д. и Теплаков А. И. были задержаны работниками милиции и привлечены к уголовной ответственности. Вещи Петровской они успели продать и вырученные деньги израсходовать.

Петровская в стадии предварительного следствия подала следователю исковое заявление, в котором просила взыскать с грабителей в возмещение причиненного ей ущерба 900 рублей.

Пока вели следствие по этому делу, Петровская по договору добровольного страхования домашнего имущества получила в Госстрахе 750 рублей.

Работники инспекции Госстраха, узнав о том, что виновники хищения имущества Петровской установлены и преданы суду, подали в народный суд исковое заявление о взыскании с подсудимых 750 рублей, то есть суммы, выплаченной ими Петровской по договору добровольного страхования.

Народный суд при разбирательстве уголовного дела рассмотрел и эти два исковых заявления и принял решение...

ПРЕДСМЕРТНАЯ ЗАПИСКА

Во дворе глухо лаяла цепная собака, но грабитель не особенно беспокоился. Ленивый, вопросительный лай показывал, что собака не уверена в своих подозрениях: верхним чутьем она слышала посторонний запах, но это мог быть запах и с улицы.

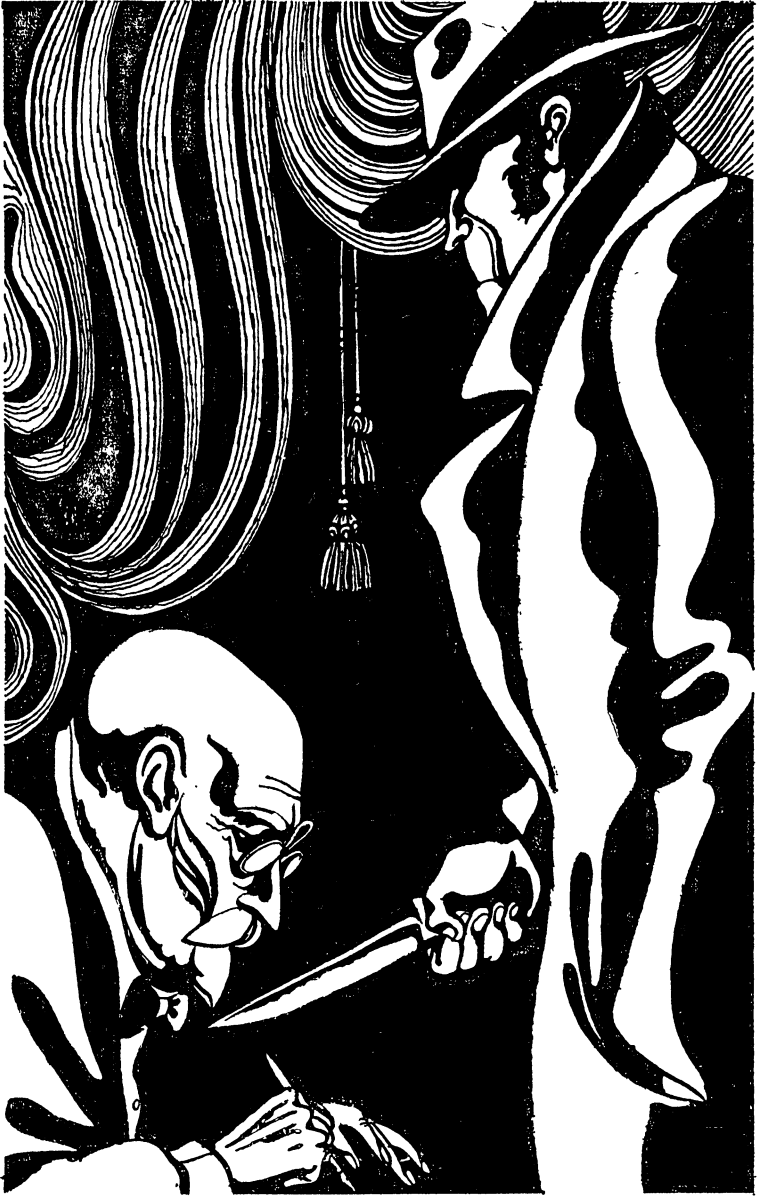
Грабитель переходил из комнаты в комнату, водя огненным зайчиком потайного фонаря по обоям и столам, скрытым мраком. Он только что забрался в дом, и, хотя помнил расположение помещений, страх быть преждевременно открытым несколько путал его движения.

Медленно осматривая углы, словно в каждом из них сидел враг, грабитель проскользнул в кабинет и, не теряя времени, принялся работать отмычками. Замок среднего ящика письменного стола, где старик всегда хранил деньги, начал сдаваться. Но в коридоре послышался вздох, хриплый кашель, раздалось шарканье туфель.

Грабитель быстро закрыл фонарь и спрятался за оконную портьеру. Через минуту он уже был в комнате не один. Кабинет вспыхнул электрическим светом, и кто-то, не торопясь, грузно опустился в кресло перед столом.

Грабитель осторожно выглянул из прикрытия. Старик сидел и писал в большой синей тетради, жуя беззубым ртом.

Этот рассказ А. С. Грина, напечатанный в № 13 журнала «XX век» за 1915 год, не вошел в сборники его произведений и в собрания его сочинений.

«Я его убью,— решил грабитель.— Ближится утро, надо спешить».

Он бесшумно вышел из-за портьеры и встал у стола, упирався рукой, вооруженной ножом, в стопку книг. Старик повернул голову, но не вскочил и не закричал, только рука его, державшая перо, задрожала и остановилась.

— Здравствуй, старик,— сказал грабитель.— Узнал ты меня?

— Узнал, Егоров, узнал. Грабить пришел?

— Думал ограбить, а теперь убить надо сперва. Ты не кричи, старик, не успеешь. Да и к чему? Прислуга внизу спит, звонок я перерезал. Конец тебе, пожил.

— Правда, Егоров. Вижу, что убьешь ты меня так и так. Убивай! Деньги, как ты помнишь, конечно, когда еще служил у меня лакеем,— здесь, в столе. А вот и ключ. Постой, я сам их отдам тебе.

Он открыл ящик и передал Егорову небольшой портфель. Грабитель молча открыл его, рассмотрел. Там было на взгляд тысяч пять-шесть. Портфель исчез в кармане рваного пиджака.

— Да,— спокойно продолжал говорить старик,— выгодно ли тебе убивать меня, Егоров? Полиция нынче быстро находит следы.

— Это мое дело. Не убью — донесешь. А как приехал я изда-леча сегодня вечером и на дело сразу пошел, то никто на меня и думать не будет. Ну, профессор, меня прости, а за себя помолись. Деньги нужны. Ну что еще? Чего ты? — злобно сказал он.

— Егоров,— заговорил профессор,— дай пять минут, книгу дописать. Давно уже я пишу ее, эту книгу; это мой научный труд. Осталось только несколько слов дописать. Ведь эта книга для меня — что ребенок для матери. Подари пять минут, а там кончай.

Профессор придвинул к себе тетрадь. Одно мгновение пытался он еще найти выход, спастись, но покачал головой. Наверху никого не было, кроме него и грабителя, а крепко уснувшая внизу прислуга не сразу явилась бы и на звонок. Звонок перерезан, крик не долетит вниз.

Молча, спокойно, ясно и сурово, как жил, старик попрощался с жизнью, взял перо и, быстро сообразив нужные фразы, написал следующее внизу наполовину написанной уже страницы:

«Много есть на яву убедительных былей, известных лицам, даже академикам, но их ловкость отлично ездит, гоняя обрывки рассуждений около всяких больных игрушек, вызывающих шутки игроков; лишь азбучные костыли, если им...»

Он бросил перо, как бы волнуясь, но тотчас же схватил его и приписал:

«Каждое слово, пробиваясь головой вперед, несет истину».

Пока он писал, Егоров смотрел через его плечо на четкие, крупные буквы написанного. Он ничего не понял, и не до того ему было.

Старик встал.

Похолодев и задохнувшись, грабитель опустил нож. Пробитое сердце остановилось. Старик схватил руку Егорова своими маленькими сухими руками и упал на мягкий ковер.

Следователь вышел из кабинета убитого к ожидавшему его приятелю, сотруднику газеты.

— Знаете,— сказал следователь,— убийца известен. Но не я открыл его. Мне сказал об этом после своей смерти убитый профессор Ядринцев.

— Мертвый сказал?

— Как ни странно, да. Посмотрите!

Он подал ему тетрадь в синей обложке.

— Обратите внимание на несколько последних строк. По свежести чернил установлено, что это писано ночью, не раньше. Написана ерунда, бессмыслица. Но вот: «Каждое слово, г о л о в о й вперед, несет истину». Понятно? — Мне некогда, и я объясню вам. Что может быть г о л о в о й слова? Первая буква. Прочтите по порядку все первые буквы, и вы получите следующее: «Меня убил Данило Егоров, бывший лакей».

Журналист ахнул и рассмеялся.

— Вам смешно,— сказал следователь,— но едва ли смеялся убитый, когда писал это. Надо сознаться, у жертвы было много самообладания. Он, несомненно, писал, готовясь к смерти, и убийца, даже если прочел написанное, не мог подозревать его в доносе; ему, в крайне возбужденном состоянии, некогда было подозревать синюю тетрадь. Даже я, следователь, думал минут десять, что может обозначать эта запись.

— Да, профессор не растерялся...

— Он молодец. А к вечеру, не позже, разыщем мы и Егорова.

Публикация ВАЛЕНТИНА ДМИТРИЕВА.

Рис. С. АЛИМОВА.

**На вопросы корреспондента журнала
отвечает заслуженный деятель искусств РСФСР
ИВАН СТЕПАНОВИЧ АСТАПОВ**

На самых людных улицах больших городов и рабочих поселков, во Дворцах культуры и заводских клубах часто можно увидеть плакаты с эмблемой «Боевого карандаша» — широко известного коллектива ленинградских художников. Как бы ни спешил человек по своим делам, обязательно на минуту-другую задержится у стенда — редко кого оставляют равнодушным яркие, выразительные плакаты, которые воспевают мирный созидательный труд советских людей, беспощадно разоблачают происки поджигателей войны, высмеивают всякого рода нечисть, мешающую нашему общему делу, — лодырей, бюрократов, подхалимов, пьяниц и иже с ними.

В канун нового, 1975, года творческий коллектив «Боевого карандаша», работающий при издательстве «Художник РСФСР», отметил свое 35-летие. За эти годы было выпущено более трех тысяч плакатов общим тиражом 17 миллионов экземпляров.

Работы художников «Боевого карандаша» всегда отличались высоким мастерством исполнения, стремлением к глубокому обобщению, проникновению в самую сущность того или иного явления, точностью сюжетов, типов, деталей. В своих сатирических полотнах «карандашисты» используют все возможности и оттенки юмора, иронии, гротеска, сарказма. Плакаты эти, как правило, точно бьют в цель, неизгладимо запечатлеваются в памяти, зовут к раздумью. Именно об этой стороне деятельности ленинградских художников-сатириков рассказал в интервью с нашим корреспондентом Татьяной Курелла художественный руководитель «Боевого карандаша» Иван Степанович Астапов.

Иван Степанович отдыхал под Ленинградом. Точные координаты своего пребывания он никому не сообщил и родным наказал держать в секрете. Поэтому я ехала к нему в Кобрино, где он жил «на первой улице направо, второй дом», не без внутренней скованно-

сти,— человек, наверно, работает, а ты начнешь отрывать его от дела. Но, против ожидания, Иван Степанович обрадовался и тотчас принялся расспрашивать, как прошел накануне художественный совет, да что обсуждали, да кто что говорил. И я поняла, что прятался он здесь, в тихой, сказочной красоты деревеньке, где в свое время жила молодая Арина Родионовна, не от кого другого, как от себя самого, поскольку каждому работающему человеку положен отпуск, а для художника отпуск к тому же — пора этюдной страды.

Иван Степанович начал рассказ о творческом коллективе «Боевого карандаша» с увлечением и нескрываемой гордостью за нелегкий, но такой нужный людям труд своих коллег.

И так уж получилось, что, предвосхищая мой вопрос, Иван Степанович, лукаво посмеиваясь (мол, знаем вас, журналистов), сам спросил:

— И прежде всего, конечно, я должен рассказать об истории «Боевого карандаша» — правильно я рассудил? Это тема, надо сказать, обширнейшая. Если обстоятельно рассказывать — нам и дня не хватит. Потому ограничусь самыми главными вехами.

Первый плакат был выпущен в январе 1940 года. Когда началась Великая Отечественная война, в Ленинграде уже работал сплоченный коллектив художников-плакатистов. Среди них были известные советские художники Н. Быльев, Н. Кочергин, Г. Петров, В. Серов, В. Тамби, Н. Тырса. С тех пор сотрудничают в «Боевом карандаше» художники В. Курдов, Н. Муратов, В. Гальба и ваш покорный слуга. Вместе с нами работали поэты Б. Тимофеев, Н. Тихонов, В. Саянов, С. Спасский.

ОТТАЛКИВАЮЩАЯ ЛИЧНОСТЬ

Под приличной маской
Скрыт характер хамский,
И понятно нам:
Он — по сути хам.

А. ШКЛЯРИНСКИЙ

Художник Ф. НЕЛЮБИН

Уже через неделю после начала войны вышел коллективный плакат «Фашизм — враг человечества».

В самые трудные месяцы блокады художники жили на казарменном положении в помещении Союза художников на улице Герцена, 38. Тогда-то оформились и утвердились главные творческие принципы, которыми наш коллектив руководствуется и донныне. Каждая тема будущего плаката, каждый поворот и нюанс темы, так же как и композиция, цвет, рисунок, типажи,— все это обсуждалось сообща, по-дружески, порой в жарких темпераментных спорах. Это и были, по сути дела, первые наши художественные советы, которые и по сей день, как вы могли сами убедиться, не утратили своей боевитости.

За время ленинградской блокады было выпущено 103 плаката. Вот, к примеру, несколько названий: «Бей врага наверняка», «Защищай свой город, свой дом!», «Виды на Крым», «О хвостах и крестах», «Летчик Виктор Талалихин». Плакаты прославляли мужество советских воинов, высмеивали паникеров, шептунов, клеймили фашистских захватчиков.

Кончилась блокада, и темами наших агитационных плакатов стали проблемы восстановления города, наведения образцового порядка в снабжении, торговле, быте ленинградцев. «Боевой карандаш» активно включился в борьбу за осуществление грандиозных задач, поставленных партией перед советским народом.

100 плакатов в год мы выпускаем сейчас по подписке, а кроме того, постоянно готовим серии плакатов для ГАИ, управления пожарной охраны и разные актуальные тематические подборки.

Ну-с, и, наконец, выставки, конкурсы, премии, почетные дипломы, полученные отдельными художниками и коллективом в целом,— это ведь тоже часть нашей истории. Опять же обо всем никак не расскажешь, хотя каждый знак отличия дорог нам.

Дипломами первой степени были отмечены работы «Боевого карандаша» на международных выставках «Сатира в борьбе за мир» в 1969 и 1973 годах в Москве.

Наши экспозиции демонстрировались во всех странах социалистического лагеря, в Италии, Японии, ОАР, Финляндии, странах Латинской Америки и многих других. Все они прошли с успехом, порой для нас самих несколько неожиданным. Но это уже особый разговор.

— Иван Степанович, не так уж трудно перечислить постоянные критические темы «Боевого карандаша». Из года в год выпускаются новые и новые плакаты, бичующие все то же, скажем, очковтира-

тельство и хулиганство. Но ведь это, наверное, совсем не простое дело — всякий раз находить новый поворот темы, или, как вы сказали, нюанс темы. К тому же большинство плакатов сопровождается текстом и часто стихами. Авторы их такие, в общем-то, разные по своей творческой манере поэты, как В. Алексеев, В. Суслов, В. Капралова, М. Романов, Д. Толмачев, Г. Тумаринсон, С. Смирновский, А. Шкляринский. Как же, в конце концов, рождаются сюжеты? Художники рисуют, а поэты стихи потом складывают!

— Ну, частично я уже ответил на ваш вопрос — нюансы часто уточняются во время наших творческих дискуссий. Но это скорее уже шлифовка темы, что тоже важно, поскольку коллективные усилия помогают добиться подчас неожиданного эффекта и, я бы даже сказал, известного блеска.

Обычно же этому этапу предшествует скрытая от посторонних глаз, постоянная — днем и ночью — беспокойная работа мысли. Каждый по-своему использует запас собственных жизненных наблюдений и переживаний — ведь лучше всегда получается то, что прошло через сердце и душу художника.

Художники и поэты «Боевого карандаша» часто бывают на предпрятиях Ленинграда, в сельских районах, на различных конференциях, совещаниях, семинарах, сотрудничают в газетах и журналах. Все это, понятно, обогащает их личный жизненный опыт, помогает быть в курсе самых разных событий и перемен.

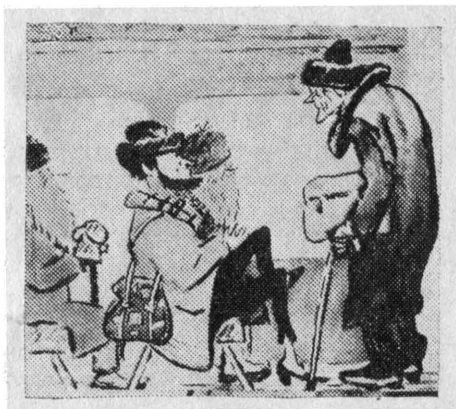
Иногда сюжет подсказывает обычная жанровая сценка. Скажем, увидел сатирик: сидит в автобусе, вальяжно развалившись, парень бородатый, газету, между прочим, читает и «не видит», старика,

БОРОДА

Место старшим борода
Не уступит никогда.
Почему же он сидит?
Потому, что не отбрит.

В. ХОЧИНСКИЙ

Художник Л. ХУДЯКОВ

стоящего рядом. Поэт подметил в этой сценке иронический контраст — старик-то был без бороды и заметно стеснялся побеспокоить бородача.

Поэт В. Хочинский написал стихи, а художник Л. Худяков сделал выразительный, я бы сказал, чисто ленинградский плакат — ведь мы, ленинградцы, очень заботимся всегда о сохранении и приумножении культурных традиций своего родного города.

Казалось бы, сколько их уже было, листов о хамстве, бескультурье, но вот обнаружился новый нюанс — и плакат точно бьет в цель. Тут уж ясно: плакат писался к стихам. Но бывает и наоборот.

Поэты наши такие же неутомимые труженики, как и художники. И если о последних я говорю больше, то исключительно потому, что мне как художнику эта сторона нашей общей деятельности виднее, что ли.

Пожалуй, главный творческий заряд получаем мы от зрителей: это и письма-отклики, и заявки на новые темы, и записи в книге отзывов. Приходят иногда и весьма неожиданные вести с мест. Так, однажды нам сообщили, что там-то сняли с работы бюрократа такого-то, которого «вы изобразили на плакате». Конечно, мы не имели в виду никакого конкретного чинушу, но, коль скоро сатира наша пошла на пользу общему делу, мы от души посмеялись и порадовались такому известию.

И, наконец, очень полезно бывает нам, художникам, наблюдать зрителей на наших выставках. Где-то они дольше задерживаются. Кто-то громко смеется, кто-то иронически улыбается, молчит, хмурится, равнодушно проходит мимо. Тут все работает на пользу художнику.

— Обо всех художниках и поэтах — членах вашего коллектива более подробно рассказать в интервью, естественно, невозможно. Заранее предвижу ваше затруднение, Иван Степанович: как бы кого не обидеть вниманием...

— Ну, что вы, что вы, наши художники и поэты — все люди с прекрасно развитым чувством юмора и такта. К тому же, я, пожалуй, более подробно расскажу только об одном художнике, плакаты которого, как и работы многих других наших мастеров, особенно близки вашему журналу по теме.

Думаю, не будет преувеличением сказать, что Дмитрий Обозненко — один из интереснейших художников-сатириков. Вы отобрали для журнала удачный его плакат последнего времени «Я уже давно не ревьюер...». Обратите внимание на физиономию сидящего за столом. Обозненко умеет на редкость точно и своеобразно под-

метить характерные черты своих «героев». Этот плакат однозначно не оценишь. Что он высмеивает? Хамство? Вымогательство? Подхалимаж? Взятничество? Человеческую глупость? В том-то и дело, что все вместе взятое. И не только смеяться хочется, глядя на этот плакат. Он вызывает гнев и чувство омерзения, не правда ли? А главное — посмотришь и уже не забудешь.

Дмитрий Георгиевич любит повторять, что он вовсе не борется с бюрократами, хапугами, пьяницами, лодырями, подхалимами, поскольку ни один из них просто не захочет «узнать себя» в таком портрете. Задачу свою он видит в том, чтобы бороться с явлением, создавать, так сказать, общественное мнение, обстановку нетерпимости, что является главной целью каждого плаката в отдельности и всей нашей общей деятельности в целом.

Обозненко много работает как живописец. Им создана уникальная галерея обобщенных портретов сатирических героев.

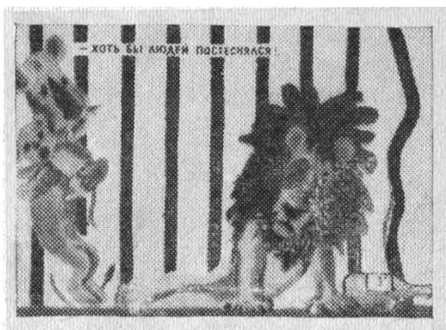
Большинство «карандашистов» работает в своей, неповторимой манере. Плакаты наших мастеров легко отличить по «почерку», композиции, типажам, цвету и даже по излюбленным сюжетам. Говорят, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать о чем-либо. Некоторые из плакатов последнего времени будут опубликованы в этом номере журнала. С работами других художников мы надеемся познакомить читателей в других номерах.

— Все, кто интересуется политической и бытовой карикатурой, которая является основой всякого сатирического плаката, не могут не заметить, как отличаются работы наших художников от повседневного потока сатирической продукции в западной буржуазной прессе. Вы именно это имели в виду, когда рассказывали об успехе выставок «Боевого карандаша» за рубежом!

Лев — царь зверей.
Но, захмелев,
Скотинной может стать и лев.

А. ШКЛЯРИНСКИЙ

Художник В. МЕНЬШИКОВ

— Да, действительно. И тут, я считаю, нам есть чем гордиться. На Западе, как известно, работают в жанре карикатуры такие крупнейшие художники, как Жан Эффель, Херлуф Бидstrup, Рауль Вердини. Это прекрасные мастера яркого, выразительного рисунка, люди остро политического мышления. Но основной поток карикатур в буржуазных газетах и журналах — это, как правило, примитивные по изобразительному языку и пустые по содержанию рисунки, остроумие которых чаще всего претендует лишь на мимолетный обывательский смешок. При таком легковесном отношении к серьезному жанру сатиры и речи не может быть о создании типических образов, без чего сатира опускается до уровня пустячка.

Мы же, плакатисты-сатирики «Боевого карандаша», считаем себя последователями лучших мастеров русской, советской и западной сатирической графики. Ф. Гойя, О. Домье, А. Агин, П. Федотов, В. Дени, Д. Моор, М. Черемных, Кукрыниксы — вот художники, изобразительные традиции которых мы стремимся развивать в своем творчестве. В основе всех работ наших художников — реалистическое изображение видимого мира, типически заостренные образы, точный рисунок, выразительная, запоминающаяся композиция. Плакатисты наши используют в своих работах приемы лубка, эстампа, станковой графики. Все это отличает русскую и советскую школу сатирического рисунка.

— И, наконец, о планах на будущее — последний и традиционный вопрос.

В нашем обществе неуютно чувствует себя всякого рода нечисть. Наметанный глаз сатирика уверенно распознает все ее «новые обличья». Наша главная задача в том и заключается, чтобы срывать постоянно меняющуюся маску благопристойности с тех, кто не желает считаться с нормами коммунистической морали и нравственности, с нашими законами.

Сейчас наш коллектив приступает к работе над серией плакатов, посвященных 30-летию победы над немецко-фашистскими захватчиками. Мы, ленинградские художники, относимся к этому большому и почетному делу с чувством особой ответственности.

Бывший танкист, Герой Советского Союза Анатолий Митрофанович Фетисов прошел путь от Сталинграда до Берлина. Ныне он прокурор Фрунзенского района г. Москвы.

Фото В. ЗИМИНА.

Боевой Карандаш

«ПЯТНА НА СОЛНЦЕ»

Сколько пятен на солнце,
столько пятен на земле,
столько пятен на небе,
столько пятен на воде,
столько пятен на земле,
столько пятен на небе,
столько пятен на воде.

«Пятна на солнце».
Художник В. КЮННАП.
Стихи В. АЛЕКСЕЕВА.

«Шапки-невидимки».
Художник Б. СЕМЕНОВ.
Стихи С. СМИРНОВСКОГО.

«Напарники».
Художник Ф. НЕЛЮБИН.
Стихи А. ШКЛЯРИНСКОГО.

«Наследил».
Художник В. ЗАВЬЯЛОВ.
Стихи В. ШУМИЛИНА.

«За такие «шутки»
получают сутки».
Художник Г. КОВЕНЧУК.

«Я уже давно не ревизор...»
Художник Д. ОБОЗНЕНКО.

НАПАРНИКИ

Принимает
нас
на
работу.

Узнайте больше, обратившись к нам.
Мы поможем вам решить любую задачу.
Мы поможем вам решить любую задачу.
Мы поможем вам решить любую задачу.

НАСЛЕДИЛ

Узнайте больше, обратившись к нам.
Мы поможем вам решить любую задачу.
Мы поможем вам решить любую задачу.
Мы поможем вам решить любую задачу.

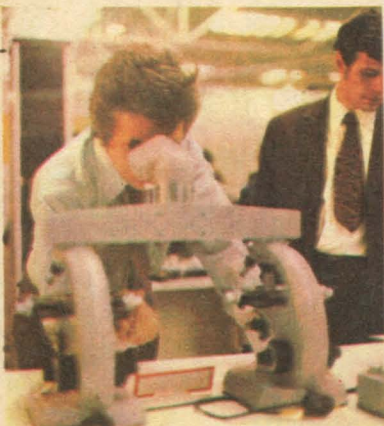

«КРИМТЕХНИКА-74»

Автомобиль-лаборатория для экспертов (фирма «Йозеф Эгли», Австрия).
Поисковая система микрофильмирования голландской фирмы «Оуде Дельфт». Идентификационный микроскоп австрийской фирмы «Технотерм» (внизу слева).
Экспозиция фирмы «Бош» (ФРГ) (внизу справа).

Фото М. КУЗЬМИНСКОГО.

Кибернетика и радиолокаторы, электронные микроскопы и радиоактивные изотопы, новейшие полимеры и приборы, использующие невидимые лучи спектра,— весь этот многообразный арсенал современных криминалистов был показан на международной выставке криминалистической техники в Москве. Организационный комитет иностранных специализированных выставок в СССР, Министерство внутренних дел СССР и Торгово-промышленная палата СССР — организаторы выставки — пригласили участвовать в ней более шестидесяти фирм Венгрии, Германской Демократической Республики, Австрии, Великобритании, Голландии, Дании, США, Швейцарии, Швеции, Франции, ФРГ, Японии и других стран, которые представили здесь около 10 000 экспонатов.

Конечно же, самое важное — не допустить преступления. Для этого сейчас существует множество специальных средств. На нескольких стендах — различные системы блокировки помещений: магази-

нов, сберегательных касс, государственных учреждений и жилых квартир. Одни охранные устройства позволяют уловить даже чуть заметное перемещение постороннего предмета в комнате, другие, излучающие электромагнитные микроволны, на много десятков метров вокруг себя создают охранный поле, и стоит преступнику попасть в него, как сигнальные устройства вызывают по радио патрульную машину. Особая аппаратура фотографирует преступника даже в полной темноте. В случае надобности порция слезоточивого газа на несколько минут выведет злоумышленника из строя.

Французская фирма «Фише-Бош» изготавливает «неуязвимые» сейфы. Вот на стенде — один из них. Его два часа держали при температуре 1000 градусов по Цельсию, потом поли-

ОТ ЛУПЫ ДО КОМПЬЮТЕРА

Оборудование швейцарской фирмы «Йозеф Эгли» для фиксации следов на песке.

вали ледяной водой, бросали с десятиметровой высоты на камни, снова нагревали, и все это не принесло никакого вреда хранящимся внутри бумагам и фотопленкам. Стенки сейфа сделаны из сверхтвердой стали, под которой слой синтетического металла — вулканита. Его не берет кислородно-дуговой резак. Мало того, при попытке вскрыть этот сейф преступника ждет неприятный сюрприз: из стенки начинает валить дым и слезоточивый газ.

Рядом с сейфом — средних размеров чемодан. Такой, с каким обычно отправляются в недалекие поездки. Неболь-

шой рекламный киоролик рассказывает о его назначении.

...Двери банка. Из них на улицу выходит инкассатор с чемоданом в руке. Направляется к машине. Внезапно на инкассатора нападают двое. Они сбивают с ног свою жертву, выхватывают чемодан с деньгами и бросаются в автомобиль, где за рулем сидит их соучастник. Но не тут-то было! Пронзительно завывает портативная сирена внутри чемодана, струйки яркой цветной жидкости брызгают из него на преступников, обливают их автомобиль. Изнутри начинают валить клубы цветного дыма с примесью слезоточивого газа. Грабители в панике бросают чемодан, приблизиться к которому никто не может долгое время. Эти чемоданы-ловушки изготавливает голландская фирма технического полицейского оборудования «БВДА».

Многие стенды выставки рассказывают о современной технике связи. Приемопередающие радиостанции размером чуть больше портсигара позволяют постовому быстро связаться со своими товарищами, вызвать себе помощь, сообщить о происшествии дежурному, поддерживать двустороннюю радиосвязь с патрульными машинами. Новейшая радиоаппаратура, изготовленная из микромодулей и полупроводников, стала еще меньше, а

чувствительность ее значительно повысилась. Например, аппараты «сторнофоны» датской фирмы «Сторно» в полном смысле карманные: вместо длинной телескопической антенны здесь применяется ферритовая антенна размером с грецкий орех.

Большое развитие в борьбе с преступностью получает в последние годы телевидение. Венгерская Народная Республика экспонировала портативные телевизионные аппараты, которые позволяют передавать всю информацию дежурному по городу непосредственно с места происшествия. Другие установки дают возможность регулировать уличное движение сразу на нескольких улицах и площадях, следить за общественным порядком на вокзалах, в магазинах, в парках. Западногерманская фирма «Роберт Бош ГМБХ» показала новые видеомагнитофоны. Они позволяют записывать на магнитную ленту одновременно и изображение и звук. Это важно при допросе свидетелей на месте происшествия, когда нет времени составлять протокол, и во многих других случаях.

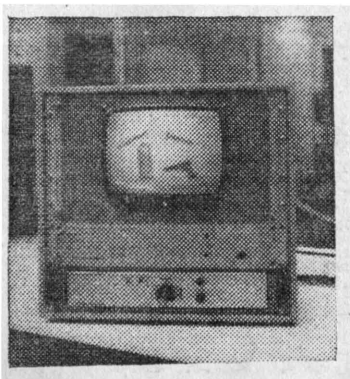
Другая фирма ФРГ «Доктор Рудольф Хелл» изготавливает приборы передачи сведений на расстояние для обмена графической, фотографической и акустической информацией. Изготавливаются особые приборы

для криминалистических целей. Они могут включаться в обычную телефонную сеть либо подсоединяться к приемопередающим радиостанциям. По проводам или по радио передаются для публикации о розыске фотографии скрывшегося преступника, отпечатки пальцев, образцы почерков, подписей и машинописных шрифтов, рисунки — словом, все, что может сыграть роль вещественных доказательств. Такая техника позволяет намного ускорить розыск преступника и способствует быстрейшему раскрытию преступлений.

Одно из новшеств наших дней — электронноуправляемые печатающие автоматы, которые демонстрировала швейцарская фирма «Супертайпер Датентехник АГ». Эти автоматы помогают криминалистам и другим работникам юстиции

Моментальная регистрирующая фотография французской фирмы «Солен».

Телевизор фирмы «Хайманн» (ФРГ) показывает содержимое багажа.

значительно сократить время на изготовление различных актов, протоколов, постановлений, заключений и других документов. Из заранее запрограммированных стандартных предложений, фраз, слов автомат находит нужный вариант со скоростью 50 тысяч знаков в минуту и печатает необходимый документ со скоростью 900 знаков в минуту. А если к этому добавить способность автоматов производить статистические работы, классификацию фактов, случаев, происшествий и так далее со скоростью 30 тысяч знаков в минуту, то станет ясно, что работа, на которую надо было затрачивать многие часы, выполняется автоматом за минуты. В считанные секунды электронно-информационная машина «Питней Бовес» для регистрации и статистической обработки лич-

ных и предметных данных отыщет среди миллионов жителей города нужного человека и тут же отпечатает основные сведения о нем на бланке. Эта машина способна выделить всех людей с какими-то однородными или однотипными признаками: одних только моряков или шоферов такси, лиц определенного возраста или уровня образования и так далее. Возможности таких машин очень велики. А один кубометр «памяти» информационной машины «Филмдата» голландской фирмы «Оуде Дельфт» вмещает один миллион микрофильмов, каждый из которых представляет фотографии, чертежи, криминалистическую документацию и так далее.

Современная криминалистика немыслима без судебной фотографии, основателем которой был русский ученый Е. Ф. Буринский. Детективы, прибывшие на место происшествия, первым делом производят фотосъемку. Сейчас в оснащение выездных криминалистических лабораторий входит автоматическая фотоаппаратура. Достаточно навести фотоаппарат на снимаемый объект и нажать кнопку спуска, чтобы все остальное сделала автоматика. В зависимости от освещенности будут установлены правильная выдержка и диафрагма, особое устройство

наведет объектив на резкость. Другие фотокамеры позволяют в течение полутора-двух минут без лабораторной обработки получить цветные снимки. Есть и такие аппараты, которые делают стереоскопические панорамные снимки места происшествия и одновременно наносят на снимок масштабную сетку. Это дает возможность, к примеру, не производить измерения на месте автоаварии. При расследовании дорожно-транспортного происшествия в лабораторных условиях все предметы и расстояния между ними будут с высокой точностью измерены по масштабной сетке. Фоторегистрирующие камеры, установленные на патрульных машинах службы безопасности дорожного движения, при нарушении каким-либо водителем правил фотографируют номер автомобиля нарушителя и вместе с ним — шкалу прибора, показывающего, с какой скоростью ехал лихач. Всю эту разнообразную фототехнику экспонировали предприятия ГДР, Голландии, ФРГ.

В центре зала — набор разнообразных приборов для трассологических, баллистических, почерковедческих исследований. Особые оптические приборы позволяют накладывать друг на друга машинописные тексты, видеть их увеличенными в десятки раз на боль-

Аппарат «Хеллфакс» (ФРГ) для передачи на расстояние копий рисунков, фотографий и так далее.

шом экране и проводить их идентификацию. Сравнительные микроскопы помогают криминалистам идентифицировать мельчайшие частицы пыли, волос, ниток, бумаги. И еще одна новинка: газовый хроматограф масс — спектрометр шведской фирмы «ЛКБ». Он может обнаружить и исследовать один пикограмм (10^{-12} г) вещества, причем большую часть работы автоматически выполняет мощная компьютерная система.

Много неприятностей до последнего времени доставляли телефонные хулиганы. Одни из них развлекаются ложными вызовами пожарной охраны или «скорой помощи», другие оскорбляют и шантажируют абонентов. Сейчас созданы аппараты, которые позволяют успешно бороться с хулиганами-«невидимками». К примеру,

телефонный анализатор датской фирмы «ЭЛМИ» определяет номер телефона, с которого звонят абоненту, записывает голос говорящего на пленку и затем автоматически анализирует этот голос, что позволяет в дальнейшем идентифицировать его с голосом задержанного хулигана.

И если еще несколько десятилетий назад скудный багаж детектива ограничивался простой лупой да примитивной фотокамерой, то в наши дни, как показала выставка «Кримтехника-74», он имеет возможность использовать самые современные приборы и методы технического прогресса.

В. СТРЕЛКОВ,
наш спец. корреспондент

Фото М. КУЗЬМИНСКОГО.

ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Правильная организация судебных процессов и по форме и по существу — одна из самых эффективных мер предупреждения новых правонарушений» — сказал министр юстиции СССР В. И. Терехин, открывая Всесоюзную научно-практическую конференцию, созванную Министерством юстиции СССР, Верховным Судом СССР и Прокуратурой СССР. Именно поэтому, продолжал министр, мы решили созвать столь представительную конференцию для обсуждения актуального и важного вопроса: «Совершенствование организации и усиление воспитательно-предупредительного воздействия судебных процессов».

Интерес к конференции оказался значительным. Достаточно сказать: около 400 ученых-юристов и юристов-практиков выразили желание выступить на конференции и прислали тезисы своих докладов и научных сообщений.

С докладом на тему «Повышение воспитательно-предупредительной роли правосудия — насущная задача судов и органов юстиции» выступил первый заместитель министра юстиции СССР А. Я. Сухарев. Заместитель председателя Верховного Суда СССР С. Г. Банников сделал доклад «Строгое соблюдение материального и процессуального законодательства — важнейшее условие обеспечения воспитательной роли правосудия».

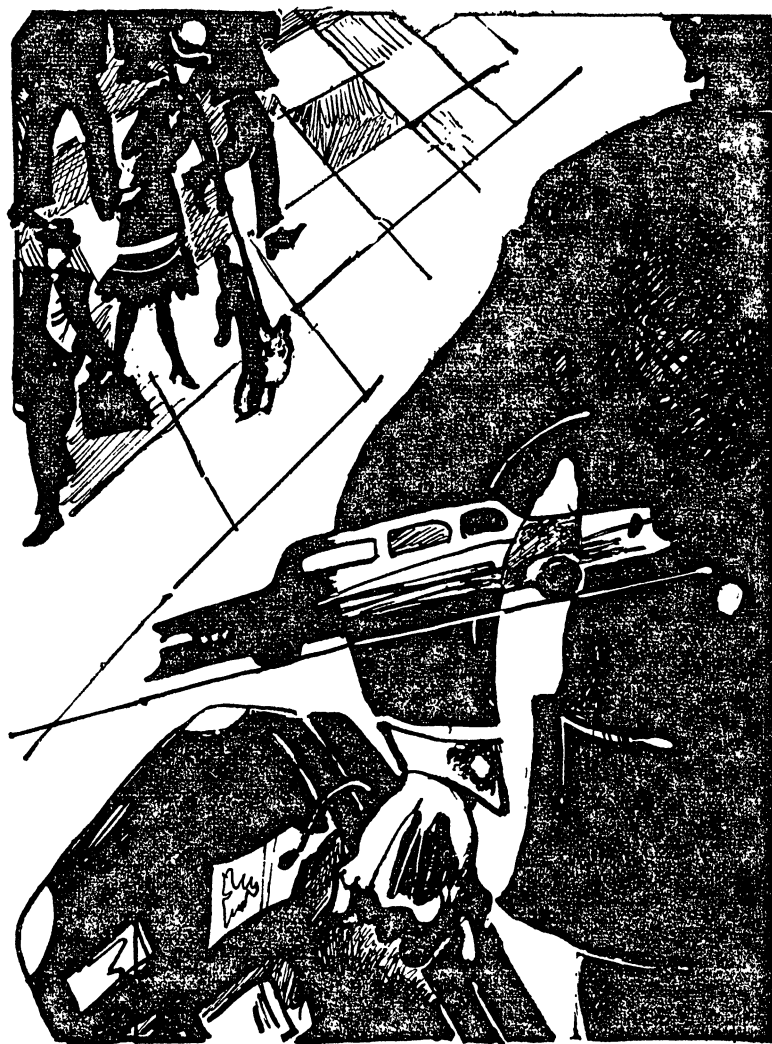
«Роль прокурора в повышении воспитательного воздействия судебного процесса» — тема доклада первого заместителя Генерального Прокурора СССР М. П. Малаярова.

Директор Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер по предупреждению преступности В. В. Клочков выступил с докладом «Воспитательно-предупредительное воздействие судебных процессов и юридическая наука».

В обсуждении докладов приняли участие более 100 ученых-юристов и юристов-практиков. Обсуждение докладов проходило на двух секциях: «Правовые и организационные вопросы подготовки и проведения судебных процессов» и «Воспитательное значение участия общественности в осуществлении правосудия».

В итоге работы конференции приняты рекомендации по дальнейшему совершенствованию организации и усилению воспитательно-предупредительного воздействия судебных процессов.

В. КУЦЕНКО

УДАВ И КРОЛИКИ

ХРОНИКА ОДНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В

этот яркий весенний день в вильнюсском аэропорту у билетных касс и камер хранения ручного багажа, в зале ожидания и при выходе на поле дежурили старший инспектор уголовного розыска УВД горисполкома капитан милиции Ярмалкович и его товарищи.

Диктор объявил посадку на самолет, улетающий в Одессу. Наблюдая за потянувшейся к выходу цепочкой людей, Ярмалкович увидел вдруг человека, которого они разыскивали.

— Он! — Сказал капитан сотрудникам, указывая глазами на плотного, уже немолодого человека с большим чемоданом в руке.

Через считанные секунды направлявшегося к самолету немолодого пассажира остановили трое.

— Вы — Ладожский *, — сказал один из них. — Прошу пройти с нами. Мы из милиции.

Так был задержан матерый преступник, которого органы милиции искали по всей стране.

Его поиски начались в тот самый день, когда старший инспектор уголовного розыска 70-го отделения московской милиции капитан Виктор Алексеевич Сбитнев прибыл по вызову в одно из министерств, расположенное на площади Ногина. Почти одновременно с ним приехал молодой следователь Ждановского РОВД столицы старший лейтенант милиции Юрий Карпухин.

Потерпевший — житель Ашхабада Мулла Валиев, работавший на железной дороге проводником, и прибывшие вместе с ним в Москву брат Мухтар и шофер Махмуд были потрясены случившимся. Из их сбивчивых показаний сотрудникам милиции представилась такая картина.

...По перрону станции Ашхабад неторопливо расхаживал плотного телосложения человек лет шестидесяти. Гладко зачесанные назад седые волосы, покрывшая лицо густая сетка мелких морщинок, слегка тронутые доброй улыбкой губы и ко всему этому тщательно отутюженный костюм и белоснежная сорочка невольны вызвали к нему чувство симпатии.

Погромыхая на стрелках, к перрону подошел пассажирский поезд Ашхабад — Душанбе. Из пятого вагона появился невысокий, сухощавый проводник и принялся вытирать влажной тряпкой поручни.

— Салям алейкум! — вежливо поздоровался с ним пожилой пассажир. — Значит, в Таджикистан, — не то спрашивая, не то подтверждавая известный ему факт, сказал он.

— В Таджикистан. Вы тоже туда?

— Нет. Но превосходно знаю этот чудесный край. Я, дорогой мой, не один год проработал там. А сейчас тружусь здесь, в республике, на строительстве ГРЭС. Главным технологом. В Ашхабад приезжал на защиту диссертации. Можешь, дорогой, меня поздравить: теперь я доктор технических наук. Так-то.

— Поздравляю, — улыбнулся проводник.

— Но нелегко пришлось, — сказал пассажир. — Ответственность такая! Я вот, дорогой, — он оглянулся по сторонам, — открытие одно сделал. Большого государственного значения. Мне в премию

* Имена, отчества и фамилии действующих лиц, за исключением сотрудников милиции, изменены.

легковую машину ГАЗ-24. За деньги, конечно. А зачем она мне, скажи на милость, если у меня своя с иголочки? Отказался. Так куда там! Скандал! До министра дошло. Хочешь не хочешь, а придется в Москву ехать за машиной. Для меня же каждый час дорог.

— ГАЗ-24 — это хорошо, — мечтательно проговорил проводник. — Самому не нужно, продать можно. Деньги большие будут.

— Деньги, дорогой, не самое главное в жизни, — снисходительно улыбнулся незнакомец. — А с продажей машины мороки не оберешься. Покупателя надо искать, документы оформлять. Массу времени потеряешь.

— Зачем покупателя искать, — сказал проводник, — мне продай. Давно хочу машину иметь. А тебе лишние деньги не помешают.

Пассажиры задумались.

— Черт возьми, пожалуй, не помешают. Как раз дочь замуж собралась. В Кисловодске она у меня. К ней в гости собрался. Вот и подарок будет. И сколько же ты дашь?

— Сколько будет стоить? — быстро спросил проводник.

— Что ж, дорого не возьму, не спекулянт. Оплатишь в кассу стоимость машины, это раз. Во-вторых, разъезды тоже за твой счет. Когда получишь машину, уплатишь мне комиссионные — две тысячи рублей. Согласен?

— Почему не согласен? Согласен!

— Значит, договорились. Машину буду оформлять на твое имя. Куда тебе сообщить, когда наряд получу?

— Валиеву Мулле телеграмму давай, — и проводник назвал свой ашхабадский адрес.

— Ну, а меня зовут Алексеем Александровичем, по фамилии Ладожский. Не забудь.

Они расстались весьма довольные состоявшимся знакомством.

Свое слово Ладожский сдержал. В конце октября он телеграфировал Мулле, что ждет его в Кисловодске. Оттуда они поедут в Москву.

Получив телеграмму, братья Валиевы и шофер Махмуд вылетели в Кисловодск. Узнав, что они приехали к Алексею Александровичу, хозяйка попросила всех в его комнату.

— Обождите здесь. Он скоро придет.

На стене гости увидели две цветные фотографии.

— Он? — спросил брата Мухтар, указывая на фотографию, где Алексей Александрович обнимал какую-то девушку за талию.

— Он, — подтвердил Мулла. — А это, наверное, дочь. Может, на свадьбе гулять будем.

— Семейный человек — это хорошо, — сделал вывод старший брат.

— Что, невестой любуетесь? — раздался веселый голос вошедшего в комнату Ладожского. — Поверьте, не заметил, как выросла. Давно ли под стол пешком ходила. И вот, извольте, замуж выходит. Видел ваши подарки: дыни, виноград. Спасибо. Рахмат. А сейчас пойдем на почту, напомним Москве о себе. У нас-то как бывает: возьмут и передадут наряд какой-нибудь своей периферийной организации, а ты потом жди, когда там еще новая партия машин поступит.

— Нам ждать нельзя,— встревожился Мулла.— На работу надо. Пойдем скорее звонить. Пускай никому не отдадут.

На переговорную отправились вчетвером. Увидев на междугородном телефоне-автомате, соединяющем с Москвой, табличку «Ремонт», Ладожский поморщился. Он не любил ожидать в зале, пока телефонистка соединит с абонентом. Но переговорить с Москвой было необходимо. Заглянув в записную книжку, Алексей Александрович заполнил бланк заказа и подал в окошечко. Минут двадцать спустя из динамика послышалось приглашение зайти для переговоров с Москвой в четвертую кабину. Войдя туда, Ладожский оставил дверь открытой. Ашхабадцы слышали, как он, не щадя голосовых связок, убеждал каких-то очень больших начальников в необходимости продать ГАЗ-24 именно Валиеву, поскольку тот является его соавтором и не был премирован автомобилем исключительно по недосмотру каких-то там бюрократов.

— Ну и народец сидит в нашем министерстве,— говорил он, выходя из кабины и вытирая платком вспотевший лоб.— Если бы брат Никита не поддержал, отдали бы машину другому. Ну, сейчас все в порядке. Машину придержат до нашего приезда. Но все же пошлем еще и телеграммы.

Ладожский заполнил бланк и показал его Валиеву. Тот прочитал: «Москва. Китайский проезд, 7. Михайлову Дмитрию Александровичу. Будем Москве первого ноября Валиевым. Готовьте срочное оформление. Алексей».

— Пошлем и еще одну,— сказал Алексей Александрович.— Да не забыть указать цвет машины. Ты говорил, что вишневую хочешь?

Заполнив бланк, Ладожский протянул его Мулле. Текст гласил: «Москва. Бакунина, 26. Березову Николаю Николаевичу. Наряду № 1340 Михайлова готовьте первого ноября ГАЗ-24 вишневого цвета. Ладожский».

— Что ж, дело сделано,— сказал Алексей Александрович, дождавшись, когда Мулла отправит телеграммы.— Теперь можно и позавтракать. Фу ты! Чуть не забыл. Я же перечислил за твою машину,— беря Валиева под руку и подчеркивая слово «твою», проговорил он,— три тысячи рублей. Вот телеграмма, подтверждающая поступление этой суммы, в оплату наряда № 1340 на имя Валиева. Деньги пришлось одолжить у супруги моего близкого друга профессора Гриднева. Она отдыхает в «России». Надо сегодня же возвратить ей долг. Лучше сейчас, пока не ушла куда-нибудь».

Мулла замаялся: как быть? Посмотрел на брата, на Махмуда. Но те не знали, что посоветовать.

— Что же ты молчишь? — удивился Ладожский.— Деньги-то уже в Москве, в счет стоимости машины оприходованы. Сам же телеграмму видел. Или решил отказаться от машины?

— Зачем так говоришь? — упрекнул его Валиев.— Нужна машина. Деньги дадим. Документ нужен.

— Ах, вот оно что! — рассмеялся Ладожский.— Само собой разумеется.

Подойдя к окошечку с надписью: «Продажа почтовых марок, конвертов и открыток», он взял чистый лист бумаги. Сев за стол,

положил перед собой раскрытый паспорт. Когда закончил писать, протянул листок Мулле.

— Все, как требует закон: фамилия, имя, отчество, серия и номер паспорта, сумма цифрами и прописью, мой домашний адрес. Вернешь эту расписку, когда получишь свою «Волгу»; чтобы у тебя не оставалось никаких сомнений, возьми и мой паспорт. Смотри не потеряй. Ну, не хочешь — не бери.

В санатории «Россия» Ладожский забежал в корпус. Возвратился через несколько минут, объявив:

— Еще немного — и опоздали бы. Профессорша собралась в Пятигорск. Теперь на душе спокойней: долг отдан, совесть не будет грызть.

Переночевали в комнате Ладожского, а вечером следующего дня выехали поездом в Москву. Заняли все купе. Алексей Александрович достал из портфеля какие-то чертежи и углубился в них. В верхнем углу на них было выведено тушью: «Доктор технических наук А. А. Ладожский». Ашхабадцы сидели молча, боясь помешать ученому.

В Москве, сдав вещи в камеру хранения, Ладожский и его ашхабадские знакомые вышли на привокзальную площадь. Минут двадцать прождали на стоянке такси, пока подошла их очередь. На площади Ногина машина остановилась у подъезда большого четырехэтажного серого здания.

— Вот здесь и Никита мой работает, — сказал Ладожский. — Зайдем прямо к нему. Вот обрадуется. Давно не виделись. Все дела, дела.

Ладожский обратился в бюро справок, затем куда-то позвонил.

— Ну и братец у меня! — с негодованием проговорил он, кладя трубку. — Ночью укатил в командировку. Не мог обождать. Знал же, что приседу, и не один. Нет, решительно не узнаю Никиту! Как получил Государственную премию, стал лауреатом, так будто его подменили.

— Выходит, напрасно приехали? — с тревогой спросил Мулла.

— Не расстраивайся, дорогой, — потрепал его по плечу Ладожский. — Заместитель Никиты тоже в курсе дела.

Заместитель Никиты Александровича Ладожского, услышав, что к нему хочет пройти родной брат начальника, пообещал заказать пропуск.

— Но я не один. Со мной прибыл соавтор изобретения Валиев, — предупредил Ладожский. — Нам необходимо пройти к вам вдвоем. Да, да, Валиев Мулла. Благодарю вас, — и он положил трубку.

— Видишь, какие строгости, — повернулся Алексей Александрович к Мулле. — Комендатура, пропуски, вахтеры. Одним словом, министерство. Давай паспорта, надо оформить пропуска.

Разыскав нужную комнату, Алексей Александрович предложил:

— Обожди меня в коридоре. Вдвоем заходить неудобно. Это может испортить все дело. Когда обо всем договорюсь, приглашу тебя.

Ладожский вышел в коридор минут через десять-двенадцать.

— Полный порядок, — объявил он. — Заместитель начальника хочет видеть тебя лично. Я говорил ему о тебе как о ведущем, та-

лантливом инженерере, своем соавторе. Так что в разговор тебе поскаться не следует. Пожмешь ему руку и выйдешь.

В большой комнате, заставленной канцелярскими столами, напряженно работали десять сотрудников отдела. Ладожский подвел Валиева к столу, за которым сидел полный, лысеющий человек в больших роговых очках.

— Представляю вам, Павел Петрович, своего соавтора. Мулла Муратович Валиев.

— Рад вас видеть,— поднялся из-за стола Павел Петрович и пожал Валиеву руку.— Я вашему коллеге все объяснил.

— Да, да,— поспешил вмешаться Ладожский.— Ты обожди меня, пожалуйста, в коридоре, я потом введу тебя в курс дела.

Валиев вышел. Вскоре дружно захлопали двери, и коридор заполнили сотрудники. В министерстве начался обеденный перерыв.

А вот и Алексей Александрович появился с какой-то бумагой в руках.

— Поздравляю! — обнял он Валиева.— И цвет вишневый, и запчасты дали. Бери документ и поезжай сразу же по этому адресу. Сегодня все оформишь, а завтра твою «Волгу» подадут на отправку. Стоимость запчастей я оплатил. Всего с тебя причитается 1186 рублей. Остальные внесешь в кассу базы.

Валиев взглянул на бумагу. На солидном министерском бланке было отпечатано распоряжение заведующему базой отдела технического снабжения Михайлову А. Д., которому они телеграфировали из Кисловодска, об отпуске Валиеву Мулле Муратовичу автомашины ГАЗ-24 в соответствии с нарядом Госплана от 20 июля 1972 года за № 1032/11.

Расплатившись с Ладожским, Валиев спрятал бумагу в карман. Договорились, что на Ленинский проспект, где находилась база, Мулла поедет вместе с Махмудом, а Мухтар поможет Ладожскому получить еще кое-какие радиодетали.

А час спустя в бюро пропусков вбежали взволнованные Мулла и Махмуд. Там, облокотившись на подоконник, в одиночестве скулчал Мухтар.

— Где Ладожский?! — выкрикнул Мулла.

— Не знаю,— недоумевая ответил брат.— Почему так волнуетесь?

— Нет там дома с таким номером,— простонал Мулла.— И базы ОТС тоже никакой нет.

— А еще такой большой ученый,— с горечью закончил Валиев свой рассказ сотрудникам милиции.— Так обманул!

Капитан Сбитнев похлопал себя по шее.

— Такие «ученые», как этот, вот где сидят у нас,— сказал он.— И самое удивительное, что грамотные, взрослые люди позволяют им так себя околпачивать.

Пока старший лейтенант Карпухин составлял протокол заявления потерпевшего, капитан Сбитнев выяснил, кто именно и по чьему указанию выписал Ладожскому пропуск в министерство, установил сотрудников, которые разговаривали с ним или видели его, побывал в камере хранения Курского вокзала. Так возникло уголовное дело по признакам части 3 статьи 147 УК РСФСР: мошенничество, причинившее значительный ущерб потерпевшему.

Уже с первых дней расследования сотрудников Ждановского районного отдела внутренних дел и 70-го отделения милиции постигли неудачи. Оказалось, что серия паспорта, указанная мошенником в расписке Валиеву, на места вообще не рассылалась. Валиев же в паспорт даже не заглянул и при всем своем желании не мог вспомнить, как же звали Ладожского: Алексеем Александровичем или наоборот.

Ничего не дал и допрос жительницы Кисловодска Матрены Матвеевны Климовой, у которой, со слов Валиева, якобы жил Ладожский. Она заявила сотруднику городского отдела внутренних дел лейтенанту милиции Кутейникову, что никто из пожилых мужчин в течение последних месяцев на квартире у нее не стоял, а о Ладожском вообще впервые слышит. Ее дочери на месте не оказалось. После свадьбы она уехала с мужем куда-то на Урал. Их адреса мать еще не знала.

Несколько обнадеживали показания возвратившегося из командировки начальника управления министерства Никиты Александровича Ладожского. Он рассказал, что после присуждения ему Государственной премии получил много поздравлений от друзей, знакомых и не знакомых ему людей. В почте была и открытка, немало удивившая эго. Некий однофамилец называл себя братом Никиты Александровича, обнимал и целовал.

— Мы тогда еще с моим заместителем, Павлом Петровичем, посмеялись,— вспоминал начальник управления.— Никогда у меня не было братьев, и вот — объявился. Как об этом мог забыть Павел Петрович, когда принимал его в мое отсутствие? Затем этот же человек прислал поздравительную новогоднюю открытку, а вскоре и пакет с четырьмя испанскими мелким почерком тетрадами. К ним прилагалось письмо, в котором автор просил рассмотреть его предложение, касающееся разработки руд Курской магнитной аномалии. Я не являюсь специалистом в данной области и поэтому поручил переслать материалы в другое управление. И вот...— Никита Александрович беспомощно развел руками.— Если бы я тогда знал, что это жулик...

— Вы не обратили внимания на почтовый штампель? Откуда было отправлено письмо? — спросил Карпухин.

— Поздравительные открытки пришли из Белгорода или Белгородской области. Точно не помню. А пакет, кажется, из Курска.

Выслушав доклад старшего лейтенанта Карпухина о первых результатах расследования, начальник следственного отделения Ждановского РОВД подполковник милиции Екатерина Матвеевна Гуркина задумалась.

— Вот что, Юрий Георгиевич,— сказала она, придвигая к себе чистый лист бумаги и беря карандаш.— Давайте проанализируем некоторые известные нам факты. Во-первых, судя по всему, преступник не только знаком с технологией добычи и обогащения руд, но и, по всей вероятности, имеет к этому какое-то отношение. Тот факт, что поздравительные открытки Никите Ладожскому и рукопись были отправлены из района Курской магнитной аномалии, дает нам основание предположить, что мошенник находился где-то в этом районе, и мы сможем получить нужные нам сведения. Давайте поищем с вами не только в Туркмении, но и вот здесь,— и Гур-

кина крупно написала на листке бумаги четыре слова: Курск, Белгород, Воронеж, Липецк.— И еще вот что. Надо бы направить в Кисловодск работника уголовного розыска. Пусть нащупает связи мошенника. Ответ кисловодских товарищей удовлетворить нас никак не может.

— Я только что хотел просить вас об этом,— признался Карпунин.— Мы со Сбитневым и кандидатуру уже наметили.

— Кто же это?

— Инспектор уголовного розыска 70-го отделения милиции младший лейтенант Ланин Вячеслав Михайлович. Его после службы в армии направил к нам райком комсомола.

— Что ж, не возражаю. По-моему, энергичный работник. Готовьте рапорт руководству.

Командировку в Кисловодск разрешили.

В Кисловодске Вячеслав зашел в отдел внутренних дел. Доложил начальнику о цели своего приезда, попросил оказать ему помощь.

Потянулись дни напряженной, кропотливой работы. И уже неделю спустя в руках Ланина было несколько телеграфных бланков, собственноручно заполненных Ладожским. Одни телеграммы были адресованы некоей Таисии Антоновне Петровой в Ижевск, другие — в Киев, Людмиле Федоровне Ковтун. Ладожский интересовался у адресатов, благополучно ли добрались из Кисловодска домой, обещал побывать у них в ближайшее время, обнимал и целовал. Адреса, по которым были отправлены эти телеграммы, Вячеслав сразу же сообщил в Москву.

Нашлись и два талона на телефонные переговоры Ладожского по поводу отпуска машины Валиеву.

Конечно же, по Китайскому проезду, семь, Дмитрий Александрович Михайлов, которого Ладожский извещал о предстоящем прибытии в Москву вместе с Валиевым, не проживал и проживать не мог. По этому адресу находилось несколько различных учреждений. Не было на улице Бакунинской в доме № 26 и Николая Николаевича Березина, который должен был подготовить к первому ноября ГАЗ-24 вишневого цвета. Там уже не один год размещалась булочная.

Установив квартиры, имевшие телефонные аппараты с указанными в заказах номерами, капитан Сбитнев даже не стал беспокоить абонентов. Это были весьма почтенные супружеские пары довольно преклонного возраста. Причем, как выяснилось, одна из них в тот самый день, когда Ладожский звонил из Кисловодска, вообще находилась в отъезде, в квартире была лишь глуховатая старушка.

Работники милиции Ижевска и Киева допросили Петрову и Ковтун. Выяснилось, что с каждой из них Ладожский знакомился в отдельности, представляясь крупным работником, доктором технических наук. Он водил своих знакомых в рестораны, фотографировался у Нарзанной галереи, клялся в любви с первого взгляда, угваривал выйти за него замуж. Потом присылал телеграммы, поздравительные открытки, а они отвечали ему, звали к себе. Но каких-либо фактов их преступной связи с Ладожским установить не удалось. Скорее всего мошенник рассчитывал воспользоваться этими знакомствами в дальнейшем. Каким образом, предположить

было трудно. Женщин попросили немедленно сообщить милиции, если появится Ладожский.

Узнав от Ланина, что ее бывшего квартиранта разыскивает милиция, Матрена Матвеевна не стала больше заператься. Она подробно рассказала о том, как Ладожский израсходовал около пяти-сот рублей на приданое ее дочери Катюши. Взамен попросил лишь, чтобы она разрешила иногда называть ее доченькой. По его настоянию они сфотографировались втроем, а потом он отдельно с Катюшей. Ладожский назвал эти фотографии семейными и повесил на стене в своей комнате. Когда к нему приезжали какие-то люди из Средней Азии, он так и сказал им:

— Это мои жена и дочь.

— Почему же на первом допросе вы отрицали свое знакомство с этим человеком? — спросил Ланин.

Климова нагнула голову, немного помолчав, сказала:

— Обязаны мы были ему. Вот и дала слово, что никому о нем ничего не буду рассказывать. И еще обещала, как только приедет снова, к себе пустить. Да, видно, шила в мешке не утаишь.

— Не утаишь, — согласился Ланин. — А за дачу ложных показаний могли и сами на скамье подсудимых оказаться.

К этому времени эксперт-криминалист Ждановского РОВД старший лейтенант милиции Юрий Батыгин подготовил ответ на вопрос следствия: на какой из пишущих машинок, находящихся в здании министерства, было выполнено фиктивное распоряжение об отпуске Валиеву Мулле автомашины ГАЗ-24. Это был адский труд. Все же эксперт установил, что распоряжение отпечатано на машинке «Оптима», закрепленной за машинисткой министерства Тамарой Евдокимовой.

Тогда обнажилась довольно неприглядная картина царившей в министерстве атмосферы беспечности и ротозейства. Уходя на обеденный перерыв, сотрудники оставляли на столах в открытой комнате служебные документы, бланки, арифмометры, пишущие машинки.

«В этой обстановке еще и не такое могло произойти, — думал следователь. — Не с этой девчухи, а с руководителей управления надо спросить за то, что не навели порядок в собственном доме».

Нашлись свидетели, которые видели, как «брат начальника» лично печатал на машинке какую-то бумагу, когда сотрудники ушли в столовую. Версия о сговоре Евдокимовой с мошенником отпала.

Один за другим пришли ответы на запросы следователя. Из Курска и Липецка сообщили, что Алексей Александрович Ладожский у них никогда не работал. Воронежцы сообщили о выдаче ему паспорта, с которым он выехал в неизвестном направлении. Объемистый пакет поступил из Белгородской области. Администрация исправительно-трудовой колонии ставила следствие в известность о том, что Ладожский содержался у них до июля 1972 года, и выслала характеризующие его материалы.

Наконец, поступили документы из Туркмении. В них подробно рассказывалось о том, как руководители ГРЭС приняли на должность прораба прибывшего к ним из мест лишения свободы Ладожского, поверив на слово, что он — горный инженер, и не потребовали даже трудовой книжки. Последний, получив аванс и подъем-

ные, выехал по подложной телеграмме в Ашхабад якобы для защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук и на стройку не возвратился.

Говорилось в ответе и о том, что во время работы в должности прораба, а затем и главного технолога Ладожский сблизился с молодым инженером Верой Никаноровной Мурзиной, выезжал вместе с ней в Гагры, где, с его слов, он намеревался купить дом и продать автомашину. Вскоре после исчезновения Ладожского выехала куда-то и Мурзина. Высказывалось предположение, что отбыла она к бывшему главному технологу.

Начальник местного отдела внутренних дел подполковник Мураталиев извещал московских коллег о том, что на обратном пути из Гагр Ладожский и Мурзина заезжали в Баку, где Ладожский взял у знакомого по работе на строительстве ГРЭС инженера Захара Акопяна 1200 рублей. Инженер подал заявление, в котором просил милицию взыскать эту сумму с Ладожского, так как взял тот ее обманным путем.

Теперь следствие располагало не только фотокарточкой мошенника, высланной работниками паспортного стола Железнодорожного РОВД города Воронежа. Старший лейтенант Карпухин представлял себе во всех подробностях облик этого человека и был готов ко встрече с ним. На преступника объявили всесоюзный розыск. День за днем сужалось кольцо вокруг Ладожского. Но прежде чем оно окончательно замкнулось, Ладожский дал о себе знать еще раз. О его появлении в Киеве сотрудники Печерского РОВД узнали от Камилы Урбанова, обратившегося к ним за помощью.

Камил познакомился с Ладожским в одной из среднеазиатских гостиниц. Представительный седовласый мужчина, доктор технических наук в разговоре вскользь упомянул, что должен ехать в Киев получать автомашину. Там, в столице Украины, живет его родная сестра Клава — видный работник, Герой Социалистического Труда. Она и «устроила» автомашину, которая, кстати, не очень-то ему и нужна.

И вот в конце января 1973 года в одной из киевских квартир появились Ладожский и Урбанов. Хозяйки — Клавдии Афанасьевны дома не было, и гостей встретили ее сын и дочь. Когда полчаса спустя возвратилась хозяйка, Ладожский уже настолько расположил к себе ее ребят, что те смотрели на него влюбленными глазами.

— Вот и моя сестра, — шепнул Ладожский своему знакомому, выходя в коридор, где Клавдия Афанасьевна снимала пальто. — Ну, здравствуй. А я к тебе не один. Знакомься: Камил Урбанов. Изобретатель. Надевай свой праздничный костюм и потчуй нас чаем.

Когда Клавдия Афанасьевна вышла к гостям с Золотой Звездой Героя, Алексей Александрович вдруг заторопился уходить.

— Куда же вы? Чай вот-вот готов будет, — попыталась удержать приезжих хозяйка.

Но Ладожский был непреклонен.

— Ну, Камил, видел, какая у меня сестрица? — спросил он, выходя с Урбановым на улицу. — Один ее звонок начальнику управления Благову — и машина твоя. Завтра зайдем к ней вместе. Увидишь, где она работает.

Но утром Алексей Александрович изменил свое решение. В вестибюле многоэтажного серого здания с высокими колоннами он снял с себя пальто и передал Урбанову.

— Я и забыл, что здесь спецдокумент нужен, без него тебя не пропустят. Обожди меня, я скоро. Сестра обещала сделать все сама.

Показав вахтеру какую-то бумагу, Ладожский поднялся на второй этаж. Возвратился он и впрямь скоро. В отпечатанном на официальном бланке документе предлагалось директору техбазы Павлову И. С., во исполнение наряда Госплана за № 28-п от 5-1 с. г. и разнарядки главка выдать автомашину ГАЗ-24 Камилу Урбанову с оформлением на нее всех документов.

Этим же распоряжением, подписанным зам. начальника главка А. Куликом и главным бухгалтером Н. Сеничем, директору техбазы предписывалось в трехдневный срок отгрузить автомашину пассажирской скоростью вместе с ультразвуковым сепаратором для рудника Такоб до станции Душанбе. Руководители главка сообщали, что стоимость автомашины в сумме 9861 рубль и госпошлина в размере 467 рублей полностью оплачены в главном управлении по картотеке № 3, порядковый № 12.

Получив из рук Урбанова 6770 рублей, Ладожский снова куда-то ушел. Возвратившись, протянул Камилу девять рублей.

— Это сдача,— пояснил он.— Машину можешь взять завтра утром. Адрес указан в документе. В гостинице выдашь мне письменное обязательство вернуть в месячный срок аванс в 3000 рублей, который я вносил за машину. Комиссионные поверю тебе на слово. Кстати, у Благова сегодня день рождения. Пригласил нас всех к восьми вечера. Будут ответственные работники.— Алексей Александрович посмотрел на часы.— Времени у нас предостаточно. Есть предложение поехать в гостиницу и немного отдохнуть.

В гостинице «Лыбидь» они занимали два номера. В одном располагались Ладожский и Урбанов, во втором — прибывшие вместе с Камиллом два его двоюродных брата. Сняв ботинки, Алексей Александрович лег на кровать с намерением уснуть.

— Ты спи. Я к своим пойду,— сказал Камил.

Урбанов возвратился через час. Ладожского в номере не было. На столе белела записка: «Я — у Клавды. Буду в 19-00».

Часы показывали восемь, а Ладожский не появлялся. Обеспокоенный Камил поехал к Клавдии Афанасьевне. Та была дома.

— Брат? Какой же он мне брат? Я его почти не знаю,— выслушав Урбанова, встревожилась женщина.— Я думала, что вы его хорошо знаете. И о Благове ничего сказать не могу.

В тот же вечер следователь Печерского РОВД лейтенант милиции Петр Чернега оформил протокол заявления потерпевшего Урбанова по факту совершения преступления, ответственность за которое предусмотрена частью 2 статьи 143 УК УССР.

Пригласили в отдел и Клавдию Афанасьевну. Взволнованная случившимся, пожилая женщина рассказала довольно любопытную историю.

Она ехала из Киева в Ставрополь к брату. Кроме нее в купе находилась какая-то супружеская пара. Вдруг вошел проводник с новым пассажиром.

— Вот гражданину скучно одному ехать, просит перевести его к вам. Не возражаете? — спросил он Клавдию Афанасьевну. Как затем выяснилось, это был Ладожский.

С появлением Алексея Александровича купе преобразилось. Быстро перезнакомившись со всеми, тот предложил «сообразить» коллективный ужин. Открыв чемоданчик, он поставил на столик бутылки с вином и коньяком, выложил сверток с различной снедью.

Клавдия Афанасьевна, удовлетворяя любознательность случайного попутчика, рассказала ему тогда, что живет в Киеве, работает на заводе мастером. Имеет отдельную трехкомнатную квартиру. Сын и дочь — студенты. Все у них есть, и она всем довольна.

Не сводя глаз с Золотой Звезды, Алексей Александрович поцеловал женщину руку.

— Я, интеллигент, ученый, доктор технических наук, преклоняюсь перед такими простыми людьми, как вы, Клавдия Афанасьевна, — проникновенно проговорил он. — Позвольте мне называть вас своей сестрой. И отбросим прочь холодное «вы», перейдем на дружеское «ты».

Не заметили, как за беседой пролетело время. Подъезжали к станции, на которой Клавдии Афанасьевне предстояла пересадка. Ладожский помог ей сойти и еще раз поцеловал руку.

— Непременно навещу тебя, сестрица, в Киеве. Хочу познакомиться с твоими студентами. Люблю молодежь.

В канун Нового года Клавдия Афанасьевна получила от Ладожского поздравительную открытку. Потом поступила телеграмма из Янгибазара. Хорошо еще, что ребят не было дома. Пристали бы, что да как. А что она могла бы им ответить? Сама не знала, о чем шла речь. В который раз перечитывала совсем непонятный текст: «Прилетаем Киев получение машины двадцатого 9-30 вечера. Сообщите Благову. Прошу встретить гостинице «Лыбидь» у администратора. Ожидай до половины одиннадцатого, пока приедем аэропорта. Целую. Леша».

«Что за машина? Кто такой Благов? Почему я должна идти в гостиницу?» — думала женщина. Она не представляла себе, что Благов — лицо вымышленное Ладожским.

Так и не найдя ответа на эти вопросы, изорвала телеграмму и, конечно, никуда не пошла. И вот он приехал... Если бы она знала, что это за человек!

Уголовное дело пополнилось различными справками, актами экспертизы, протоколами допросов потерпевших и свидетелей. И вот из Вильнюса пришло сообщение о его задержании.

После ареста Ладожского все материалы о совершенных им преступлениях передали по указанию МВД СССР в Киев. Дело принял к своему производству начальник следственного отделения Печерского РОВД лейтенант милиции Вадим Константинович Значков.

С особым интересом следователь читал материалы, по крупице собранные московским коллегой старшим лейтенантом Юрием Карпухиным. Они охватывали почти тридцать пять лет жизни Ладожского. Лишь небольшую часть из них он провел на свободе. Четыре судимости, и после каждой — длительный срок заключения.

С первой же встречи со следователем Ладожский повел себя агрессивно и несколько высокомерно. Войдя однажды в роль доктора наук, он не отступал от нее. Тщательно следил за своим туалетом, осанкой, голосом. В разговоре сыпал цифрами, датами, фамилиями ученых, наименованиями своих научных трудов, названиями центральных учреждений и организаций, где его якобы хорошо знали.

— Да, я не отрицаю, что взял деньги у инженера Акопяна и проводника Валиева,— говорил он.— Но, прошу не забывать, взаимнообразно. Об этом сказано и в выданных мною расписках. Ведь этого-то вы не будете отрицать? Причем долг Акопяну уже возвращен. Вас интересует, когда и каким образом? Переслал своей бывшей квартирохозяйке Мурзиной, как только покинул Туркмению.

Когда конвой уводил подсудимого, лейтенант закрывался в своей комнате и до поздней ночи по нескольку раз просматривал показания Ладожского, слыхал их с другими, сделанными раньше. И следователю открылась интересная картина. Многочисленные данные, которыми каждый раз оперировал его подсудимый, при сверке не совпадали, расходились. А тут еще почерковедческая экспертиза подтвердила предположение о том, что подписи на фиктивных распоряжениях о выдаче автомашин сделаны Ладожским. Было также установлено, что «спецпропуск», который тот показал вахтеру в сером здании с колоннами, оказался ничего не значащей бумажкой. Вход в этот подъезд был вообще свободен для всех граждан. Многие другие факты также изобличали мошенника.

Следователь видел, что с каждым днем роль, которую взялся играть Ладожский, давалась ему все труднее. Он становился забывчивым, чаще допускал просчеты, ненароком опровергал свои собственные показания. Вынужденный признаться в том, что обманул Урбанова, стал возражать против указанной потерпевшим суммы.

— Мне досталось меньше половины того, что здесь написано,— настаивал он.— Остальные деньги взял двоюродный брат Урбанова, с которым тот приезжал. Его брат сунул мне около трех тысяч рублей и сказал при этом: «Камил — спекулянт. У него денег много, не обеднеет. А нам с тобой они пригодятся. Бери и уходи поскорее». И я ушел.

Аналогичную версию выдвинул и по факту обмана Валиева. Составив его показания, следователь на очередном допросе сказал:

— Послушайте, Алексей Александрович, а ведь вам вряд ли кто поверит. Такого опытного человека, как вы, дважды обвели вокруг пальца. Причем совершенно разные, не знакомые между собой люди. Интересно, как вы будете выглядеть на очной ставке, которую сделают вам с потерпевшими и свидетелями.

Ладожский заерзал на стуле, на его скулах заходили желваки. Он боялся очных ставок.

— Не надо очных ставок,— глухо проговорил он.— Я получил ровно столько, сколько указано в заявлениях. Дайте бумаги, я напишу об этом сам.— Помолчав, спросил: — Надеюсь, суду станет известно, что я был искренен в своих показаниях.

Единственное, от чего с прежней настойчивостью продолжал отказываться подсудимый, был эпизод с присвоением принадлежащих инженеру Акопяну 1200 рублей. Зная о внезапном отъезде Мур-

зиной из Туркмении и о том, что следствию не известно ее новое место жительства, он упорно твердил о присвоении этих денег своей бывшей квартирохозяйкой. Ладожский и сам не знал, где находится эта женщина, и в душе надеялся, что милиция разыщет ее не скоро. Лейтенант Значков выслушивал своего подследственного с обычным вниманием и... настойчиво продолжал искать инженера Веру Мурзину.

Наконец настал день, которого так ждал следователь. Дежурный позвонил ему, что прибыла гражданка Мурзина, и он направил ее в следственное отделение. В руках Значкова оказалось письмо Ладожского, в котором тот указывал, кому и какую сумму в погашение его долгов надо отдать. Акопян в письме не упоминался.

И снова допрос.

— Вы продолжаете утверждать, что возвратили инженеру Акопяну взятые у него в долг 1200 рублей и что сделали это через свою бывшую квартирохозяйку Веру Никаноровну Мурзину?

— Да, это было действительно так. Я перевел эти деньги Мурзиной и в письме попросил переслать их в Баку инженеру Акопяну.

— И вы подтвердили бы это на очной ставке с Мурзиной?

Ладожский снисходительно улыбнулся:

— Разумеется.

Лейтенант вдруг прервал допрос.

Менее чем через минуту следователь вернулся. За ним вошел еще кто-то. Того, второго, Ладожскому не было видно. И вдруг: Вера! Он побледнел, попытался приподняться со стула, но силы покинули его. Перед ним стояла молодая красивая женщина, которую он, пожалуй, по-настоящему любил, и она любила его. С ней он был бы счастлив. Еще полгода назад ее глаза дарили ему тепло и ласку. Сейчас они смотрели на него с таким же презрением, какое он читал во взглядах Валиева, Урбанова и других обманутых им людей.

— Да, я ошибся, я не высылал денег для Акопяна,— бормотал окончательно сломленный Ладожский.— Я обманывал всех, даже ее. Лейтенант Значков никогда не видел его таким подавленным.

Итак, все точки над «i» были расставлены. Вадим Константинович облегченно вздохнул. Теперь он может составить обвинительное заключение, включив в него все преступления Ладожского.

Слов нет, это был ловкий, изворотливый, хитрый и опытный преступник, действующий осмотрительно и расчетливо. Но и он допускал промахи, которые не могли не броситься в глаза окружающим его людям. И приглядишься они чуточку повнимательнее к этому человеку, задумайся хотя бы немного над его словами и поступками, ему не удалось бы одурачить столько людей. Но этого чуть-чуть и не хватало многим из них.

Нет, жертвы этого удава не были беззащитными, безвольными кроликами! Больше того, они сами хотели обойти установленный государством порядок и отлично сознавали, что поступают дурно.

Входя в троллейбус, Значков уже думал о том, что сегодня допишет обвинительное заключение. Дело пойдет в суд. Матерый преступник получит по заслугам.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

наши
консультации

ТРУДОВАЯ КНИЖКА

В первом номере нашего журнала за 1974 год сообщалось, что Совет Министров СССР и ВЦСПС приняли постановление «О трудовых книжках рабочих и служащих». Было изложено и прокомментировано содержание этого документа.

По поручению Правительства СССР Государственный комитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы на основе указанного постановления и в его развитие разработал и утвердил по согласованию с ВЦСПС Инструкцию о порядке ведения трудовых книжек на предприятиях, в учреждениях, организациях. Инструкция принята 20 июня 1974 года и введена в действие с 1 января 1975 года. По просьбе читателей журнала инструкцию комментирует старший юрисконсульт юридического отдела Госкомтруда М. Панкин.

В соответствии с упомянутым постановлением Совета

Министров СССР и ВЦСПС трудовые книжки нового образца выдаются рабочим и служащим, впервые поступающим на работу, начиная с 1 января 1975 года.

Если трудовая книжка старого образца владельцем утеряна или в ней заполнены все страницы соответствующих разделов, выдается другая книжка — нового образца — с указанием «Дубликат» или новый вкладыш к прежней книжке.

Трудовая книжка — основной документ, отражающий общественно полезную деятельность человека. По записям в ней прослеживается характер работы, определяется общий и непрерывный стаж. В трудовой книжке содержатся сведения, необходимые для предоставления льгот и преимуществ, установленных законодательством, для назначения пенсий и пособий по социальному страхованию. В книжку записываются также данные о поощрениях и на-

гражденинх работника, которые характеризуют его добросовестное отношение к труду, свидетельствуют об активном участии в совершенствовании производства и так далее. Поэтому новая инструкция о порядке ведения трудовых книжек направлена на то, чтобы обеспечить ясность и точность записей в этих документах и надлежащее их хранение.

Трудовые книжки заводятся на всех рабочих и служащих государственных, кооперативных, общественных предприятий, учреждений и организаций, в том числе на сезонных и временных работников, надомников и лиц, принятых с предварительным испытательным сроком, если они проработали более пяти дней. Книжки заполняются и на внештатных сотрудников, если те подлежат государственному социальному страхованию.

На студентов очных вузов и учащихся средних специальных учебных заведений, не работавших до поступления в учебное заведение, книжки заводятся в период учебной производственной практики при условии зачисления их на рабочие места или должности. На лиц, занятых по совместительству, книжки ведутся только по месту основной работы.

В трудовую книжку заносятся общие данные о ее владельце. Если она заводится впер-

вые, то все сведения заносятся в присутствии работника не позднее недели со дня поступления на работу. По паспорту или свидетельству о рождении записываются фамилия, имя, отчество и год рождения. Образование должно быть подтверждено дипломом, свидетельством, удостоверением.

Профессия или специальность указывается на основании документа об образовании или другого надлежаще оформленного документа. Обязательно ставится дата первичного заполнения книжки, подпись ее владельца, подпись лица, ответственного за выдачу трудовых книжек, и печать предприятия, учреждения, организации (или печать отдела кадров).

В разделе «Сведения о работе» указывается полное наименование предприятия, учреждения, организации, которые заводят трудовую книжку, а затем делается отметка о приеме на работу. Месяц и число ставятся только арабскими двузначными цифрами. Все записи делаются только чернилами. Если за время работы наименование предприятия изменится, то об этом отдельной строкой в той же графе записывается: «Предприятие с такого-то числа переименовано в такое-то на основании приказа, распоряжения (указываются дата и номер)».

В книжке следует называть цех или отдел, должность (специальность) или работу, а также разряд. Должность записывается в точном соответствии с ее наименованием в штатном расписании или в Единой номенклатуре должностей служащих, а профессия рабочего — в соответствии с тарифно-квалификационным справочником. При перемене должности, переводе на другую постоянную работу, если это оформлено приказом, в случае присвоения нового разряда тоже производится соответствующая запись.

С каждой записью, вносимой на основании приказа (распоряжения) в трудовую книжку — о приеме на работу, переводах на другую постоянную работу и увольнении, — администрация обязана ознакомить ее владельца под расписку в личной карточке, в которой должна быть повторена эта же запись. Такой порядок введен для того, чтобы работник знал, какие записи вносятся в его трудовую книжку, и можно было своевременно исправить их, если они ошибочны.

Иногда, кроме исправления ошибочных записей, допускается уточнение правильных, но недостаточно полных сведений. Это обычно приходится делать в тех случаях, когда решается вопрос о предоставлении работнику льгот, установленных с учетом условий труда.

В тех случаях, когда поступлению на работу предшествовала служба в Вооруженных Силах СССР, в органах Комитета государственной безопасности и Министерства внутренних дел либо во всех видах охраны, где на проходящих службу не распространяется законодательство о труде и государственное социальное страхование, запись об этом периоде вносится в трудовую книжку отдельной строкой с указанием даты призыва (зачисления) и даты увольнения.

Точно так же отдельной строкой вносится запись о времени обучения в профессионально-технических и других училищах, на курсах и в школах по повышению квалификации, по переквалификации и подготовке кадров, в высших, средних и аналогичных им учебных заведениях, в аспирантуре и клинической ординатуре.

В трудовой книжке нового образца имеются два самостоятельных раздела для записей сведений о награждениях и поощрениях.

В раздел «Сведения о награждениях» вносятся записи о награждении орденами и медалями и о присвоении почетных званий на основании указов Президиума Верховного Совета СССР и указов Президиумов Верховных Советов союзных и автономных республик, а также

о присвоении званий «Лауреат Ленинской премии», «Лауреат Государственной премии». В этот же раздел вносятся записи о награждении почетными грамотами, дипломами, нагрудными знаками в соответствии с постановлениями ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, а также на основании решений министерств, ведомств, исполкомов Советов депутатов трудящихся, принимаемых ими совместно (или по согласованию) с соответствующими профсоюзными органами.

В раздел «Сведения о поощрениях» записываются только одновременные индивидуальные поощрения, применяемые руководителем предприятия совместно или по согласованию с фабзавместкомом профсоюза (награждение почетными грамотами, ценными подарками, занесение в Книгу почета, на Доску почета, объявление благодарности, выдача денежной премии и тому подобное). Сюда же вносятся записи об открытиях, на которые выданы дипломы, и о всех использованных изобретениях и рационализаторских предложениях работника и о выплаченных в связи с этим вознаграждениях.

В трудовой книжке не отмечается выдача работнику премий, предусмотренных системой оплаты труда или положениями о премировании, дейст-

вующими на данном предприятии, в учреждении, организации (премий за выполнение плановых показателей, за сдачу в срок и досрочно производственных мощностей, за экономию топлива и так далее). Не вносятся данные о поощрении за общественную работу, а также сведения о дисциплинарных взысканиях.

Записи о причинах увольнения должны производиться в точном соответствии с формулировками действующего законодательства и со ссылкой на соответствующую статью и пункт. Например: «Уволен в связи с призывом на военную службу (пункт 3 статьи 29 КЗоТ РСФСР)». Ни в коем случае нельзя делать не соответствующие закону записи, такие как: «Уволен за развал работы», «Уволен за недостачу материальных ценностей» и тому подобные.

Следует иметь в виду, что от причины увольнения зависит срок сохранения у работника непрерывного стажа, с учетом которого определяется размер пособия по временной нетрудоспособности, устанавливаются надбавки к пенсиям, сохраняется право на получение льгот, в частности за работу в районах Крайнего Севера и в приравненных к ним местностях. Поэтому при расторжении трудового договора по инициативе работника запись дол-

жна производиться полно, то есть не только со ссылкой на статью закона, но и с указанием конкретной причины увольнения, если это имеет значение для сохранения непрерывного стажа. Например: «Уволен по собственному желанию в связи с переходом на пенсию по старости (статья 31 КЗоТ РСФСР)», «Уволен по собственному желанию в связи с зачислением в институт (статья 31 КЗоТ Белорусской ССР)».

При увольнении гражданина все записи о работе, награждениях и поощрениях, внесенные в трудовую книжку за время работы на данном предприятии, в учреждении, организации, заверяются подписью руководителя или специально уполномоченного им лица и пе-

чатью предприятия, учреждения, организации или печатью отдела кадров.

Администрация обязана выдать работнику оформленную трудовую книжку в день увольнения. Днем увольнения считается последний день работы. Если человек отсутствует в этот день на производстве, администрация должна направить ему почтовое уведомление о необходимости получить трудовую книжку. Пересылка книжки почтой допускается только с согласия рабочего или служащего.

При задержке трудовой книжки по вине администрации работнику выплачивается средний заработок за все время вынужденного прогула.

О НАСЛЕДОВАНИИ ПО ЗАКОНУ И ПО ЗАВЕЩАНИЮ

В соответствии с Конституцией СССР право наследования личной собственности граждан охраняется законом. Законодательство определяет основания и условия наследования, круг наследников, время и место открытия наследства и регулирует другие вопросы, связанные с оформлением и защитой наследственных прав.

Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик предусматри-

вают два вида наследования: по закону и по завещанию. При этом наследование по закону имеет место, когда и поскольку оно не изменено завещанием.

Основы определяют круг лиц, которые при наследовании по закону являются наследниками первой очереди. Это — дети (в том числе усыновленные), супруг и родители (усыновители) умершего. К наследникам первой очереди относится также

ребенок умершего, родившийся после его смерти. Внуки и правнуки умершего являются наследниками по закону, если ко времени открытия наследства нет в живых того из их родителей, который был бы наследником. Например, внук может быть признан наследником после смерти его деда или бабушки, если к этому времени умер его родитель, который должен был получить имущество как наследник по закону.

Законодательством союзных республик могут быть установлены последующие очереди наследников. Так, Гражданским кодексом РСФСР определена вторая очередь наследников по закону. В нее включены братья и сестры умершего, его дед и бабушка как со стороны отца, так и со стороны матери. Наследники второй очереди имеют право на имущество лишь при отсутствии наследников первой очереди или в случае непринятия ими наследства, а также при лишении их завещателем права наследования.

Наследниками по закону считаются также нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении умершего не менее одного года до его смерти. К нетрудоспособным лицам относятся женщины, достигшие 55 лет, и мужчины, достигшие 60 лет, инвалиды I, II и III групп, независимо от того, назначена ли им пенсия по старости или инвалидности, и граждане моложе шестнадцати лет (а учащиеся — моложе восемнадцати лет). Нетрудоспособные иждивенцы могут и не находиться в родственных отношениях с наследодателем (то есть с тем, кто оставил наследство).

Для признания наследниками

этих нетрудоспособных лиц необходимо, чтобы они находились на полном содержании наследодателя или получали от него такую помощь, которая была для них основным и постоянным источником средств к существованию.

При наличии других наследников нетрудоспособные иждивенцы наследуют наравне с наследниками той очереди, которая призывается к наследованию. Например, если после смерти наследодателя остались его сын, брат и находившийся на иждивении умершего нетрудоспособный дядя, должны быть призваны к наследованию сын (как наследник первой очереди) и дядя. Брат, относящийся к наследникам второй очереди, в данном случае не имеет права на имущество умершего.

Наследники по закону первой очереди, а при отсутствии их или непринятии ими наследства — наследники второй очереди наследуют имущество в равных долях.

В большинстве случаев право на получение имущества возникает у наследников по закону, если наследодатель не оставил завещания. Однако наследники по закону вправе претендовать на получение наследства и тогда, когда наследодатель в завещании распорядился не всем имуществом, когда наследники по завещанию не приняли наследства или когда завещание признано судом недействительным.

Если наследодатель составляет завещание, он сам выбирает наследника. Им может быть любое лицо, даже не входящее в круг наследников по закону, а также группа лиц, государство, отдельные государственные, кооператив-

ные и общественные организации.

Завещание составляется в письменном виде. Оно должно быть удостоверено в государственной нотариальной конторе или в исполнительном комитете городского, поселкового, сельского Совета депутатов трудящихся — если в данном населенном пункте нет нотариальной конторы.

Удостоверить завещание могут также должностные лица, наделенные согласно закону такими полномочиями. В Законе о государственном нотариате содержится перечень этих должностных лиц.

Завещания граждан, находящихся на излечении в больницах, других стационарных лечебно-профилактических учреждениях, санаториях или проживающих в домах для престарелых и инвалидов, удостоверяются главными врачами, их заместителями по медицинской части или дежурными врачами этих больниц, лечебных учреждений, санаториев, а также директорами и главными врачами домов для престарелых и инвалидов. Граждане, находящиеся на советских морских судах или судах внутреннего плавания, могут удостоверить завещания у капитанов судов. Завещания лиц, находящихся в разведочных, арктических и других подобных им экспедициях, удостоверяются начальниками этих экспедиций.

Предоставив завещателю полномочия распоряжаться принадлежащим ему имуществом, законодательство вместе с тем охраняет права некоторых наследников по закону, запрещая лишать их наследства. Не-

совершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя (в том числе усыновленные), а также нетрудоспособные супруг, родители (усыновители) и иждивенцы умершего наследуют, независимо от содержания завещания, не менее двух третей доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону. Таким образом, для перечисленных наследников установлена обязательная доля имущества. Определяя размер этой доли, учитывают и стоимость наследственного имущества, состоящего из предметов обычной домашней обстановки и обихода.

Наследодатель, у которого была нетрудоспособная жена и двое сыновей, завещал все свое имущество — стоимостью 9 тысяч рублей — сыновьям. Жена в таком случае, независимо от завещания, имеет право на получение обязательной доли наследства в размере двух третей той суммы, которая причиталась бы ей при наследовании по закону, то есть если бы не было завещания. Следовательно, нетрудоспособная жена получит имущество на сумму 2 тысячи рублей — две трети от 3 тысяч рублей.

Местом открытия наследства признается последнее постоянное место жительства наследодателя, а если оно неизвестно — место нахождения имущества или его основной части. По месту открытия наследства принимаются меры к охране наследственного имущества, рассматриваются в суде споры о наследовании и разрешаются другие возникающие при этом вопросы.

Ю. ЗАЛЕНСКИЙ,
заслуженный юрист РСФСР

Ю. Каменский из Минской области просит разъяснить, где должна производиться регистрация рождения ребенка и какое установлено правило относительно записи места рождения.

Регистрация рождения детей производится в соответствии с кодексами о браке и семье союзных республик и республиканскими инструкциями о порядке регистрации актов гражданского состояния.

Рождение ребенка регистрируется в органах записи актов гражданского состояния по месту его рождения либо по месту жительства родителей (или одного из них) — в зависимости от их желания.

А как записывается место рождения? В большинстве союзных республик, в том числе в Белорусской ССР и РСФСР, действует такое правило. Если рождение регистрируется по месту жительства родителей, а не по месту рождения ребенка, то в свидетельстве о рождении местом рождения указывается место жительства родителей. Допустим, ребенок родился в Минске, а для регистрации его рождения отец и мать обратились в отдел загса города Борисова Минской области — по месту своего постоянного жительства. В этом случае в свидетельстве о рождении местом рождения будет записан город Борисов, а не Минск.

Такой порядок установлен в интересах населения. Нередко те или иные граждане вынуждены обращаться в органы загса для получения повторных свидетельств о рождении (когда ранее выданные документы по каким-либо причинам утрачены). И вот представьте, что повторное свидетельство понадобилось гражданину, о котором шла речь в нашем примере. В его паспорте на основании свидетельства о рождении указано, что он родился в городе Борисове. Естественно, гражданин обратится за повторным свидетельством в отдел загса Борисова и быстро получит этот документ. А если бы местом рождения в свидетельстве и, следовательно, в паспорте был записан Минск — хотя регистрация производилась в Борисове, — то, вполне вероятно (подобных случаев было немало), гражданин обратился бы за повторным свидетельством в Минск. Там искал бы активую запись о рождении, но, разумеется, безуспешно: ведь регистрация

рождения производилась не в Минске, а в Борисове. Начались бы длительные поиски, направлялись бы запросы в другие органы загса, и гражданин долго не мог бы получить нужный документ.

Чтобы избежать всего этого, и предусмотрено правило, о котором мы рассказали.

Н. ЗАГАРИНА,
старший консультант
Министерства юстиции СССР

Кто и в каких случаях имеет право производить обыски и кто должен присутствовать при этом? Б. Новожилов, Челябинск.

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР обыски производят следователи органов внутренних дел, прокуратуры и органов государственной безопасности. Обыски делаются в тех случаях, когда есть достаточные основания полагать, что в каком-либо помещении или ином месте или у какого-либо человека находятся орудия преступления, пред-

меты и ценности, добытые преступным путем, а также другие вещи или документы, имеющие значение при расследовании дела. Обыск можно делать и для обнаружения разыскиваемых лиц.

Обыск производится по мотивированному постановлению следователя с санкции прокурора. В случаях, не терпящих отлагательства, можно сделать обыск без санкции прокурора, но с последующим сообщением об этом прокурору в течение суток.

При обыске обязательно должны присутствовать понятые. Необходимо и присутствие лица, у которого производится обыск, или совершеннолетних членов его семьи. Если это почему-либо невозможно, приглашают представителей домоуправления, исполнительного комитета сельского или поселкового Совета депутатов трудящихся.

При обысках в помещениях, занятых учреждениями, предприятиями, организациями, присутствуют их представители. Следователь, когда это необходимо, вправе вызвать для участия в обыске соответствующего специалиста.

Аналогичные правила, касающиеся обысков, предусмотрены и уголовно-процессуальными кодексами других союзных республик.

Е. НОВИКОВ

СПРАВОЧНЫЙ
ОТДЕЛ

СЕЙФ

В неясный предрассветный час, сумеречный и тяжелый, казалось, от всеобщей вселенской дремы, Чухлова встряхнул телефонный звонок. Дотянувшись до трубки, он поспешно сказал в нее сердитым, хриплым со сна голосом.

— Ну что еще... слушаю!

Тут же покосился через плечо — не проснулась ли Варвара, дьявол их забери, эти сумасшедшие, посреди ночи звонки. Можно, наверно, сто лет проработать в милиции тем же начальником райотдела, и все равно не привыкнешь к ним — неурочным звонкам, бессовестно ломающим твой сон, от которых сердце пугливо, болезненно сжимается: что на этот раз, а?!

Вчера он поздно вернулся из Чуваксина, ложился спать усталый и возбужденный. Все эти дни втайне надеялся, тревожно, как бы издалека сам в себе прислушиваясь к этой надежде, а вдруг бежавший из заключения Хрякин все ж доберется до родимых мест и они с ним встретятся? Но Хрякина перехватили в Липецкой области, и это, конечно, прекрасно, что не дали ему погулять на воле, а то бы с автоматом в руках Хрякин мог натворить таких дел — сироты бы да вдовы на его пути оставались... А теперь отгулял свое. И все-таки хотелось ему, Чухлову, напоследок посмотреть в хрякинские волчьи глаза, чтобы именно он, Чухлов, никто другой, взял бы его. Самолично...

— Товарищ майор? — резко прозвучало в телефонной трубке. Голос дежурного — недавно после окончания училища присланного в отдел лейтенанта — был нетерпелив, по-юношески звонок. — Вы слушаете?

— А что я, по-твоему, делаю?

— Разрешите доложить...

— Короче! Что?

— Из кассы мебельной фабрики похищен сейф...

«Ничего себе неделя начинается, — Чухлов положил трубку на аппарат. — Давненько такого в Доможилове не было. Свои или залетные?»

Он снова взглянул на Варвару — та лежала недвижно, как-то неловко прикрыв лицо согнутой в локте рукой, однако дыхания ее он не уловил: не спит! Тихонько выбрался из постели, и когда умылся, прошел из ванной на кухню — жена в длинной ночной сорочке сидела уже там, а перед ней — для него — стояла кружка с простоквашей и тарелочка с пирожками. Сквозь окна сочился мутный свет, слабо проявляя из чернильно-фиолетовой наволочки кухонные предметы, тускло поблескивающую посуду в шкафу. По заспанному лицу Варвары тоже скользили темные неровные блики, старя его, превращая чуть ли не в старушечье; и может, от этих бликов или на самом деле так было — на лице жены Чухлову виделись недовольство, даже вроде бы отчужденность.

Удивляться не приходилось: вчера меж ними случилась размолвка, и Варвара, отходчивая при больших семейных ссорах, из-за пу-

стяка, бывает, дуется на него по два-три дня. Да, впрочем, дуется ли? Точнее, вид такой делает, а по его личному определению — «страху нагоняет»! Чтоб, дескать, не забывался, помнил, что кроме его милицейской службы существуют семейные обязанности, и она, Варвара, терпит-терпит, но любое терпенье лопається... Вон дочь из Москвы сообщила — приезжает, и не одна к тому ж, а в угловой комнате обои старые, залоснились, краска на полу облезла, рама на проржавевших петлях скрипит, того гляди сорвется, — есть ли хозяйин в доме? Не стыдно будет перед чужим человеком? «Год, ты понимаешь, го-о-од твержу тебе про ремонт, — досадливо говорила за ужином Варвара. — Денег тебе жалко, Чухлов, мастера позвать?»

И, прислушиваясь сейчас, не едет ли за ним машина, начиная раздражаться, что долго они там, в отделе, возьтятся, замечание от него водителю обеспечено, он сказал Варваре:

— Найду я тебе сегодня мастера.

А из головы все эти минуты не уходило главное сейчас для него: «Свои иль залетные?» И пока вяло — не по времени — завтракал, думал о Варваре, уже успел перебрать в памяти, как картотеку полистал, кто из своих, доможировских, мог пойти на такое: выкрасть сейф с деньгами. Есть четыре-пять лихих удалцов на примете, всегда готовых взять, где плохо лежит, — их на месте преступления за руку хватили, судили потом... Однако предполагать, подозревать — занятие зыбкое, тут легко маху дать, окажется после, что кого имел в виду, он вовсе ни при чем, своим неверием, подозрением ты, выходит, оскорбил его... Ах, если б те, кто уволок этот фабричный сейф, хорошенько б «наследили» там, в помещении кассы, чтоб сразу можно было выйти на них! Дай-то бог, как говорится.

Варвара продолжала молчать.

Послышался нарастающий гул автомобильного мотора; на крыльце, узнав приближающуюся машину, коротко, но громко тьякнула Сильва, давая знать хозяину, чтоб выходил. Фары золотисто высветлили штaketник ограды, недвижимые в сонном покое кусты сирени. Чухлов, надвинув козырек фуражки пониже, на самые брови, потоптался, покашлял в кулак, постоял посреди кухни еще полминутки, раздумывая, заговорить ли опять с Варварой иль нет, и все же не поступился своим мужским самолюбием — молча пошел к двери.

Ее голос остановил его у порога:

— Сказал бы уж хоть... надолго ль?

— Да нет, — быстро отозвался он. — Воришка один объявился...

— Стали б из-за какого-то воришки тебя из постели вытаскивать!

Он вернулся к ней, шуточно пригнул ее голову к столу: нá тебе! Она потерлась щекой о шершавый обшлаг его форменной тужурки, сказала, как говорила уже не раз:

— Сколько я еще буду мучиться с тобой, Чухлов?

— Не так уж много нам осталось, Варя, — ответил он и хотел, чтоб легкими его слова были, но почему-то не получилось, как-то уж всерьез, по-правдашнему вышло. Попробовал исправить — добавил

с фальшивой приподнятостью: — Давно ж советую: беги от меня на спокойную жизнь к какому-нибудь бухгалтеру!

Варвара почему-то вздохнула.

— Обедать приходи.

— Слушаюсь!

— Поосторожней, если что...

— Само собой!

Только открыл дверь — Сильва на грудь прыгнула, успела в щеку лизнуть.

— Ах ты, пенсионерка, ах ты, морда ласковая, а знаешь: скоро наша Таська приедет, Тая!

Овчарка, услышав близкое, приятное ей имя, радостно поскуливала, толкалась в колени.

У калитки стоял сержант-водитель по фамилии Зайцев.

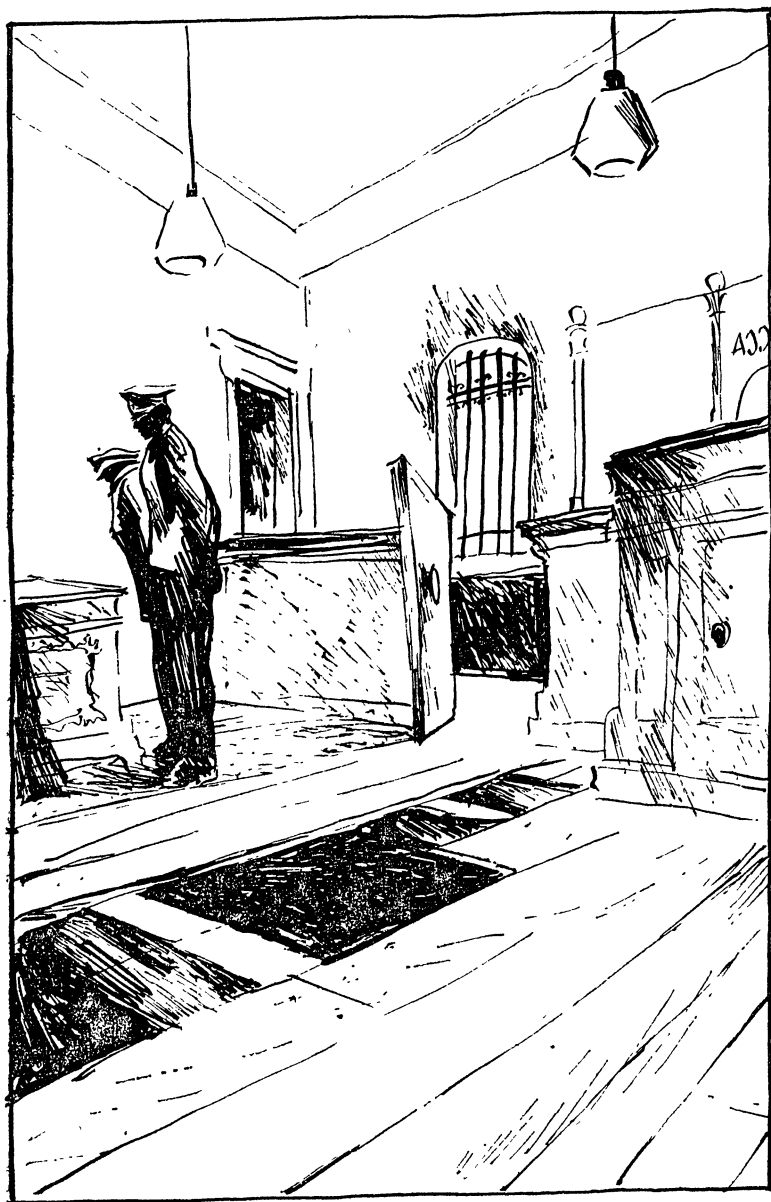
— Не дождешься тебя, будешь спать на дежурстве — в пожарную охрану переведу! — то ли пригрозил, то ли пошутил Чухлов.

II

Похищенный на фабрике сейф — аккуратный, полметра на полметра стальной ящик, открывавшийся двумя нехитрыми ключами, — был «гундобинский», то бишь когда-то, тому шесть десятков лет, принадлежал доможиловскому купцу Гундобину.

Кому начавшаяся империалистическая война была в разор, дышала в лицо смрадным тленом, а предприимчивый купец усмотрел в ней возможную выгоду для своего кармана. Он быстренько заложил полукустарное, однако обширное предприятие, выторговал для илемянника штабс-капитанские погоны, и тот стал подле него «военпредом», заключавшим с дядей договоры на военные поставки; и через два-три месяца в действующую армию ходко пошли крашенные в защитный цвет гундобинские изделия — обозные повозки, санитарные двуколки, артиллерийские зарядные ящики на кованых колесах, походные кавалерийские коновязи и даже складывающиеся «военно-полевые» стульчики для господ офицеров...

В восемнадцатом оставшиеся без призора мастерские Гундобина в одну ветреную осеннюю ночь выгорели дотла. Возможно, спалил их сам обезумевший от ярости и горя купец или кто-то из его многочисленной родни, живые веточки от которой до сих пор проследживаются в Доможилове. Да и сама фамилия в трех-четырех домах сохранилась, хотя владельцы ее — далекие отпрыски разворотливого российского торгаша-промышленника — по сегодняшним представлениям вполне приличные и, правильнее будет сказать, обычные люди — рабочие и служащие местных учреждений. А один из современных Гундобиных вырос до большого музыканта, лауреата международных конкурсов, чем в Доможилове, естественно, гордятся. В краеведческом музее при Доме культуры на стенде, отведенном теме «Развитие капиталистических отношений после аграрной реформы 1861 года в Доможиловском уезде», есть пожелтевшая фотография Гундобина-старшего — хищника и эксплуататора; а на стенде, раскрывающем достижения социалистической культуры в масштабах района, законно занял свое место снимок Гундобина-правнука — известного виолончелиста и доцента консерватории... Никакого про-

творечия, понятно, тут нет. Старое — в прошлом, кто чего заслуживал — свое получил; молодое же — со всеми трудовыми полезными делами и талантами — в настоящем. Жизнь в вечном разумном продолжении!

Впрочем, все это припоминается к случаю, Чухлову сейчас не до исторических экскурсов, хотя — поразмыслить — ведь не по прихоти памяти, а само собой, по необходимости, всплыло в разговоре купецкое имя. Когда стали выяснять, какой же был сейф, оказалось, «гундобинский». И еще... Мебельная фабрика в тридцатые индустриальные годы поднялась на бурьянном пепелище гундобинского заводика, на пустом холодном месте. Из купеческих помещений оставался лишь маленький осанистый домик из красного кирпича — бывшая контора. Тогда она стояла на отшибе, в сторонке от пронзительного шума мастерских, и пожар восемнадцатого года не достал ее.

Теперь старинный домик, на загляденье крепкий своими массивными стенами, с железными решетками на узких оконцах, взят в окружение другими фабричными постройками, в свою очередь окольцованным грубой оградой из бракованных бетонных плит. В домике размещаются бухгалтерия и касса.

В момент ограбления сигнализация, установленная на входной двери и каждом из окон, не сработала: никакого тревожного сигнала дежурные у пульта вневедомственной охраны не зафиксировали. И это объяснимо. Преступники (а Чухлов, прикинув все, не сомневался, что тут действовал не один человек) просто-напросто «обошли» охранную сигнализацию. Они прокопали давным-давно засыпанный, забытый, казалось, всеми и поросший травой лаз в подвал, затем оттуда, из подвала, взломали половицы и через этот пролом проникли в кассу. После тем же путем, волоча за собой на веревке сейф, выбрались наружу. Дальше ящик, видимо, несли на себе — следов волочения на земле не обнаружено.

Первым, кто дал знать милиции о случившемся, был старик — ночной сторож. Во втором часу ночи он, по его словам, пошел в обход территории. Возле ног крутилась дворовая шавочка Тяпа, взятая из дому на дежурство, как объяснял дедок, «чтоб в темном ночном климате была одушевленная душа рядом, для настроения, стало быть...». Когда они, «разговаривая», проходили мимо бухгалтерии, Тяпа неожиданно прыгнула в сторону и — опять же словами старика — «как сквозь землю провалилась». А через минуту залихватистый Тяпин лай, к изумлению и страху ее хозяина, донесся... из самой бухгалтерии, изнутри! Потом-то стало ясно — она была в тот миг в подвале, куда нырнула в проделанный грабителями лаз. Сторож тут же заметив свежие земляные комья, а затем и саму дыру, пальнул из ружья в воздух и побежал к телефону...

Когда утром будут снимать показания с кассира Натальи Огурцовой, она угрюмо скажет:

— Какой пол-то у нас был — одни вздохи. Как Гундобин настелил его — не меняли небось. Опасались мы ноги на нем поломать, при каждом шаге половицы угинались и подмахивали, а живем, между прочим, на мебельной фабрике, посреди изобилия досок! Чего стоило этот пол скovyрнуть?! А если б пол был такой, какой следует?.. Беззаботные начальнички у нас...

Старший лейтенант Сердюк — сам толстый, шестьдесят второго размера одежду носит — грубовато пошутит:

— Ладно на начальников... Вои, посмотреть, какая... гм... пышная женщина — шесть пудов весу будет. Под такими, как мы, и цементированный пол прогнется. Не приведи господь нам вдвоем на танцах оказаться!

Огурцова после этого вспыхнет, от шеи бросит ей на лицо пунцове, словно при крапивнице, пятна, — обрежет она Сердюка:

— С женой своей зубоскальте, она у вас молоденькая, со всего засмеется! А мне не до веселого... — И, разрыдавшись, крикнет с отчаяньем: — Пятнадцать тысяч в сейфе-то было! Соображаете?!

III

За окном, во дворике — слышно было Чухлову — шофер Зайцев рассказывал что-то смешное, анекдоты, наверно, травил, потому что остальные не просто смеялись — давились хохотом, а участковый инспектор Щербаков тонко, по-бабьи вскрикивал: «Ой, мамочки!»

Чухлов отодвинул нагретую утренним июльским солнцем штору, громко и строго сказал в форточку:

— Прекратить цирк! Всем временно свободным от дел заняться уборкой территории. Щербаков за старшего!

Кто-то там с досадой присвистнул, кто-то другой обронил: «Влопались, братцы!», а еще до слуха Чухлова донесся озорной голос Аркаши Дрыганова: «Ти-хо-о, вы! Чапай думает!»

Чухлов усмехнулся, снова подошел к форточке:

— Щербаков! Младшему сержанту Дрыганову определи по его наклонностям, поделикатнее... Пусть клумбу в порядок приведет, к лютикам-цветочкам его!

Во дворе опять в смехе грохнули: намек начальника был понят. Случай, когда Аркаша Дрыганов допустил серьезную промашку — и цветы в ней играли не последнюю роль, — был хоть давно, но еще у всех на памяти.

...В Агеевой слободке устраивали засаду, чтоб арестовать объявленного в розыск некоего Протаскина — за бродяжничество, мелкое мошенничество, злостную неуплату алиментов. Стало известно: приехал откуда-то, тут он, в своих местах, прячется возле колхозной пасеки...

И все ж в этот день Протаскин ушел от них! Задержали его лишь через сутки — в двенадцати километрах от Агеевой слободки, на глухом железнодорожном разъезде, когда он пытался сесть на проходящий товарняк. Словоохотливый Протаскин, повсюду выдававший себя то за режиссера, то за художника, в «золотых» очках, с бородкой клинышком, поигрывающий тросточкой, потом, смеясь, рассказывал, как тогда, у пасеки, миновал засаду:

«Я в обход по тропиночке — и там, боже мой, красный околыш! Гляжу на него из-за кустика — молоденький парнище, задумчивый и, что растрогало мое усталое сердце, цветочки рвет! Ромашечки белые, колокольчики синие, желтые лютики вроде бы... да-да, лютики! Я сам нежно цветы обожаю — запомнил. А этот мечтательный вьюнош, несмотря что он натуральным пистолетом отягощен, то ль букет для любимой собирает, то ль веночек плетет. Не всегда, сами со-

гласитесь, такого сентиментального стража порядка увидишь. Была б другая... творческая обстановка, на холсте б его изобразил. Обязательно. Сочными мазками! Верьте как живописцу. И картина, не сомневаюсь, на выставку б пошла, на зональную, не меньше, а там на премию бы потянула, как, заметить, уже бывало у вашего покорного слуги... Однако это уже из мира искусств, замнем для ясности, вернемся к интересующему нас моменту. Там ведь как я выглядел? Какое-то недоумение, позорный факт! Я поэтому бросил прощальный взгляд на симпатичного милиционера, все равно, рассудил, не буду понят им... шмыг, пардон, и мимо!..»

Был вечерний час, отдыхали — и Протаскина, который сидел в кабинете следователя с таким видом, как будто бы делал тому одолжение, слушали, потешаясь. А совестливый Аркаша Дрыганов тогда и после сильно переживал, хотя он, Чухлов, никакого взыскания на него не наложил, отеческим внушением ограничился... И сейчас зря напомнил! Подвернулось на язык... Но это ему за «Чапая»! Нашелся... остряк-самоучка!

За окном продолжали звучать прежние голоса, смех, но теперь глуше, на отдалении, и Чухлов, устроивший для себя эту маленькую разрядку, опять ушел в думы.

Докладывая в областное управление о случившемся, он вежливо, но настойчиво отказался от предложенной помощи, заявив, что справятся собственными силами, уже к вечеру, а самое позднее утром следующего дня он надеется доложить о конкретных мерах, гарантирующих успех в обнаружении преступников. «Что ж, поверим тебе, Григорий Силыч, — не сразу и, как почудилось Чухлову, с сомнением отозвался заместитель начальника управления. Провода явно донесли в Доможилово, как он там, в своем огромном кабинете, вздохнул, помешал ложечкой чай в стакане. — Только не забывай, Григорий Силыч, что пятнадцать тысяч — это не стиранные кальсоны с веревки украли, тут спрос с нас иной...» — «Товарищ полковник, — ответил он сухо, — я приму к сведению это ваше разъяснение». На том конце провода на какое-то время наступило тягостное молчание, Чухлов даже успел мысленно ругнуть себя: не нужно было срываться по пустяку, а теперь вот дал начальству повод для обиды... Наконец полковник — и опять провода чутко донесли — недовольно хмыкнул, отпил глоток чая и, приказав, чтоб Чухлов постоянно был на связи, заметил с укором: «Надо ж понимать, Григорий Силыч... А то ведь мы тут, в управлении, тоже с самолюбием!» И положил трубку.

Оно, бесспорно, негоже дразнить вышестоящее начальство, ведь и сам, признаться, не очень-то приветствует, когда кто-либо из подчиненных перечит, гонор показывает... Служба есть служба, и он как-никак третий десяток лет в ней завершает. Ведь ни в каком еще районе области не осталось начальника райотдела, которому за пятьдесят, да чтоб на одном и том же месте долгие годы сидел. Академия МВД, училища, школы — выпуск за выпуском! Сердюк двух лет не побыл у него заместителем — берут в управление, потому что в кармане диплом высшей специальной школы. И хоть приказ о переводе еще не поступил, в интонации, во всем облике старшего лейтенанта — Чухлов подмечает — пробивается это: покрови-

тельственно-снихождительное отношение... Не отношение — отношениице!

А полковник — что ж, они с Чухловым давно знают друг друга, он тоже из «старичков», он всегда поймет, придирается из-за ерунды не будет. Вот если Чухлов не сдержит слова, воры с мешком денег уйдут из-под его носа, тогда держись, не жди снисхождения, тогда полковник спро-о-осит и под горячую руку прежние грехи припомнит!

Однако вся машина сыска, рычаги и приводы которой под руками Чухлова, послушны и подчинены ему, в действии. Аппарат угрозыска, ОБХСС, служба автоинспекции, дружинники — все брошено на это дело, надежно перекрыты вокзал, аэропорт, дороги. И те ребята, что сейчас, возглавляемые лейтенантом Щербаковым, метут и посыпают песочком милицейский дворик, — они тоже в состоянии боевой готовности; это две оперативные группы, которые немедленно выедут по первому сигналу...

Когда Чухлов побывал на месте происшествия, затем поговорил с работниками бухгалтерии, он уверился: проделано все кем-то из местных или, во всяком случае, наводил налетчиков кто-то из доможильцов. Ведь нужно было знать, что в былые годы существовал открытый лаз в подвал, помнишь, с какой именно стороны дома, под каким окном, а засыпали его несколько лет назад. Сколоченный из жидких досок щит, на который навалили тогда землю, сгнил, трухлявым уже стал, — как еще он земляную тяжесть выдерживал? Стукнули лопатами — рухнул. По сути, копать не нужно было; лишь дерн сняли, надавили на гнилые доски — и грунтовое покрытие поплыло в подвал, образовав при этом удобный естественный спуск. По нему сползти — как с горки.

И другое... День налета на кассу был выбран безошибочно: тоже знали, что сейф набит деньгами. На фабрике ожидалась выдача зарплаты, многие, кроме того, могли видеть, что кассир Наталья Огурцова садилась в директорский «Москвич». А такое — это всем известно — бывало два раза в месяц, когда она вместе с шофером Костей, как бы под его охраной, выезжала в банк — за крупной суммой, за зарплатой.

Работники бухгалтерии подтверждают, что кое-кто, особенно из знакомых женщин, прибегал к ним, интересовался, будет ли выдаваться зарплата. Им отвечали: «Должны выдавать, кассир в банке...» Да и мужики, самые нетерпеливые, жаждающие, слонялись под окнами — тоже в ожидании. И выдача, конечно бы, состоялась, только с запозданием: Огурцова вышла с сумкой из банка лишь в четвертом часу. Но когда она на «Москвиче» возвращалась на фабрику, случилось непредвиденное, можно считать ЧП: в лакокрасочном цехе вспыхнул пожар. А бушующий огонь там, где помимо фанеры и прочего дерева легковоспламеняющиеся да взрывоопасные красители, — это, понятно, страшно, такой фейерверк получится — не подступись.

Пламя сбили минут за десять-пятнадцать сами рабочие и свои, фабричного поста пожарные, но цех все-таки пострадал, кое-что из готовой продукции обуглилось, потеряло товарный вид, а главное, один из учеников-мебельщиков, рьяно тушивший пожар, сильно обжег руки, пришлось на «скорой» отправить в больницу... Директор

был взвинчен, ругательски ругал себя, а заодно и главного инженера, начальника цеха, завхоза: ведь всего неделю назад районная инспекция государственного пожарного надзора оштрафовала администрацию фабрики за недопустимую захламленность лакокрасочного цеха порожней тарой, сурово предупреждала этим, — и теперь пиши объяснительные, оправдывайся! Когда кассир Огурцова, улучив момент, заглянула в директорский кабинет, напомним, что привезли заработную плату, он нервически бросил ей: «В своем уме, Изотовна, лезешь с чем? Видишь, что! Опечатай до завтра...»

Улики грабители оставили — и стоящие! Чухлов не сомневался, что так будет. Как бы тщательно ни готовилось преступление, как бы хитроумно ни маскировалось оно — следы обязательно обнаружатся; хоть маленькие, слабенькие, как паутинка, но обнаружатся! И на этот раз скрупулезный осмотр принес плоды.

Во-первых, розыскная собака довела проводника до дощатых мостков Доможиловского озера, возле которых, у свай, владельцы лодок держат свои посудины на цепях. Лодок десятка три — и это не так уж много...

Во-вторых, в подвале нашлась затоптанная в землю латунная пуговица с выдавленным на ней якорьком — такая, что бывает на флотской одежде. И что важно — в петельке пуговицы сохранилась розовая ниточка со свежим следом обрыва...

В-третьих, на небьющемся настольном стекле, под которым Наталья Огурцова хранила разные деловые бумажки и милые ее сердцу фотографии своих дочек-близняшек, остался видимый невооруженным глазом отпечаток ладони — верхней части тыльной стороны. Его, разумеется, тут же зафиксировали на специальную пленку.

И в-четвертых, в подвале с отверстия лаза сняли зацепившуюся за обломанный кирпич прядку коротких рыжеватых волос. Оставалось выяснить, чьи они...

Старший инспектор угрозыска капитан Чернушенко высказал предложение, что обувь преступников была обернута рогожной мешковиной, оттого следы ног такие размазанные, не отчетливые, и удалось к тому ж подобрать несколько грязных рогожных волокон. Чухлов согласился: «Пожалуй!»

И когда он отказался от помощи, предложенной заместителем начальника управления, он знал, что делает. Чего зря гонять из областного центра, за двести с гаком километров, «чужих» оперативников: сам будешь словно приклеенный к ним, никакой тебе собственной инициативы... Дело, разумеется, для района не рядовое, ответственное, о нем еще много будут говорить, прошляпить, поскользнуться никак нельзя, но не зря ж, черт возьми, они тут, в Доможилове, милицейскую форму носят. Доверено им блюсти правопорядок! Неужели он, Чухлов, ничему толковому своих помощников не выучил?

Ах, Чухлов, Чухлов, да будет тебе! Припомни лучше, как любил повторять первый послевоенный начальник доможиловской милиции Иван Самма: «Мы — дворники хорошей жизни. А наша собственная жизнь — лишь эпизод...»

Чухлов положил перед собой чистый лист бумаги, стал набрасывать основные направления поиска, по которым уже работают его помощники. Прикидывал, все ли учтено, на чем еще нужно будет

остановиться... Ползли из-под пера авторучки аккуратные строчки:
«1). Огурцова, сторож, бухгалтерия, шофер Константин Яшкин. Опрос рабочих.

2). Доможилское озеро. Кто рыбалил ночью? (Сейф — по ту сторону озера, в лесу, или — на дне?) Все владельцы лодок! Осмотр, беседа.

3). Кто может быть «моряк»? (Одежда).

4). Приезжие. (Данные участковых и линейного поста ж/д станции).

5). Магазины, столовые. (Серия и №№ ден. знаков по уточненным сведениям банка).

6). Розыскная собака — снова озеро. Лес.

IV

Попросил разрешения войти капитан Чернущенко — низенький, худенький, с очень живыми, излучающими жадное любопытство карими глазами — по виду подросток, хотя ему за тридцать пять. Он из брянских металлистов, несколько лет назад с завода был направлен на работу в милицию по комсомольской путевке, успел послужить в разных местах, в Доможилове не больше года, однако Чухлову кажется, что они знакомы давным-давно. Так всегда, если человек по душе тебе, понимаешь его с полуслова, если он такой же неистовый в деле, как ты сам...

Короче, Чухлов доволен старшим инспектором угрозыска. Жениться б, конечно, капитану не мешало, все сроки пропустил, в Доможилове он под ревнивым негласным надзором засидевшихся невест и молодых вдовушек: куда пошел, с кем на улице остановился, где вечером его видели... Но жениться — тут руководящим приказом не принудишь, человеку, может, без женщины рядом лучше, спокойнее... сколько нас — и все мы разные!

Чернущенко доложил, что экспертиза показала: обнаруженные на месте преступления волосы рыжего отлива — человеческие.

— Итак, имеем, выходит, рыжеватого блондина?

— Точно, Григорий Силыч.

— А с «моряками» как?

— Потихоньку отбираем... Шесть человек на примете.

— Потихоньку, говоришь?

Чернущенко засмеялся:

— Потихоньку — терпеливо, значит, вдумчиво. А так — в темпе,

Григорий Силыч!

— То-то. В семнадцать ноль-ноль мне в управление звонить.

— Я пригласил на беседу шофера директора фабрики...

— Костю? Начинай, я найду — послушаю...

Однако ни Константин Яшкин, ни Наталья Огурцова не сказали ничего такого, за что можно было бы хоть мало-мальски ухватиться. Сами они, как возможные участники кражи, не «вписывались» ни в какую схему. Костя Яшкин — вчерашний десятиклассник, вырос в районном центре у всех на глазах, он такой же тихий, работающий, как его отец — мастер сапожной мастерской комбината бытового обслуживания. Член ВЛКСМ, дружинник. Огурцова — тоже здешняя, все ее знают, и она всех, шумливая, но добрая характером;

отзывчивая, и муж у нее — председатель рабочкома совхоза «Доможиловский». Огурцова клялась-божилась, что никому не говорила о полученной в банке сумме, что деньги на ночь остались в сейфе... Однако говорила не говорила — и без ее слов многие знали, чуть ли не вся фабрика, что кассир ездила в банк. Подозревать, что пожар в конце рабочего дня был устроен злоумышленником специально, дабы сорвать выдачу денег, не приходилось. Пожарная инспекция установила: загорание возникло из-за халатной небрежности. Одна из работниц забыла выключить электроплитку, на которой разогревала клей...

— Послушай, Миша,— сказал Чухлов перебиравшему на столе бумаги Чернущенко,— ведь они безошибочно вышли на лаз, знали, где копать...

— По этой линии пощупать? Не мешает!

— А кто мог помнить о лазе?

— Бывший хозяин дома, во-первых...

— Эх куда хватил! Гундобин, что ль? Купец?

— Еще тот, кто когда-то щитом закладывал, землей засыпал...

— Это уже похоже на дело.

— Может, с фабричного завхоза начать?

— Попробуй, Миша. А лучше так.. придет — вместе с ним кончим.

V

Стрелки часов между тем показывали всего половину девятого. Утро было пол-летнему пригожее, в ярком свете, без той обволакивающей тело знойной духоты, что накапливается к полудню. И что за жара стоит весь месяц! Поля вокруг Доможилова изнывают в сухом безветрии, лес до мшистой подстилки прокален солнцем: редкий гриб не успеет проклонуться — уже червивый. В Чуваксине, где Чухлов еще вчера ночевал, жаловались: неделя-другая без дождя — урожая не видать. Зерно в хлебном колосе останется щуплым, легким, картошка будет мелкой, огурцов и помидоров вдоволь не есть... Снарядом бы встряхнуть, что ли, небесную канцелярию!

А горячие лучи с белого безоблачного неба начинают доставать сюда, в кабинет... Чухлов стянул с себя, повесил на пластмассовые плечики тужурку, отстегнул галстук, удобнее — надолго — расположился за столом. Денек разгорается, кроме главных дел, самого важнейшего среди них на сегодня есть текущие, тоже обязательные.

Вот стопка новеньких, пахнувших клеем и краской паспортов — на подпись ему. Их вручат вечером шестнадцатилетним — в районном Доме культуры, на украшенной кумачом сцене, под торжественную музыку духового оркестра. Напутствовать ребят добрым словом придут ветераны труда, герои минувшей войны. Начальник паспортного стола и секретарь райкома комсомола — устроители мероприятия — просили, чтоб на этой праздничной церемонии непременно присутствовал и он, Чухлов, при полном параде, с орденами и медалями, тоже с продуманной или записанной на бумажку напутственной речью, поучающей и подбадривающей юных граждан государства, выросших на славной доможиловской земле... Грешно было б отка-

заться, перепоручить, допустим, заместителям. Они — и Сердюк, и замполит — молодые у него, военного пороху не нюхали, о тяжелых для Родины годах знают понаслышке, из книг да родительских воспоминаний, и хоть в чем-то другим башковитые, профессионально подготовленные товарищи — все же нужно им самим еще многое прочувствовать, выстрадать, чтоб когда-нибудь после могли они сказать верное, с в о е слово о жизни...

Правда, тут он, Чухлов, пожалуй, опять лишку хватил! Так рассуждать — молодым, стало быть, место только во втором эшелоне, за сутулыми стариковскими спинами... А если объективно — не молодые ли опора всему? И эти, что смотрят сейчас на него с маленьких паспортных фотокарточек, завтра, потеснив уставших и заменяя вышедших из строя по другим неумолимым причинам, надежно займут ключевые позиции в жизни. Здесь, в отчем краю, в иных районах нашей обширной страны — пути не заказаны, светлые головы и крепкие руки всюду требуются! Диалектика... Разве не так, ваше ворчливое степенство?

Так, так...

И лица на карточках — знакомые сплошь; если кого из ребятешек толком не помнит — их родителей-то, можно считать, со всех сторон знает.

Витька Сучков... Ишь, чуб начесал, глаза «со значением» прищурил! Чем не отец? В батьку своего, баяниста, форсистой, и достанется кому из девушек — ну, поди, тоже наплачется она!.. А может и так, конечно, быть: вывеской в папу, по уму — не сравнить. Дай-то бог!

А это сынок линотиписта типографии Горельцева. Всеволод, Севака... Стихи пишет, печатает их в районной газете, поэтом, возможно, станет.

С пышной косой через плечо — дочка первого секретаря райкома партии Игоря Николаевича, товарища Арбузова. Мама у нее красавица, и она такая ж — в мамку...

Длинноносый, смотрит в объектив прямо, дерзко, с усмешкой — это младший из большой семьи Урядниковых. Тоже Иван Иванович, как и отец его. А тот полный кавалер орденов Славы, лихой разведчик на фронте был, дорожным мастером работает. Восемь детей у него, парнишки ловкие, верткие, что в школьных спортивных соревнованиях, что подрасться с кем иль в совхозный сад набег сделать... Отца, конечно, на вечер в Дом культуры не забыли позвать — почетный гражданин Доможилова!

А может ли он, Чухлов, в эти минуты сказать, что ждет его нынче вечером?

Ну, ладно... подписано — и с плеч долой! Так, что ли? Последний паспорт... Ого! Это что ж — у Фимки-буфетчицы такая взрослая дочь вымахала, шестнадцать ей? А глазницы-то грустные, никакой девичьей радости в них... Понять, наверно, можно. Как звать-то тебя? Ольга Максимовна. Так вот, Ольга Максимовна, мамочка, само собой, кормит тебя сладкими конфетами, в дорогие модные туфельки обувает, недавно для тебя золотой старинный перстень у пропившегося вздыг портного Алика Воскресенского за бесценок приобрела, воспользовалась... а тебе, видишь, скучно, даже тошно. Глаза, недаром говорят, зеркало души... н-да... Помимо всего, надо ;

думать, надоели тебе, Ольга, мамочкины... как бы поудобнее выразиться... гости-сожители, временные мужья! Один у вас в доме год живет, другой того меньше, третий вообще не больше недели, а уйдет — мамочка, смотришь, нового, прости меня, на неостывшее место за руку ведет. Сколько их было-то! И это неплохо, что грустишь, переживаешь — значит, не согласная с такой жизнью, что в родном дому наблюдается... А, Ольга Максимовна?

Набрал Чухлов номер телефона старшего инспектора Чернушенко:

— Миша! Да нет, не надо пока ко мне... Возле Китайцевой... ну, правильно — она, Фимка!.. возле нее очередной хахаль греется. Из местных родом, откуда-то из Средней Азии приехал. Хорошо, что знаешь... Такой ведь гренадер — будь-будь! Никаких сигналов на него не поступало? В райпотребсоюзе грузчиком? Но все-таки, Миша, включи его седьмым в свой списочек «моряков». Почему? Сдается мне, что я его как-то в тельняшке видел. Иду мимо — он дрова в Фимкином дворе колет, полосатый, помню. Сейчас вдруг высветилось...

Только положил трубку — дежурный ему позвонил:

— Товарищ майор, пенсионер Куропаткин рвется к вам, спасу от него нет, кричит, что по важному вопросу.

Чухлов мысленно выругался: сто лет бы не видеть этого клязучного человека! И можно категорически отказать — пусть в установленные для посетителей часы приема приходит... Но вдруг Куропаткин что-то пронюхал, на этот раз полезным окажется? Сказал дежурному:

— Пропусти.

VI

Здесь, в кабинете, сидя за привычным служебным столом, Чухлов всем своим существом, чуть ли даже не спиной чувствовал, ощущал, как возбужден поселок, какие повсюду разговоры об украденных на фабрике пятнадцати тысячах, сколько домыслов, шушуканья и — настороженное любопытство: а милиция что — надеется найти? Уже было несколько телефонных звонков — от приятелей да знакомых: вначале, как водится, о том о сем, а потом, конечно, обязательный, из-за чего и звонили, вопрос: ну как, что-нибудь уже вам известно? Он, сдерживаясь, отвечал каждому примерно в таком духе: «О чем волноваться, когда сам факт кражи был предусмотрен нами еще неделю назад...» — и бросал трубку.

Председатель райисполкома Охотников попросил информировать его обо всех этапах расследования — в подробностях причем. «Не вижу необходимости, — напрямую возразил Чухлов. — Спрашивать с нас будешь, Эдуард Венедиктыч, за конечный результат. А такое дублирование — я тебе, ты мне — при моем вздорном и твоём властном характере только нервотрепку создаст. И, сам понимаешь, своя, милицейская кухня у нас, свои кухонные рецепты... ты уж лучше готовое блюдо жди!» Охотников на это сказал: «Чего мы тебя такого держим, а, Чухлов? Ладно, бог с тобой, своевольничай. Однако не забывай все ж, что я как-никак над тобой посажен — держи в курсе!»

Редактор районной газеты упрасивал допустить в отдел к сотрудникам угрозыска редакционного паренка — чтоб тот, значит, наблюдал за деятельностью оперативников, «идущих по следу преступников»... «Какой репортаж будет, — уламывал редактор, и так громко, что Чухлов держал трубку подальше от уха, — представляешь, Григорий Силыч?! В нескольких номерах, под крупным заголовком, с фотографиями! Это ж, Григорий Силыч, работа на вашу популярность, для славы вашей... Лучшего нашего корреспондента — на три дня в ваше распоряжение. Ценишь, Григорий Силыч?..»

«Это какой же лучший корреспондент? — улыбнувшись, спросил Чухлов. — Сливкин, что ль? Если он еще будет ездить на редакционном мотоцикле без водительских прав да в подпитии... Да-да, не спорь!.. Мы с него строго спросим. Так и передай своему лучшему корреспонденту! И не присылай, Анатолий Степанович, ни его, ни кого другого. Я Чухлов, а не комиссар Мегрэ, ты редактор «Социалистической нови», а не какой-нибудь там «Санди телеграф»... Привет!»

И если сейчас в поселке чуть ли не все были заинтересованы главным образом тем, кто же обокрал фабричную кассу, кто из живущих рядом, своих, доможиловских осмелился на такое, скорей бы милиция обнародовала их имена, — озабоченность Чухлова шла дальше... Вызвать преступников, вернуть по назначению государственных деньги — это, само собой, первоочередная, прямая задача. Но, кроме того, в успехе ее исполнения Чухлову виделась еще одна немаловажная сторона дела — нравственная, что ли. Так ее, наверно, можно определить. Быстрое раскрытие преступления должно лишний раз убедить любого-всякого, что никакой кривой дорожкой от ответа перед законом злоумышленникам не уйти, что действительно сам он, Чухлов, все, кто служат под его началом, не просто штаны на стульях протирают, добродушными ушами хлопают... Честь мундира — не только красивые слова; Чухлов ревниво к этому относится, с самолюбием. На оперативном совещании, которое провел с личным составом отдела в шесть утра, свое короткое выступление он закончил так:

«Ни за себя, ни за каждого из вас в отдельности краснеть не хочу. У нас служба, известно, добровольная, не по принуждению. Но коли присягу дал — на время дежурства забудь себя, службу помни! Ведь кто мы?»

«Дворники хорошей жизни, товарищ майор!» — лихо вставил из дальнего угла младший сержант Дрыганов.

Все засмеялись, однако, деликатно, сдерживая себя, — не известно было, как начальник отнесется к легкомысленному выкрику молодого милиционера. Но Чухлов тоже засмеялся, разрешил: «Можно разоить!»

Тот час — шесть утра — по сути был началом операции... Три прошедших уже часа пока ничего обнадеживающего не принесли.

«Лишь бы не просочились за пределы района, — подумал Чухлов. — И сумели ли вскрыть сейф? Отмычек если нет, ключей не подберут — автогенном будут резать?»

По коридору — слышал Чухлов — приближались к двери шаркающие шаги Куропаткина...

Раньше Куропаткин писал жалобы на его имя. В месяц два-три заявления — на продолговатых листах пожелтевшей бумаги, от которой сильно пахло затхлостью, керосином, куриным пометом... (В сарайчике, что ли, хранит он рулон бумаги?) Острыми, напоминающими готические, буквами, соединенными в тесные, набегающие друг на дружку строчки, Куропаткин пространно и как-то по-особенному зло-радно описывал подмеченные им на улицах Доможилова, как он витиевато выражался, «вопиющие факты нарушения непреложных для каждого гражданина установленных правил». Эти «вопиющие факты» чаще всего или не подтверждались, или по своей незначительности не заслуживали той бумажной переписки, в которую въедливый пенсионер вовлекал должностных лиц. Ну, скажем, что можно было ответить на его категоричное требование «разыскать и наказать неизвестное лицо, изобразившее непристойности вульгарного свойства в старой, той, что не из кирпича, а из горбылей, уборной, что стоит на задах стадиона»?

Ради истины надо заметить, что иногда Куропаткин сообщал и о чем-то дельном, что, как выяснялось, впрямь требовало внимания и усилий работников милиции: о мелких хищениях, чьих-то пьяных выходках, махинациях в торговой сети... Нюх у него — дай боже! Но даже в том случае, когда заявления Куропаткина несли в себе полезную информацию, Чухлов угадывал, что за их строчками не тревога писавшего, не его искреннее желание помочь чему-то хорошему, а все то же, знакомое по прежним писулькам, торжествующее злорадство... Отчего?!

Однако это раньше Куропаткин посылал жалобы на имя начальника райотдела внутренних дел Чухлова. Теперь, вот уже полгода, с тех пор, как Чухлов отказался принять на работу демобилизованного из армии сына Куропаткина, пенсионер пишет заявления... на него, Чухлова. В райком партии, в комитет народного контроля, прокурору, в областные организации...

— Надеюсь, могу взойти? — одновременно со скрипом двери ржаво прозвучал голос Куропаткина.

— Прошу... садитесь.

— Сидят... хе-хе... пусть другие, кто этого заслуживает, — Куропаткин растянул в улыбке широкие бесцветные губы. — А мы с вашего позволения просто присядем на стульчик.

Чухлову казалось, что в солнечном свете, щедро заливавшем кабинет, как-то уж очень остро, коварно и холодно взблескивали круглые очки Куропаткина, его голый череп, белые и ровные, словно у молодого, искусственные зубы... Куропаткин (и это повторялось всякий раз) медленно вытащил большой носовой платок, так же медленно разложил его на коленях, затем долго вытирал им лицо, шею, опять же долго складывал платок, убирал в карман и — молчал.

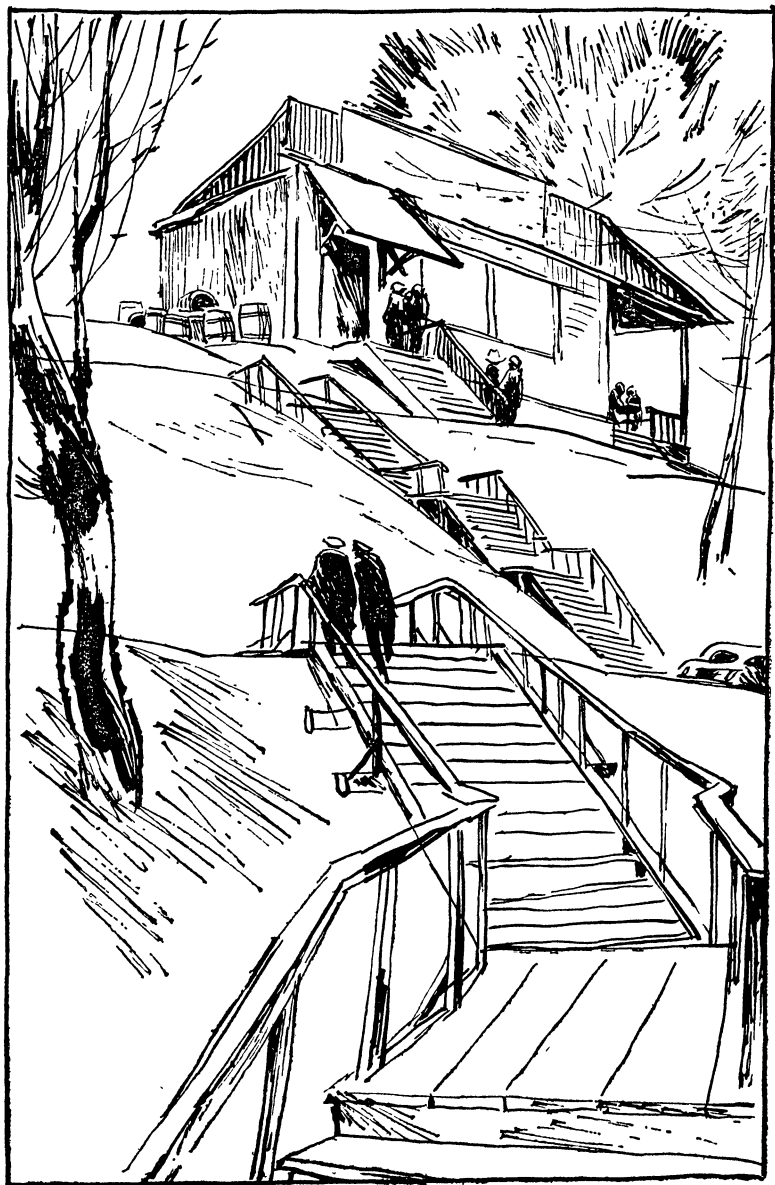
Чухлов тоже молчал.

Куропаткин снова изобразил улыбку, потер одна об другую пухленькие, чужие при его широком костлявом теле ручки, вымолвил:

— До грабежей, интересно складывается, дожили.

— Как мне было доложено, вы требовали допустить вас к начальнику отдела по чрезвычайному делу... слушаю!

— Всяческие могут быть дела, всяческие, — пробормотал Куропаткин и вдруг, уставив стекла очков на Чухлова («Как спящие фо-

нари»,— подумал тот), заговорил быстро, взхлеб, роня капельки слюны на бритый подбородок:— А разве это что — нормально?.. Допущение кражи сейфа, чтоб пятнадцать тысяч из государственного кармана в чей-то личный... Почему спокойны, товарищ Чухлов, когда вся общественность на дыбках, невероятно возмущена? Спокойствие всегда похоже на потворство... не я так расценю — другие. Другие, товарищ Чухлов! А я, как известно, готовый, не жалея сил, помочь. Согласие, согласие б лишь ваше!..

— О чем вы? — Чухлов решительно вклинился в поток несущихся ему в лицо скользких, как мелкая рыбешка, слов.— Прошу конкретно по существу вопроса...

— Фамильная мечта, товарищ Чухлов, допустимое желание жизни... Про сына напоминаю, товарищ Чухлов! Демобилизованный воин, известно вам, Ярослав Семенович Куропаткин, воспитанный мною на большие дела... и нет, не хвалю, это точно-с! Образец! Со всех сторон без подозрений... Повторяю вам, товарищ Чухлов, что за мной и за сыном, как за каменной стеной были б!

— Ну вот что, гражданин Куропаткин,— сказал Чухлов.— Этот ежемесячно возобновляемый вами спектакль мне чертовски надоел. Кроме всего прочего я ни разу не видел здесь, у себя, вашего сына. Можно подумать, не он просится на работу к нам — вы под его именем! Пусть ваш сын придет ко мне, буду с ним разговаривать, а вы сейчас потрудитесь выйти за дверь.

— Выгоняете?

— Это просьба.

— Показательно... о-очень! — Куропаткин встал, снова вытащил из кармана платок, с прежней медлительностью возился с ним, дряблые, в розовых складках щеки вытирал и неожиданно — с мстительной радостью — выкрикнул, будто протягивал (это — как тявканье — после ухода Куропаткина, застряв, останется в ушах Чухлова):

— Пускай! За нами право... докажем! А сейф-то... там ищите? Отмахнулись от меня? Зря! Преступно! Недальновидно!

И он, вскинув голову, пошел к выходу.

— Минуточку, гражданин Куропаткин! — Чухлов тоже поднялся со стула, уперся ладонями в край стола.— Должен вас предупредить... Если вам действительно,— он сделал ударение на этом слове,— известно что-либо о краже сейфа на мебельной фабрике, об участниках преступления, а вы скрываете это от органов правопорядка — вас можно рассматривать как пособника преступников. Предупреждаю!

— Откровенно... подумайте только! — Куропаткин держался за дверную ручку, глядел на Чухлова через плечо.— Пошлете моего сына на курсы милиционеров — не ошпбетесь... точно-с!

— Я вас предупредил,— стараясь выглядеть спокойным, а на самом деле взбешенный до ноющей боли в правом боку, до черных мушек в глазах, сказал Чухлов.— И торговаться, гражданин Куропаткин... не туда пришли, не пройдет номер!

«Какая сволочь, какая мразь,— кипело все в Чухлове уже после того, как Куропаткин исчез.— И я с ним словно жвачку жевал... сразу надо было вытурить! Но ведь что-то он определенно знает, разнюхал! Всем своим поведением демонстрировал, что знает... Откуда?»

Может, кем забыто — народ ведь мы отходчивый, простосердечный, не умеем танть зла на раскаявшихся, повинившихся, — но Чухлов помнит, что сразу после войны Куропаткина, тогда молодого, долго проверяли: каковы могли быть его взаимоотношения с немцами, приказом которых он был назначен мастером на восстановленную маслобюию? Прямых улик предательства, конкретных фактов его активного сотрудничества с оккупантами не установили тогда, но что лизал он немецкие задницы — это бесспорно. За то, что кормил германскую армию первосортным доможиловским маслом, отсидел Куропаткин не то два, не то три года...

Хоть не касался он руки Куропаткина, даже в начале их встречи рукопожатия быть не могло, пошел Чухлов к умывальнику, тщательно вымыл под тугой струей ладони, а затем пошире распахнул форточки каждого из трех кабинетных окон. Остановился подле одного, выходящего на проезжую улицу, рассеянно наблюдая, что там происходит... А там шли редкие прохожие, у ограды весело болтали две молодые женщины, маляра в заляпанном краской комбинезоне, пиная ногой, катил пустую бочку, она громыхала, и совсем маленький мальчик, одетый в красивую матроску, сын, скорее всего, одной из этих, что у ограды, женщин, усевшись посреди дороги, самозабвенно обсыпал себя серой пылью. Набирал ее в ручонки, разжимал пальчики над макушкой — и пыль, как легкий дождь, падала на него... Чумазое личико сияло таким счастьем, что Чухлов, расслабляясь, невольно засмеялся, сказал, будто утешая себя:

— Нет, чем плохо? На что жаловаться-то?

И впервые осторожно кольнуло в сердце, осело в нем неизъяснимой желанной болью: мне бы такого внука, веселого, чумазого, — вот бы любил его, домой спешил к нему!

VII

— Завхоз мебельной фабрики явился, Суходольский... Тут он, Григорий Силыч, в коридоре ждет.

— Зови его, Миша.

Чернушенко приоткрыл дверь:

— Пожалуйста, Суходольский!

Фигурой завхоз фабрики был под стать капитану — такой же низенький, худощавый, с широким, как и у того, разворотом плеч, сильными на вид, с юности развитыми в труде руками. Только в облике Чернушенко зримо проглядывалось этакое горделивое достоинство, старший инспектор, чувствовалось, знает себе цену, уверен в своем нынешнем положении, в своей человеческой, если хотите, значительности... Суходольский же суетлив в движениях, глазки у него под выгоревшими белесыми бровями тревожные, вопрошающие, и, возможно, это не из-за подобострастия, угодничества — из-за желания как можно быстрее, безошибочнее уловить, чего от него хотят, как лучше выполнить предстоящую работу...

Он заметно нервничал и, не дождавшись, что скажет ему Чухлов, сам заговорил:

— Извиняюсь, конечно, но за что меня-то сюда? Товарищ Чухлов? Иль подозреваете? Да как можно!.. Я к этому делу... господи, что вы?!

Чухлов попросил его успокоиться, заверил, что у них нет никаких оснований сомневаться в его добропорядочности, не вызывали (повестки-то не было) — пригласили для помощи.

— Это я готов, товарищи, это что могу — нарисую! Ах ты, господни... а я-то напереживался!

И понадобилось какое-то время, чтобы Суходольский освободился от своего прежнего напуганного состояния, взял в толк, чего от него тут хотят. Чухлов укоризненно взглянул на старшего инспектора; надо предупреждать людей, с какой целью зовут их в милицию. Чернущенко пожал плечами: кто же, мол, знал, что попадетесь такой. Глаза его смеялись.

— В каком же году, товарищ Суходольский, был заделан лаз в подвал? При вас это происходило?

— А как же! Позвольте задуматься... сейчас, сейчас... Ровно семь лет назад, об эту пору, летом. В тот год приступили к благоустройству территории, я только что из кладовщиков в завхозы был переведен. Ответственно подтверждаю!

— Хорошо. Почему же тогда было решено заделать лаз в подвал?

— Сейчас, сейчас... Ага! Туда, в подвал, весной, осенью, летом в дожди вода стекала. А это, знаете, сырость, запах, просто вонь, извиняюсь.

— Понятно. А кто были исполнители?

— Не уловил, о чем вы?

— Кто конкретно заделывал лаз? По фамилиям не назовете?

— Ага... Еще позвольте задуматься... сейчас, сейчас нарисую. Та-ак... Нет, давно было! Бессилен назвать, не ругайте. Не помню. Однако, помню, при этом случай произошел. В натуре! Рабочие, копая землю, нашли банку с царскими деньгами. Сотенными, четвертными... Все тогда сбежались, разгрядывали. Купца Гундобина, видно, денежки иль конторщика его...

— Только бумажные? А монет, золотых допустим, в банке не имелось?

— Ответственно подтверждаю: только бумажные! Сам видел, шупал, извиняюсь... Да их потом в наш музей отдали, там, вероятно, по сей день хранятся...

— А все же кто эти рабочие были — никак не припоминаете?

— Напрягаюся, товарищ Чухлов... но нет! Вышибло! Если б это вчера — семь лет назад! Не обижайтесь...

— Скажите, а после... или вот совсем на днях... никто не интересовался месторасположением лаза, не спрашивал у вас о нем? Так, между делом, возможно...

— Нет...

— Что ж, спасибо, товарищ Суходольский, за разъяснения. Надеюсь, вы не будете...

— Что вы, что вы! Ни-ко-му! Как можно!

Он не вышел из кабинета — вылетел.

— Конечно, — говорил Чухлов капитану, — эта ниточка... как бы ее поименовать?.. условна очень! Про наличие лаза десятки людей осведомлены были, кроме тех, кто закапывал его... Однако не мешает дотянуть ниточку до конца. У нас кто краеведческим музеем владеет? Старик Шевардин? Пошли кого-нибудь к нему, пусть по-

смотрят те гундобинские деньги, поговорят... А что если старик не забыл, кто тогда банку выкопал?

- Будет сделано, Григорий Силыч. Хотя...
- Сам вижу это «хотя»! А проверить обязаны.
- Десятый час, Григорий Силыч.
- Не напоминай, Миша, вижу! Как твои «моряки»?
- Из семи четверо осталось. Трое с надежными алиби.
- Действуй дальше.
- Есть, Григорий Силыч!

Не успела за Чернушенко дверь закрыться — младший сержант Дрыганов возник в ней:

- Разрешите, товарищ майор?
- Входи!
- Разрешите обратиться по личному вопросу, товарищ майор!
- По личному... выбрал времечко! Ладно, садись, выкладывай.
- А мне, собственно, нечего... Вот мое заявление, товарищ

майор.

- Сейчас прочитаем... Садись, садись!

Аркаша Дрыганов примостился на краешке стула, и чем дольше начальник смотрел на поданный им листок бумаги, тем гуще краска заливала прыщеватое лицо младшего сержанта. Беззащитность, отчаянная решимость, надежда, что будет понят,— все было в этот миг в его глазах.

— Значит, прошу... или как тут?.. убедительно прошу направить на учебу в Московскую специальную среднюю школу милиции?

- Так точно, товарищ майор.
- Мы ж говорили с тобой на эту тему...
- Я помню, товарищ майор.

— Говорили, что направление заслужить надо. Примерной службой... и так далее.

- Стараюсь.
- А не всегда у тебя нормально получается, так?

Аркаша пожал плечами.

- Не всегда, товарищ младший сержант... правильно?

Аркаша молчал.

— Конечно, я вижу — стараешься. Но срывы! А как это ты однажды сказанул... вот оттого, что я напоминаю вам, требую, поучаю... нудный я! Говорил такое, что я нудный?

— Так точно, говорил. Но не совсем так. Не «нудный» говорил, а что нудно объясняете. Можно короче.

И теперь, кажется, в сужившихся глазах Аркаши блеснул вызов.

— И на том спасибо,— усмехнувшись, сказал Чухлов.— За откровенность. А теперь напомню, товарищ младший сержант, что речь у нас когда-то шла о направлении на учебу в Ленинград. Не в Москву. Есть разрядка на Ленинград.

- В Ленинград не хочу, товарищ майор. В Москву.

Оба молчали.

Где-то неподалеку — доносилось сюда — пилили тяжелое дерево, дубовое бревно, возможно. Пила ходила в нем с натугой, рождая визгливые и сердитые вибрирующие звуки.

«Ах, как ему наша Таська,— думал Чухлов.— Только в Москву, где она учится,— и никаких. А в Москву не могу: предупредили ж,

что в этом году от нас лишь в Питер. Да и Таська... у нее, куда уж тут, свое, другое, иная жизнь, она совсем теперь отдалилась от нашего доможиловского житья-бытья, от своего детства. Полтора года еще — инженер-электроник, кибернетик, где-нибудь там, возле циклотронов, синхрофазотронов будет. Жалко Аркадия, спору нет, парень он честный, душевный, с ясной головой и приработается — не из последних будет. Не только в районном отделе — и повыше... Это факт. А насчет Таськи... давал же я ему понять насчет Таськи! Однако, поди ж ты, уверенный. Какой день уже ждет, все глаза проглядел... А сегодня-завтра привезет она кого-то... как тогда?»

Младший сержант нетерпеливо скрипнул стулом. Чухлов, очнувшись от дум, проговорил со вздохом:

— Заявление твое принял. Однако сейчас, сам знаешь, не до этого.

— Разрешите идти?

— Ты вот что, Дрыганов... Ступай домой, переоденься в штатское — и на Доможиловское озеро! Потолкайся там среди отпускников и прочих загорающих-купающихся, послушай, поговори, посмотри... Ясно?

— Слушаюсь.

— В четырнадцать ноль-ноль снова быть в отделе одетым по форме.

— Есть!

— Поклон от меня Софье Брониславовне..

— Спасибо, передам матери...

Аркаша Дрыганов четко, даже с тщанием повернулся «кру-у-гом», пошел к двери. Чухлов уже в спину сказал ему:

— Послушай, Аркадий...

— Да? — младший сержант настороженно застыл на месте.

— Послушай... моя Таня тебе писала что-нибудь? Письма... ну как меж товарищами бывает?

— А зачем вам? — И снова щеки Аркаши багрово вспыхнули.

— Я просто, Аркадий... не подумай что-то там!.. Ну ладно — иди, иди! Это я так... извини, если я вроде б как превысил...

— Раньше писала, — тихо сказал Аркаша и поспешно вышел.

«То-то и оно — раньше!»

По-прежнему долетал в кабинет противный скрежет пилы, вгрызающейся в неподатливое дерево. «Обещал я мастера Варваре, — вспомнил Чухлов. — Да пусть сама оформит заявку в комбинате бытового обслуживания. Должны ж быть там умельцы...»

Его не очень-то зацепило, что Варвара, упрекая за бездействие — когда ж, мол, ремонт начнем, — бросила с досадой: «Денег тебе жалко...» Это она, чтобы поддеть побольнее, ползадорить, с места сдвинуть! Ей ли не известно, что в чем-чем, а в скудости, скарденности его не уличишь... Лишних рублей в доме у них не бывало, но на те деньги, что имеют они в руках, он всегда смотрит легко и просто: сегодня есть — и завтра будет! Не лежебоки же, работаем. Лишь рассчитывай, Варвара, чтоб до следующей получишь хватилу, чтоб по соседям не ходить, в долг не брать. В долг, известно, взять не грудно, отдавать тяжело. И по-всякому может быть... Он, помнится, в пехотном училище, соблазнившись увиденным на базарной барачке фотоаппаратом, набрал у ребят, таких же безденежных кур-

саптов, как сам, полтинников да целковых, купил эту дурацкую камеру на треноге — и по сей день памятен ему те монеты! Не успев сделать ни одного снимка, беспрезорно оставив громоздкий аппарат в училищной казарме, он, выпущенный досрочно, неожиданно, с маршевой ротой отбыл на фронт, а в записной книжке у него началось: «Тихонов — 2 р., Клыч — 2 р. 25 коп., Витька — 1 р., старшина — 50 коп.» — и т. д. Военным вихрем разметало младших лейтенантов, как странички той самой его новенькой записной книжки, — и рад был бы отдать юношеский должок, только не докличешься никого... И не тот должок уже... Долг. Он вернулся оттуда, а они — нет.

Он — в майорах, а они — в героях.

Тех, что смертью храбрых.

И чем дальше время уходит, тем ближе все они ему. Это уже возрастная потребность — назад оглядываться. А они — за спиной. В лихо сбитых набекрень пилотках, локоть к локтю в тугом строю, в котором он, курсант Чухлов, ходил запевалой.

И разношенные сапоги по булыжной мостовой — бух, бух, бух! В такт ухающим ударам большого оркестрового барабана...

Так было?

Кто же спорит...

Ну, а это — ремонт угловой комнаты, — это, Варвара, мелочь! Что нам стоит дом постронть!

А почему тянул-дотянул — тоже причина есть. Обклеить стены обоями, побелить потолок, полы покрасить — все хотел он сделать своими руками. Надеялся, выкроит время на это, в субботу, воскресенье... Так хочется самому, собственными руками! Чтoб гвозди забивать молотком, кистью по доскам водить, шпаклевать, тесать, землю, наконец, рыхлить! Еще что-нибудь такое... Прямо ладони зудят, требуют. Желание, равносильно другому его душевному позыву: чтобы отрешиться на время от будничных забот, пойти — свободно, не обремененному ничем — цветущими лугами, оврагами, краем курчавых дубрав, по рыжым, выжженным солнцем взгоркам... Куда? А все равно куда!

Разумеется, блажь.

Но призадуматься если: это, наверно, в нем крестьянская, вековой закваски кровь бушует, зовет к тому, что было у предков его...

А, майор?

...Снова скрип двери, она распахивается резко, по-хозяйски: это старший лейтенант Сердюк входит. Он только с улицы, с жары — шумно отдувается, красное лицо потно, форменная рубашка под мышками в мокрых разводах. А к толстой губе — без этого он не может — прилипла дымящаяся сигарета.

— Пивка б из холодильника! — говорит он.

— Нам, Павел, пиво еще заслужить нужно.

Сердюк сидит, отдыхает; сняв фуражку, обмахивает ею лицо... Сменил размокшую сигарету на новую, щелкнул зажигалкой и, сладко затягиваясь дымом, произнес с улыбкой:

— А что — наш Чапай все думает? И что дельного надумал Чапай?

— Это ты, Павел, про меня? Заглазно зовут так, Чапаем-то?

— Н-нет, пожалуй. Сегодня кто-то обронил...

— Ясно. Однако я просил бы своего заместителя не следовать дурным примерам подчиненных и называть меня, как положено. Если не по имени — по званию, должности...

— Григорий Силыч, да что ты в самом деле?!

— Только так, Павел. Ты еще не в областном управлении, чтоб меня по плечу похлопывать... здесь пока ты.

— Ну не знал!..

Сердюк развел руками, отошел к окну, стоял там, посапывая, обволакиваясь сизым дымком, смотрел на улицу. Его опущенные плечи, сутуленная спина выражали обиду. Не оборачиваясь, он глухо, нехотя — только, дескать, необходимость заставляет! — заговорил:

— Лодочников проверили. Три посуды всего ночью, после двенадцати, на плаву были. Старик Крысин удил рыбу, еще Федор Сыромятников с Озерной улицы... они видели друг дружку, сблизались на лодках: перекурить, улов посмотреть. Потом еще мальчишка Умновых, тех самых, что на молокозаводе работают, свою девчонку до вторых петухов катал по озеру. Он, я разговаривал с ним, ничего не приметил. Тоже одних этих удильщиков, Крысина и Сыромятникова, видал.

— Бледно.

— Федор Сыромятников лишь сказал, что, когда свою лодку брал и когда на место ставил, не было лодки Петра Мятлова. У них лодочные цепи на одном столбе... И вот посуды Мятлова не было. А сейчас на приколе.

— Осмотрели?

— Мокрая, чистая... ничего существенного.

— Угу... Да ты что, Павел, спиной ко мне? Давай ближе, итог подведем... Твое мнение?

Сердюк с прежним обиженным видом переместился от окна к столу, сказал:

— С Мятловым — зацепка слабая. Шалопай он, однако, из безобидных, по-моему. Голубей гоняет, заядлый голубятник, рыбу тоже ловит...

— В эту субботу свадьба у него, — продолжил Чухлов. — Зину, разносчицу телеграмм на почте, в жены берет. Вернее, кто кого берет — это еще вопрос. Зинанда — девка аховая. А он, Петька, где работает сейчас?

— В леспромхоз устроился. Кем придется. Бери больше — тащи дальше. Может, побеседовать с ним — где на своей лодке был, что видел?

— Он, Павел, скорее всего, за камышами где-нибудь сидел, подалше от других глаз. Разве к свадебному столу удочками наловишь? Промышлял Петька, факт! Браконьерил... Однако расспросить не мешает. И не густо у нас, Павел! Можно считать, совсем пока ничего не имеем...

Сердюк, кивнув, пошел к себе в кабинет.

(Окончание следует).

Рис. Е. ШУКАЕВА.

**по протесту
прокурора**

ИНФОРМАЦИЯ...
ИНФОРМАЦИЯ...
ИНФОРМАЦИЯ...
ИНФОРМАЦИЯ...

Собрание членов колхоза имени Калинина Лудзенского района (Латвийская ССР) утвердило отчеты правления и ревизионной комиссии колхоза об их деятельности.

Прокурор района опротестовал это решение по тем мотивам, что на общем собрании присутствовало только 35 процентов членов колхоза, тогда как согласно статье 47 Примерного Устава колхоза, принятого Третьим Всесоюзным съездом колхозников и утвержденном постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 ноября 1969 года (СП СССР, 1969 год, № 26, статья 150), общее собрание правомочно решать вопросы, если на собрании присутствует 2/3 всех членов колхоза.

В связи с протестом прокурора незаконное решение отменено.

Управляющий трестом «Стройиндустрия» Министерства строительства Эстонской ССР издал приказ, предусматривающий доплату рабочим за совмещение профессий до пятидесяти процентов тарифной ставки по совмещаемой профессии.

Заместитель прокурора республики опротестовал этот приказ как незаконный. Согласно разъяснению Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и секретариата ВЦСПС от 11 января 1966 года № 1/1 «О порядке оплаты труда рабочих при совмещении профессий на предприятиях промышленности, транспорта, связи, строительства и государственных предприятиях сельского хозяйства», утвержденному постановлением Госкомтруда СССР и секретариата ВЦСПС от 11 января 1966 года 16/1 (Бюллетень Госкомтруда СССР, № 3, с. 7 М-1966), доплата рабочим (работникам связи массовых профессий) при совмещении профессий производится дифференцированно в зависимости от сложности, характера и объема выполняемой работы по другой профессии в размере до тридцати процентов тарифной ставки (оклада) заменяемого рабочего (работника связи массовых профессий). Доплата производится в тех случаях, когда в результате совмещения профессий происходит сокращение численности рабочих по сравнению с численностью, полагающейся по нормативам или нормам обслуживания, утвержденным вышестоящей организацией, а при отсутствии таких норм — по нормативам или нормам обслуживания, установленным руководителем предприятия.

В разъяснении также содержатся указания на порядок установления доплаты за совмещение профессий, начисления премий и т. д. на государственных предприятиях сельского хозяйства.

По изложенным основаниям незаконный приказ отменен.

сгегы
В
гбггу

Мы публикуем очерки по истории криминалистики журналиста и писателя Ю. Торвальда — автора, уже знакомого читателю по первой книге, отрывки из которой печатались в первом — третьем номерах нашего журнала за 1972 год. Публикуя главы, взятые в основном из недавно вышедшей в Швейцарии второй книги писателя, мы должны отметить, что со многим в этой новой работе писателя нельзя согласиться. Не говоря уже о том, что в книге, наполненной интересным фактическим материалом о способах и методах раскрытия преступлений, нет даже малейшей попытки социального анализа рассматриваемых событий. Тем не менее страницы, показывающие историю успешного применения достижений науки и техники для раскрытия сложных преступлений, представляют интерес не только для специалистов, но и для широкого читателя.

1886 год стал годом их литературного рождения, и в декабре 1887 года они впервые предстали сначала перед небольшим кругом читателей одного лондонского журнала — Шерлок Холмс, наверняка самый знаменитый образ детектива, созданный когда-либо писателем, и доктор Уотсон, верный сподвижник Холмса и летописец его дел, мыслей и методов.

Тот факт, что Шерлок Холмс увидел свет в том же году, в котором в Париже Альфонсу Бертильону, основателю научной криминалистики, удалось преодолеть решающие трудности на пути к успеху, может на первый взгляд показаться случайностью. Артур Конан Дойль, двадцатисемилетний врач, который, работая в Саутси, время напрасного ожидания пациентов использовал для того, чтобы писать различные рассказы, и при этом в конце концов придумал своего героя Шерлока Холмса, ничего не знал о Бертильоне и не мог похвастаться своими связями со Скотланд-Ярдом. Напротив, Шерлок Холмс не был сотрудником Скотланд-Ярда. По воле его создателя он был «частным сыщиком», открыто подчеркивавшим свое неуважение к криминалистам из полиции.

И все-таки появление Бертильона, положившего начало развитию криминалистики, произошло из того же корня, что и литературная карьера Шерлока Холмса. Речь идет о царившей в те времена глубокой вере в разрешимость всех проблем жизни с помощью точного мышления, точных научных выводов и естественнонаучных познаний. Эту веру Бертильон впитал в себя в доме родителей, которых часто посещали ученые-естествоиспытатели; она жила в нем еще до того, как в 1879 году он занял пост писаря полицейской префектуры Парижа и в том же году внес свои первые предложения по усовершенствованию идентификации преступников с помощью антропометрических измерений. Такой же верой проникся Артур Конан Дойль во время изучения медицины в Эдинбурге, к которому он приступил в 1876 году. Подобно Бертильону, ставшему благодаря антропометрии пионером криминалистической идентификации, герой Артура Конан Дойля — Шерлок Холмс — сыграл роль литературного глашатая совсем нового раздела криминалистики, который, как и система Бертильона, дактилоскопия, судебная медицина, наука о следах яда, огнестрельного оружия и крови, превратилась в одну из основных и по своему значению неоспоримую опору всей кримина-

листической работы. Литературный герой стал предвестником криминалистической науки о следах, которая вышла за рамки перечисленных специальных разделов и нашла значительно большее пространство, чем они. Она тесно была связана с химией, биологией, физикой и техникой. Она означала изучение следов с помощью всех химических, биологических, физических и технических средств, которые были порождены развитием естественных наук и техники на рубеже столетий.

Может показаться весьма символическим, что в 1893 году, то есть точно в то время, когда по воле Конан Дойля надоевший ему герой в «Мемуарах Шерлока Холмса» погибает, в Германии появляется далекая от литературной фантастики книга, сделавшая идеи и методы раннего Шерлока Холмса реальной действительностью. Это был юридический криминалистический, почти научный труд с малопривлекательным названием «Настольная книга следователя». Автор ее Ганс Гросс, работавший следователем в Граце (Австро-Венгрия), был практиком, который искал новые пути криминалистического расследования и при этом не стоял в стороне от науки, в частности от естественных наук. Не известно, слышал ли он о Конан Дойле и Шерлоке Холмсе. Едва ли. Скорее всего абсолютно самостоятельно и в совершенно иной форме он пришел к тем же или подобным идеям. Открываешь книгу Гросса и находишь там помимо подчеркнутой солидарности автора с антропометрическим методом Бертильона, помимо суждений о судебной медицине, методах исследования яда, огнестрельного оружия и крови также ряд положений, которые ранее не встречались ни в одной специальной книге подобного рода. Можно было прочитать название глав: «Привлечение специалиста по микроскопическому исследованию», «Привлечение химика», «Привлечение физика», «Привлечение специалистов по минералогии, зоологии и ботанике». А подзаголовки указывают на то, в каких случаях и для чего Гросс считал необходимым привлечение этих специалистов: при исследовании волос; пыли; грязи на обуви; пятен на одежде. Свою главу о привлечении специалиста по микроскопическим исследованиям Гросс начинает словами: «Как ни совершенна сегодня конструкция микроскопа, как ни велики успехи науки, достигнутые с помощью этого удивительного прибора, искусство специалиста по микроскопическим исследованиям очень редко используется следователем (Гросс имеет в виду криминалистов). Исследование крови, установление наличия пятен спермы и сравнение волос — это почти все проблемы, разрешение которых сегодня поручается специалистам по микроскопическому исследованию. Другие задачи решаются ими в исключительных случаях, несмотря на то, что имеется множество дел, в которых микроскопические исследования могли бы дать следователю важнейшие улики и, может быть, внести ясность в расследование некоторых нераскрытых преступлений». И Гросс считает, что это можно сказать и о химии, физике, биологии и технике. Каждая глава его книги призвала криминалистику полнее, чем это имело место до сих пор, использовать возможности естествознания и техники. Там можно было прочитать: «В общем о химии тоже можно сказать, что следователь слишком редко использует его помощь и что расследование многих дел, которые остались нераскрытыми, могло бы закончиться успешнее, если

бы воспользовались консультацией химика». Или: «Можно утверждать, что ботаник способен оказать помощь как раз в самых трудных, самых важных и самых интересных вопросах». Или: «Грязь, прилипшая к обуви, и прочие следы загрязнения могут подчас рассказать о местонахождении хозяина этих вещей в последнее время больше, чем можно установить путем длительного расследования».

Когда в 1893 году вышло в свет первое издание книги Гросса, он не смел даже надеяться, что когда-нибудь эта книга будет переиздана. Но он ошибся. Не прошло и года, как вышло ее второе издание. Спустя четыре года — третье и еще через шесть лет — четвертое. Это необычно малые сроки для переиздания литературы подобного рода. Может быть, это свидетельствовало о том, что настало время для осуществления описанных Артуром Конан Дойлем научно-фантастических видений и трезвых требований Ганса Гросса?

Так оно, по-видимому, и было. Первый более значительный ответ на этот вопрос мы получили, когда в 1907—1908 годах вышло пятое издание «Настольной книги следователя». Ответ пришел из отдаленного местечка юго-западной части Германии, где недалеко от Кайзерслаутерна по полям, холмам и лесам разбросаны тихие деревушки и, собственно говоря, не было ничего, что могло, казалось бы, послужить кулисами трагедии. И все же преступление, совершенное в день церковного праздника «вознесение господне» в 1908 году на покрытом лесом холме под деревней Фалькенштейн, стало своего рода «преступлением века». Стало не из-за каких-нибудь особых обстоятельств, не из-за необычности преступления или высокого положения жертвы или убийцы, а исключительно из-за того, что немного земли, прилипшей к обуви, разоблачило преступника.

На фотокарточке, изготовленной кайзерслаутернским фотографом Фридрихом Гартманном в 1908 году, изображена некая Маргарита Филберт из Эшау. Несмотря на все «искусство» ретуши, на нас смотрит малопривлекательное, плоскогрудое существо лет тридцати, которому придают человеческий вид лишь пышная темная юбка, блуза с рюшами да шляпа колоссальных размеров. Не имея ни родных, ни мужа, не имея также перспектив на замужество, она стала экономкой безциркумайлера Зеебергера в местечке Роккенхаузен и находила утешение в приобретении нарядов, которые вызывали со стороны сельских простаков уважение к ней, как к важной даме.

В тот праздничный четверг 28 мая 1908 года Маргарита Филберт после обеда поехала на поезде в близлежащий городок Винвейлер, чтобы на обратном пути домой прогуляться пешком. Дорога вела через долину Фалькенштейнер Таль к деревне и развалинам старого замка Фалькенштейн, а затем по полю и лесу в Роккенхаузен. Однако хозяин, у которого она работала, напрасно ждал возвращения Маргариты Филберт. Когда 29 мая вечером ее все еще не было, он отправился за помощью в бригаду королевской баварской жандармерии, которая располагалась в Роккенхаузене, и на следующее утро в 8 часов жандармы Отт и Калл приступили к поискам. В Фалькенштейне они нашли двух свидетелей, которые утверждали, что

видели экономку. В верхней части деревни ее заметил крестьянин Филипп Шлихтер. Он вспомнил, что около пятнадцати часов повстречал «худощавую женщину», которая спрашивала, как пройти в Роккенхаузен. Дочь Шлихтера, Анна, около 15.30 тоже видела, как на поляне за деревней, которая расположена вблизи дороги на Роккенхаузен, какая-то незнакомая женщина собирала цветы и при этом закрывалась зонтиком от солнца. Следовательно, Маргарита Филберт исчезла по пути из Фалькенштейна в Роккенхаузен. Отт и Калл обыскали каждую тропинку в этом направлении. Все напрасно. Затем они организовали в Роккенхаузене поиски, в которых приняли участие все служащие жандармерии и многие жители. Они прочесали все леса, и после пятнадцати часов один мальчик сообщил, что нашли труп исчезнувшей женщины. Отт и Калл тотчас побежали в государственный участок леса Шельменкопф, где была обнаружена мертвая. Окруженная толпой любопытных, она лежала с задранными юбками, а обнаженная часть ее тела была прикрыта сухими листьями и травой.

Курьер, посланный жандармами, сообщил о преступлении шефу жандармерии вахмистру Мюльбауеру и в местный суд Виннвейлера. Оттуда о случившемся передали прокурору Зону в Кайзерслаутерн, и в девятнадцать часов прокурор Зон, судья Хофбауер и врач собрались в Шельменкопфе, чтобы обследовать место обнаружения трупа. Незадолго до этого Зон прочитал «Настольную книгу следователя» Гросса и кроме врача пригласил также лесника Гуммеля как эксперта по лесу. Вместе с вахмистром Мюльбауером они отправились в лес Шельменкопф. По дороге Мюльбауер рассказал, что он приподнял задранные юбки пострадавшей и увидел, что труп без головы. Голову, которая, видимо, была отделена от тела ножом, найти не удалось.

В двадцать часов комиссия добралась до места происшествия. Погибшая лежала на склоне небольшого холма, приблизительно в сорока восьми метрах ниже лесной дороги, по которой она, видимо, шла, вблизи покинутого маленького охотничьего домика. Она лежала на спине, правая нога вытянута, левая согнута. На ногах были черные короткие чулки и туфли. Ни верхняя, ни нижняя юбки не были повреждены. Светло-коричневая верхняя юбка и красно-коричневая нижняя были задраны выше плеч. Блузка в белую и синюю полоску вся была пропитана кровью из-за ужасной раны на шее. В остальном на теле не было никаких повреждений или загрязнений. Кожаная перчатка на правой руке была надета нормально, в то время как левая оказалась разорванной, как будто убийца искал кольца. Не было ни сумки, ни шляпы, ни жакета, ни зонта, и Зон ломал себе голову, идет ли здесь речь об убийстве с целью ограбления или об убийстве на сексуальной почве. Из показаний бецирксбаума мастера Зеебергера явствовало, что Маргарита Филберт никогда не носила с собой больше одной-двух марок. Может быть, одежда пострадавшей ввела убийцу в заблуждение и он предполагал найти у нее большую сумму денег?

Тем временем быстро стемнело, и Зон прервал осмотр места преступления, приказав накрыть труп двумя попонами. В воскресенье 31 мая, в шесть часов утра комиссия снова собралась, усиленная на этот раз «фотографом-художником» Генрихом Бортцелем. За от-

существом специального полицейского фотографа ему пришлось сделать несколько снимков, пока Зон, Хофбауер, Гуммель и врач еще, раз тщательно осматривали место преступления и труп. При этом на пальцах, с которых сняли перчатку, обнаружили волосы различного цвета. Их собрали, завернув в лист бумаги. Встав на колени, они рассмотрели землю вокруг трупа, ибо Зон подозревал, будто одежда Маргариты Филберт оказалась задранной вверх в результате того, что убийца притащил ее сюда за ноги с того места, где на самом деле было совершено преступление. Лесник Гуммель не обнаружил следов волочения, но на одежде Маргариты Филберт он нашел листья боярышника и один листочек черники. В нескольких метрах от этого места росли кусты боярышника, но... другого вида. Гуммель, хорошо знавший свой лес, сказал, что такой вид боярышника и черника растут выше, метрах в сорока пяти, в непосредственной близости от дороги. Зон послал туда двух жандармов, чтобы они поискали следы крови и голову. Затем он приказал погрузить труп на телегу и отвезти в общинное управление Фалькенштейна. Туда тем временем прибыл судебный медик королевского суда земли доктор Цан. Он произвел вскрытие трупа. Ему помогал Мюллер из Бадена. В результате пришли к выводу, что убийца сначала задушил свою жертву, а затем уже обезглавил. Так как Цан не мог установить, было ли совершено при этом изнасилование, то он приказал Хофбауеру поручить проверить это медицинскому комитету вюрцбургского университета, в котором в то время еще не существовало института судебной медицины. Всю одежду Маргариты Филберт уложили в старый ящик и отправили на телеге главы общинного управления в здание суда Виннвейлера. Что касается жандармов, то они действительно обнаружили наверху у дороги следы крови на земле и кусты боярышника и черники. Но все попытки найти исчезнувшую голову и вещи пострадавшей ни к чему не привели.

Перед тем как покинуть Фалькенштейн, Зон и Хофбауер вызвали к себе вице-вахмистра Шмидта из Виннвейлера и поручили ему проверить всех, кто имел судимости, и «прочих подозрительных лиц». Шмидт знал «своих» людей и побывал у многих, судившихся когда-либо за преступления против морали. Но у всех оказалось надежное алиби. Тогда вице-вахмистр отправился к бургомистру Фалькенштейна Петеру Фишеру, чтобы навести справки о том, кого еще можно подозревать в преступлении. Фишер сразу назвал имя Андреаса Шлихера. Несколько простоватое обоснование гласило: «Потому что он однажды был под следствием за браконьерство и потому что у него плохая слава».

Андреас Шлихер был знаком вице-вахмистру, потому что уже много лет его подозревали в браконьерстве, но ни разу не могли уличить. Шлихеру было «сорок лет, он был протестантом, женатым человеком, отцом пятерых детей». Так докладывал Шмидт. Он обладал небольшим хозяйством с несколькими разбросанными в разных концах участками обрабатываемой земли, но основной доход получал, работая разнорабочим в мастерской у медника. У него было много долгов, он слыл грубым, вспыльчивым и склонным к насилию человеком. Но имелись и другие подобные ему, и Шмидту только в одном Фалькенштейне была известна добрая дюжина

склонных к насилию натур, и тоже подозреваемых в браконьерстве. Однако бургомистр обратил внимание Шмидта на то, что одна из пашен Шлихера расположена у самой дороги, по которой, очевидно, шла Маргарита Филберт. Тогда, недолго думая, вице-вахмистр отправился вместе с бургомистром к хутору Шлихера. Они застали Шлихера в рабочей одежде в хлеву за кухней, в то время как жена и дети ели, сидя за столом в комнате, расположенной у входа в дом. Шлихер, коренастый мужчина с черными, коротко постриженными волосами, темными усами и с желтыми, редко посаженными зубами, возмутился, что ему мешают работать. Но в конце концов охотно рассказал, как он провел день праздника «вознесения». В тринадцать часов он надел свой воскресный костюм и воскресные туфли и отправился посмотреть на свои пашни на склоне горы Херцберг в районах Драйморген, Шиндерборн, Херценталь и Хинтерм Хан. Осмотрел все свои поля одно за другим и в пятнадцать или пятнадцать тридцать был уже дома. Он утверждал, что соседка Филиппина Флур видела его возвращение. Больше из дому не выходил. Что же касается Маргариты Филберт, то ее никогда не встречал. Об убийстве он услышал лишь в пятницу, 29 мая. Шмидт спросил его, не ходил ли он в день «вознесения» также на свое поле у леса Шельменкопф. Но Шлихер категорически заявил: «Нет». Его жена Каролина в ответ на все вопросы Шмидта только пожимала плечами.

Шмидт заставил Шлихера показать руки. Не обнаружив на них никаких повреждений, поинтересовался одеждой. В конце концов Шмидт отправил в суд Виннвейлера протокол, который гласил: «На одежде Шлихера не обнаружено ни малейшего следа крови. У Шлихера имеются два ножа, на которых также нет никаких следов крови...»

Вечером Шмидт посетил соседку Шлихера Филиппину Флур. Ему бросилось в глаза, что прежде чем ответить на его вопросы, молодая женщина постаралась убедиться, не следят ли за ней Шлихеры. Затем подтвердила, что во второй половине дня видела стоящего у входа в дом Шлихера. На нем был его серый воскресный костюм. Она не заметила ничего подозрительного. Ее поведение так и осталось до конца беседы странным, будто она чего-то боялась, но алиби есть алиби. В плохом настроении Шмидт отправился к трактиру «Цум Вильден Егер» в Фалькенштейне. Он хотел расспросить хозяина трактира Генриха Фишера, не заметил ли тот чего-нибудь подозрительного. Фишер подождал, пока несколько посетителей покинут трактир, и тогда сказал жандарму, что он тоже считает Андреаса Шлихера убийцей. Несколько часов тому назад посетитель трактира Герман Клайн как раз рассказывал, что Шлихер пытался подбить его на совместное ограбление одного старика. Затем Фишер назвал Шмидту имя своего однофамильца крестьянина Мартина Фишера, который может якобы доказать, что Андреас Шлихер лжет, утверждая, будто он всю вторую половину дня «вознесения» не выходил из дома. Скорей всего он вернулся из леса часов в двадцать или двадцать два и незаметно пробрался в деревню. Но, может быть, Мартин Фишер ему ничего и не скажет, потому что все в деревне боятся и, пока Шлихер на свободе, будут держать язык за зубами. Впервые кто-то открыто сказал о страхе, который испы-

тывают жители Фалькенштейна. Но с этим Шмидт сталкивался на каждом шагу. Когда он пытался найти Мартина Фишера, тот скрылся от него, покинув дом через двор.

Тем временем Отт и Калл продолжали поиски на склонах Шельменкопфа. Им помогала легавая собака. Они спускали воду в прудах и рыли во многих местах ямы в поисках головы. Но единственной находкой, которую они сделали вечером 1 июня, был маленький кусочек кожи с несколькими волосками на нем. Может быть, он с головы пострадавшей? Отт лично доставил находку в Виннвейлер. 2 июня Шмидту удалось найти единственную свидетельницу, которая согласилась дать показания. Это была фрау Цабаров, которая 28 мая собирала в Гарайсвальдхен мох. Около семнадцати часов фрау Цабаров слышала громкие крики с той стороны, где находится пашня Шлихера,— у дороги, ведущей в Роккенхаузен. Это было все, чего смог добиться Шмидт. Сколько он ни старался, везде наталкивался на стену страха.

В это время прокурор Зон пытался найти в Кайзерслаутерне химика или специалиста по микроскопическим исследованиям, который мог бы дать свое заключение относительно волос в руке пострадавшей и кусочка кожи, обнаруженного жандармами. Судебный врач отказался это сделать. А врачи в Вюрцбурге лишь сообщили, что не обнаружили ничего, свидетельствующего об изнасиловании Маргариты Филберт.

В полдень 3 июня Зон просматривал «Настольную книгу следователя», как вдруг из нее выпала газетная вырезка, которую он, должно быть, положил в книгу несколько лет тому назад. Это была статья, в которой сообщалось, что франкфуртский химик доктор Георг Попп не известным доселе способом раскрыл много уголовных дел. Он фотографировал отпечатки пальцев преступников, которые оставались на одежде жертвы. Больше того: в деле об убийстве на сексуальной почве под Мосбахом, где в октябре 1905 года шестнадцатилетний сын арендатора Якоб Бинкеле убил служанку, Поппу удалось благодаря исследованию грязи на носовом платке побудить молодого Бинкеле к признанию.

В тот же день Зон телеграфировал во Франкфурт и получил ответ, что Георг Попп «действительно существует и готов дать экспертное заключение». Тогда прокурор приказал запаковать не только волосы и кусочек кожи, но и одежду Маргариты Филберт и послать все это во Франкфурт. Он просил Поппа изучить все предметы с помощью микроскопа и сообщить ему, нет ли на одежде «кровавых отпечатков пальцев», которые можно было бы сравнить с отпечатками пальцев предполагаемого преступника. Он закончил трогательно звучащей для нас сейчас просьбой: «Заодно прошу также сообщить мне, как наилучшим образом можно взять отпечатки пальцев у таких людей».

4 июня 1908 года, когда посылка Зона прибыла во Франкфурт, Георгу Поппу было сорок семь лет. Он слыл «душой» «Химико-технического и гигиенического института докторов Поппа и Беккера», который занимался различными проблемами; в его названии значилось: «Самостоятельная общественно-химическая лаборатория и ла-

боратория по исследованию пищевых продуктов; концессионированные государством эксперты предприятий, вырабатывающих минеральную воду, сельскохозяйственная опытная и контрольная станция; институт промышленной бактериологии и исследовательская опытная лаборатория пожарно-технических средств, а также отдел криминалистического расследования, графологии и микроскопии».

Сын франкфуртского закройщика, разбогатевшего благодаря основанию предприятия готового платья, Попп имел возможность изучать химию в Марбурге, Лейпциге и Гейдельберге у таких ученых мужей, как Бунзен и Гредуэлл. В 1889 году он основал собственную лабораторию, а затем и предприятие с двадцатью-тридцатью служащими. А женитьба на Дженни Цинн, дочери нью-йоркского фабриканта, дала ему средства для разных экспериментов. Они не всегда кончались успехом. Но поражения не лишили Поппа мужества и стремления к познанию нового и необычного, что в 1900 году толкнуло его на путь, которым шли Пауль Езерих в Берлине и Ганс Гросс в Граце. Обращения одного франкфуртского следователя, читавшего книгу Ганса Гросса, с вопросом, не сможет ли Попп исследовать пятна на брюках подозреваемого, было достаточно, чтобы пробудить в нем истинную страсть к криминалистике. Он начал с исследований крови и ядов; когда в начале нового века пришли первые вести о введении дактилоскопии, он с головой окупился в ее изучение. К тому времени, когда немецкая полиция была занята внедрением антропометрических измерений в качестве основы для картотеки преступников, Попп понял, что бертильонаж уже принадлежит истории, что перспективна только дактилоскопия. Одновременно он занялся и фотографией. Он стал прилежным учеником, изучившим все методы фотографирования, которые пропагандировали Бертильон и его последователь Райсс в Лозанне. В 1904 году благодаря запечатленным на фотографии отпечаткам пальцев ему удалось уличить трех убийц. Первые два, Штаффорст и Гросс, убившие франкфуртского торговца музыкальными инструментами в его магазине на Цайле, оставили отпечаток большого пальца на листе бумаги и отпечаток указательного пальца на воротнике погибшего. Выступление Поппа в деле Штаффорста создало ему такую популярность, что один богатый франкфуртский фабрикант предоставил в его распоряжение свою машину, чтобы химик смог поехать на место преступления. Попп передал следователю цветную фотографию ножа — орудия убийства, на котором был виден отпечаток одного пальца. Этим пальцем преступник вытер лезвие ножа. Так как подобным образом имеют привычку вытирать лезвие мясники, то Попп посоветовал поискать преступника среди них. Кроме того, он сфотографировал отпечаток правой руки, указательный палец которой был на несколько сантиметров короче, чем на левой. Вскоре на основании этих косвенных улик был арестован и разоблачен мясник Гудде из Дармштадта.

Однако Попп слишком внимательно читал Ганса Гросса, чтобы не понять, что истинные возможности криминалистики в использовании естественных наук находятся совсем в других областях. В октябре 1904 года фрейбургская прокуратура в Брейсгау пригласила его в Вильдталь. Там на бобовом поле нашли портниху Еву Диш, задушенную ее же собственным красно-синим платком. Единствен-

ной уликой, оставленной убийцей на месте преступления, был грязный носовой платок. Под микроскопом Попп увидел на нем красные и синие волокна шелка, которые по цвету совпадали с головным платком пострадавшей. Больше того: в носовых выделениях, оставшихся на платке, находились частички нюхательного табака, затем частицы угля, песчинки и кристаллы роговой обманки. Подозрение жандарма, расследовавшего преступление, пало на одного бывшего legionera по имени Карл Лаубах, который работал на газовом заводе и на разработках колчедана и пользовался таким табаком. Когда его арестовали, то Попп с еще большим усердием продолжил свои исследования с помощью микроскопа. Под ногтями Лаубаха удалось обнаружить много угольной пыли, песчинок и кристаллов роговой обманки. Но прежде всего микроскоп позволил увидеть красные и синие волокна шелка, которые ничем не отличались от волокон головного платка убитой. И, наконец, на брюках Лаубаха, у щиколоток, Попп обнаружил следы почвы: желтую глину, светлый слой илстой земли, которая в некоторых местах покрыла эту глину. Попп определил вид и количество крупинок кварца, кристаллов и составных частей растений в слое глины и взял пробы почвы с места обнаружения трупа Евы Диш. При сравнении он пришел к выводу, что глина с брюк Лаубаха и почва с места преступления совпадают. Что касается серого слоя, то он содержал пластиночки слюды и частички угля. Такой состав почвы оказался также в пробах земли с проселочной дороги, которая вела от места преступления к дому Лаубаха. Попп сделал из этого вывод, что Лаубах во время убийства испачкал брюки глиной, затем, идя по проселочной дороге домой, — илом. После предъявления Лаубаху результатов исследования франкфуртские газеты опубликовали статьи под общим заглавием: «Микроскоп в качестве детектива».

Попп положил начало осуществления фантазии Конан Дойля и требований Гросса. В том же году он выступил с докладами на собраниях союза химиков Германии и перед почтенной аудиторией общества Зенкенберга. В обстоятельных выражениях говорил о возможностях химии, минералогии и ботаники и об использовании их в криминалистике. И теперь, когда прокурор Зон обратился к нему за помощью, Попп ответил в тот же день. Он сообщил, что волосы на перчатках принадлежат женщине и могут быть волосами самой погибшей. Волосы на кусочке кожи принадлежат животному, вероятно кроту. Попп полагал, что эта находка вообще не имеет ничего общего с убийством, но обещал для верности определить с помощью реакции Уленхута, не содержится ли в кусочке кожи белок человека или животного. Отпечатков пальцев он не нашел, зато обнаружил много лошадиных волос. Когда прокурор получил ответ Поппа, то написал на полях (как признание точности выводов Поппа), что обнаружены волосы с лошадиной попоны, которой труп Маргариты Филберт был накрыт в первую ночь после обнаружения. Так началось участие Поппа в этом деле.

Письмо еще находилось на пути в Кайзерслаутерн, когда Зон получил через районный суд в Виннвейлере анонимное послание из Фалькенштейна. Его орфография не выдерживала никакой критики. Содержание было приблизительно таким: «Глубокоуважаемый суд Виннвейлера, хочу попросить отнестись со всей серьезностью к

Андреасу Шлихеру из Фалькенштейна в связи с убийством и ограблением, так как он замешан в этом деле. Когда Андреас Шлихер пришел к месту, где лежала девушка, он очень побледнел, не решился подойти к трупу... Вчера Шлихер говорил, что его потащат к следователю... Но о нем ни один человек ничего не скажет... Итак, вся община подозревает Шлихера... Многие люди в Фалькенштейне не хотят говорить, потому что он опасный человек и его очень боятся... Уже три дня он не ходит на работу, чтобы жандармы не арестовали его там...»

4 июня Зон по телефону приказал арестовать Шлихера и доставить его в виннвейлерскую тюрьму. Одновременно судья Хофбауер получил указание произвести повторный обыск на хуторе Шлихера. Жандармы появились до зубов вооруженными, но Шлихер не оказывал сопротивления. Он сказал: «Я спокойно могу пойти с вами, я не убивал Филберт». Затем Хофбауер и Шмидт обыскали весь дом, перевернули в нем все вверх дном. В спальне Хофбауер лично осмотрел одежду, которую еще несколько дней тому назад держал в руках Шмидт. Но ничего необычного ему в глаза не бросилось. Это касалось также воскресных ботинок Шлихера, они стояли почищенные на шкафу. Итак, Хофбауер еще раз подтвердил то, что констатировал 31 мая вице-вахмистр: «При тщательном обыске не удалось обнаружить никаких следов преступлений».

В Кайзерслаутерне следователем был назначен советник земельного суда Зеебергер. Когда он первый раз, 5 июня, допрашивал Шлихера, то узнал ту же историю об обходе участков, которую раньше уже слышал Шмидт. Допрос не дал ничего нового. Черноволосый смуглый мужчина вновь и вновь повторял одну и ту же историю и заверял: «Я оспариваю обвинение в убийстве Маргариты Филберт из Роккенхаузена... Я отрицаю, что когда-либо занимался браконьерством...» Зеебергер колебался. После обеда он наконец сам поехал в Фалькенштейн, чтобы еще раз произвести обыск в доме Шлихера. Каролина Шлихер встретила его с неприятливой замкнутостью мало заинтересованного в деле человека, так что в отчете Зеебергер сообщал: «Жена обвиняемого не давала серьезных ответов на поставленные вопросы». Одежда Шлихера в третий раз подверглась осмотру. Но Зеебергер тоже пришел к убеждению, что на ней нет ничего подозрительного. Что же касается ботинок, то они показались ему не совсем чистыми, так как на подошвах была земля. Но поскольку им не было обнаружено следов крови, а земля не обратила на себя его внимание, то он поставил ботинки на место и взял с собой только рваный рабочий халат, на спине которого отчетливо виднелись бурые пятна, похожие на кровь.

Тем временем Попп, прочитав 6 июня в газете об аресте Шлихера, первый раз в жизни подключился к расследованию, внося свои собственные предложения. Он написал в Кайзерслаутерн, чтобы ему прислали одежду Шлихера, на которой он попытается отыскать следы. Далее он просил постричь Шлихеру ногти или прислать ему, по крайней мере, грязь из-под ногтей. Зон тотчас передал письмо Поппа Зеебергеру. Но тот, в отличие от Зона, не придавал большого значения идеям Ганса Гросса. На основании того, «что он видел собственными глазами», и было принято решение о ненужности других исследований. Лишь предложение изучить грязь из-под ногтей

Шлихера, где могли быть найдены следы его борьбы с жертвой, понравилось Зеебергеру.

9 июня Попп сообщил, что под ногтями он обнаружил следы человеческой крови. Сообщая об этом, он еще раз вернулся к вопросу об одежде подозреваемого и во второй раз предложил свои услуги для обследования ее. Но Зеебергер убедил Зона, что она уже достаточно тщательно изучена. Обнаружение же человеческой крови под ногтями Шлихера побудило его еще раз поехать в Фалькенштейн, к тому же — вместе со следователем, лесником Гуммелем и десятью жандармами. В поисках головы и исчезнувших вещей Маргариты Филберт 10 июня были прочесаны все леса юго-западнее Шельменкопфа — Херцентала. Поздно вечером еще ничего не было найдено, и начавшийся проливной дождь смыл последние надежды на успех. Тут леснику Гуммелю пришла мысль отвести комиссию в развалины замка Фалькенштейн. Браконьеры часто использовали эти руины как укрытие. Может быть, там удастся найти голову. Сначала осмотрели кусты и нагромождения камней вокруг крепости. Уже наступили сумерки, когда поисковая группа с фонарями в руках спустилась в подземелье замка. Но и там сначала ничего не удалось обнаружить, хотя жандармы разгребали каждую кучу мусора. Лишь проникнув через бойницу с северной стороны в подземный погреб и поработав там лопатой, они наконец увидели кожаный ремень от заржавевшего охотничьего ружья. Там же нашли коробку с патронами и пакет, в котором лежали мокрые коричневые мужские брюки, завернутые в черную женскую блузку.

С чувством удовлетворения они возвратились в Кайзерслаутерн. Так как блузка никак не могла принадлежать Маргарите Филберт, то они еще не связывали свою находку с расследуемым убийством. Но надеялись найти, по крайней мере, доказательство того, что Шлихер занимался браконьерством. Утром 11 июня они осмотрели блузку и брюки при свете дня, пришли к выводу, что нет никаких следов, и отослали их в Роккенхаузен, в жандармерию. При этом дали задание установить, не принадлежат ли брюки Шлихеру, а блузка — его жене. При обследовании ружья Зон снова пользовался советами из книги Гросса. Так как он не знал ни одного эксперта по огнестрельному оружию, то обратился к Поппу, и Попп, сгорая от нетерпения, сел в полдень того же дня, 11 июня, в первый поезд на Кайзерслаутерн. К несчастью, Попп застал только следователя. Главное внимание Попп уделил патронам и дробовику. Пыжи патронов, по всей видимости, состояли из кусочков бумаги, отрезанных от исписанной видовой открытки. Попп попросил показать ему подпись Шлихера на актах протокола, и у него создалось впечатление, что почерк на открытке совпадает с почерком Шлихера. Когда же Попп в третий раз затронул вопрос о следах на одежде Шлихера и спросил о найденных брюках и блузке, то Зеебергер ответил: он сам убедился, что там нет ни следов крови, ни другого чего-нибудь стоящего. На возражение Поппа, что бывают следы, которые может обнаружить только специалист с помощью микроскопа, Зеебергер обиделся. Как будто это замечание ставило под сомнение его криминалистические способности. Он резко возразил Поппу, что блузка и брюки не могут быть предоставлены в его распоряжение, ибо они находятся в Роккенхаузене. Поппу он дал лишь

халат, который казался ему подозрительным; но его неприязнь к тому еще возросла, когда Попп установил, что бурое пятно, которое Зеебергер принял за кровь, от ржавчины. Зеебергер даже не проинформировал Поппа о подробностях уже произведенных следственных действий.

В плохом настроении и с неприятным чувством неудовлетворенности от того, что по вине Зеебергера он «не смог проникнуть в суть дела», возвратился Попп во Франкфурт. Его не утешил также полученный им спустя восемь дней маленький пакет, в котором находились все обнаруженные жандармами в доме Шлихера бумаги. Среди них оказалась и открытка, которую Шлихер много лет тому назад послал своему отцу. Из нее были вырезаны кружочки, и патронные пыжи точно им соответствовали.

Конечно, все это имело отношение к доказательствам о браконьерстве Шлихера, но не относилось к делу об убийстве и не могло отвлечь внимание Поппа от беспрерывно мучившей его проблемы следов на одежде. Но он не знал, как ему заполучить ее для обследования.

Тем временем жандарм Калл установил в Фалькенштейне, что блузка принадлежит Каролине Шлихер, а брюки шиты портным Якобом Томом из Вюрцвейлера для Андреаса Шлихера. Том показал имя Шлихера, написанное на внутреннем шве брюк, надпись, которую Зеебергер также просмотрел. Теперь не было больше сомнений, что обнаружено укрытие браконьера Шлихера. Словом, тут Зеебергер достиг полного успеха, тем более что вице-вахмистру Шмидту удалось «прижать» двух других подозреваемых в браконьерстве крестьян — Джозефа Вилдинга и Филиппа Деммерле, и они, спасая свою шкуру, выдали Шлихера. Однако дело об убийстве не сдвинулось с места.

В конце июня Зон потерял терпение и снова вмешался в расследование, сделав необычный шаг. Так как в его распоряжении были только жандармы и ни одного криминалиста, то он обратился за помощью в соседнее герцогство Гессен, и тамошний генеральный прокурор послал в Кайзерслаутерн комиссара уголовной полиции Даниеля из Дармштадта. А для Даниеля сотрудничество с Поппом было в порядке вещей. И первое, что он сделал, — послал брюки Шлихера Поппу. Снова последовал обыск хутора Шлихера и изъятие его другой одежды и ботинок, которые все еще стояли на шкафу и никто их не трогал. 1 августа Попп получил брюки, которых безуспешно добивался в июне. Через три дня он сообщил, что на обеих коленках, там, где Зеебергер и жандармы ничего не заметили, имеются «загрязнения, содержащие человеческую кровь». Но прежде всего ему бросился в глаза прилипший к нижнему краю штанины и уже засохший комочек зеленоватой грязи, который, как было видно под микроскопом, состоял в основном из овсяной пыли и, «по всей видимости, был лошадиным навозом». После тщательного исследования Попп сообщил 18 и 22 августа, что на воскресном пиджаке, который Шлихер надевал в праздник «вознесения», имеются многочисленные брызги человеческой крови. Очевидно, делались попытки смыть их водой.

Впрочем, обнаружение крови оказалось не самым главным. Поппа больше интересовали ботинки. 22 августа он писал в Кайзерслау-

терн: «Около каблука ботинок имеются следы кала животного, и к нему прилипла илистая серая земля, какую можно встретить на размытой дождем дороге. При исследовании этой массы выяснилось, что там тоже содержится овсяная полова. Таким образом, не только цвет и внешний вид грязи на ботинках и брюках совпадают, но и их состав, установленный с помощью микроскопа». Попп просил передать ему ботинки Маргариты Филберт, чтобы он мог установить, не соприкасались ли они также с лошадиным навозом. Может быть, удастся доказать, что Шлихер и пострадавшая были в одном и том же месте. Ботинки прибыли срочной почтой. Зеебергеру пришлось, правда, признать свои промахи, и он не чинил больше никаких препятствий. Микроскопическое исследование ботинок Маргариты Филберт принесло разочарование. Там не было ни малейшего следа навоза, а лишь немного земли с чешуйками древесных почек, что свидетельствовало о земле с лесной дороги.

Тут 24 августа Попп впервые узнал из письма Даниеля, что Андреас Шлихер с самого начала утверждает, будто он не был на своем поле, которое расположено вблизи места преступления, а ходил только к поля в районах Драйморген, Шиндерборн, Херценталь и Хинтерм Хан. Но так как Шлихер отрицает, что в день «вознесения» или вскоре после этого дня он побывал в местах обнаружения трупа и предполагаемом месте преступления, то можно было бы, пожалуй, проверить правильность этого утверждения с помощью сравнения почвы, прилипшей к обуви Шлихера, с пробами почвы, взятыми с места обнаружения трупа, с одной стороны, земельных участков обвиняемого и дорог, по которым он якобы ходил в тот день, с другой. Возможно, удалось бы установить, говорит ли Шлихер правду. «Но я советую,— писал Попп,— не снимать пробы почвы с обуви Шлихера там, у вас, а предоставить эту работу мне, чтобы я мог установить положение и вид слоев прилипших к подошве почв и зафиксировать их с помощью фотографии. Для исследования почвы соответствующих мест было бы также целесообразно предоставить мне возможность взять эти пробы самому лично».

Так как Даниель заболел и пошел в отпуск, то лишь 21 сентября он встретился с Поппом в Фалькенштейне. Целый день они ходили по полям и дорогам, по которым, как утверждал Шлихер, он прошел в день «вознесения». Затем они отправились на поле вблизи места обнаружения трупа и к тропинке, которая вела оттуда в Фалькенштейн. Отовсюду они брали пробы почвы и заполняли ими маленькие коробочки. С наступлением темноты они также поднялись к руинам замка, чтобы взять оттуда пробы почвы и щебня. Спустя два дня Попп приступил к работе в своей лаборатории. Он и франкфуртский геолог Фишер занимались этими исследованиями более двух месяцев, до 23 ноября 1908 года.

С точки зрения наших дней методика исследования земельных проб была у Поппа не безупречной. Однако у нее содержала все элементы известных нам теперь методов. Она исходила из того, что земля не мертвый, а живой организм, подверженный постоянным изменениям; процессы изменений находятся под влиянием минералогического развития и погоды, примесей растительного и животного характера и не в последнюю очередь под влиянием почвен-

ных микробов. Прошло много времени, прежде чем все многочисленые пробы, собранные Поппом, были проанализированы.

Почва, взятая Поппом и Даниелем с хутора Шлихера и с деревенской улицы, отличалась тем, что имела в своем составе много гусиного помета. Пробы с земельных участков Шлихера в районах Шиндерборн, Херценталь и Хинтерм Хан состояли в основном из почвы темного цвета с продуктами выветривания порфировых пород и различными элементами порфира. Там было много светлого кварцевого порфира с зелеными вкраплениями, частиц молочного кварца и пластинок слюды. Растительная ее часть состояла из нитей корней, частей гнилой соломы и очень незначительных остатков листьев.

Резко отличался состав почвы в пробе, взятой с участка земли Шлихера вблизи места преступления. Здесь речь шла о красноватой песчаной почве (продукт выветривания песчаника), смешанной с осколками крупинки кварца, небольшим количеством слюды и большим количеством красной железистой глины. Примеси растительного характера очень незначительны. Интересно, что почва дороги, идущей от поля Шлихера к лесу, в котором было совершено убийство, и почва самого места преступления оказались идентичными, хотя в них были разные количества примесей остатков листьев деревьев. Не менее интересен тот факт, что ни на других полях, ни на других дорогах не удалось обнаружить лошадиного навоза — только на пути к месту преступления. Даже под размытым дождем навозом отчетливо виднелась овсяная солома, которую Попп наблюдал при первом исследовании обуви Шлихера.

И, наконец, результаты анализов почвы из развалин замка. Она также имела свои особенности. В ней отчетливо различались большие количества темных составных частей угля. Решающее отличие почвы — примеси кирпичной и цементной пыли от разрушенных стен замка. Это служило надежной основой для сравнения почв, на что и рассчитывал Попп. И все же самое трудное оказалось впереди. Первое обследование обуви Шлихера, хоть и поверхностное, но показало, сколь незначительно количество прилипшей к ее подошвам земли. Казалось весьма сомнительным, чтобы его хватило для выделения слоев почвы, оставленных последней прогулкой Шлихера. Однако повторное обследование выявило несомненное наличие красноватой окраски, напоминающей по цвету почву вблизи места преступления, что вдохновило Поппа на дальнейшую работу. В более крупных комках земли, застрявших между каблучками и подошвой, он надеялся различить отдельные слои почвы и выделить несколько кусочков для проб. Осторожно увлажнив эти комочки прилипшей земли, он бритвой разрезал их перпендикулярно к подошве. После многократных попыток удалось сделать чистые поперечные разрезы, на которых хорошо просматривались различные слои почвы. Самый нижний слой, непосредственно на коже, обнаруживал смесь гусиного помета с землей, какую Попп наблюдал на хуторе Шлихера и на деревенской улице в Фалькенштейне. Затем следовал слой, содержащий частицы травы и свидетельствующий о луговой дороге, которая вела от Фалькенштейна к полю Шлихера вблизи места преступления. За ним удалось отделить несколько маленьких кусочков красноватой песчаной поч-

вы с осколками крупинок кварца в красной глине, чешуйками спуды, частицами перегноя более темного цвета и шелухой от почеч деревьев. Эти слои почвы полностью совпадали с почвой места преступления. И наконец, в самом верхнем слое Попп обнаружил уголь, частички кирпича и цементной штукатурки — характерные признаки почвы руин замка. Для окончательного вывода Попп продолжил исследования еще многих срезов, но, как он ни старался, ему нигде не удалось обнаружить продукты выветривания порфировых пород, характерных для полей Шлихера в районах Драймор-ген, Шиндерборн, Херценталь.

Зато он сделал неожиданное открытие. Чтобы отделить частицы растений от проб почвы, он слегка увлажнил комочки земли. При этом в одном из слоев почвы с места преступления он наткнулся на крохотные, длиной до трех миллиметров ниточки, которые оказались волокнами шерсти и хлопка. Некоторые из них были ярко-красными, но большинство — красно-коричневыми. Вспомнив о коричневых юбках Маргариты Филберт, Попп затребовал их, а получив, тщательно рассмотрел ткань. Верхняя юбка была сшита из светло-коричневой шерсти, а нижняя — из ткани, представляющей собой смесь светло-коричневой хлопчатобумажной и красно-коричневой шерстяной пряжи. Внешне шерстяные волокна ничем не отличались от волокон, обнаруженных в красноватом слое земли с ботинок Шлихера. Но Попп искал убедительные способы их идентификации. Ему пришла в голову идея использовать спектральный анализ, который так хорошо зарекомендовал себя при доказательстве наличия гемоглобина в следах крови. Он все чаще и чаще применялся в науке и промышленности для определения неизвестных субстанций и для выявления различий красящих веществ. В спектре в разных местах в зависимости от вида красящего вещества появлялись характерные абсорбционные полосы. Попп сузил луч света в своем аппарате так, что каждая исследуемая нить волокна полностью закрывала собой щель. Попп сравнил шерстяные волокна нижней и верхней юбок с красно-коричневыми нитями волокон из следов почвы. Окраска шерстяных волокон верхней юбки дала абсорбционные полосы в следующих длинах световых волн: 40—55, 57—58, 65—70, 70—75. Окраска волокон нижней юбки: 40—45, 49—55, 65—70, 70—78. Красно-коричневые волокна из следов почвы дали абсорбционные полосы в волнах: 40—45, 49—55, 65—70 и 70—78. Их окраска, таким образом, согласно спектрометрии, совпадала с окраской волокон нижней юбки. Попп этим не ограничился и использовал также последнюю возможность сравнения, которая в те дни была в его распоряжении. Речь шла о проверке реакции волокон на воздействие различных химических реагентов. Шерстяные волокна нижней юбки при обработке их концентрированной серной кислотой становились карминно-красного цвета, а затем снова светло-коричневыми, если их промывали в воде. Под воздействием концентрированной серной кислоты окраска их становилась оранжевой, а после обработки раствором едкого калия — серо-коричневой и зеленой. Чтобы не уничтожить материал исследования и доказательств, Попп разделил каждое трехмиллиметровое волокно из проб почвы на две части и использовал в своих химических экспериментах только одну из них. При этом было установлено, что волокна

нижней юбки и волокна из следов почвы на обуви Шлихера вели себя совершенно одинаково.

Результаты многочисленных исследований, осуществленных до ноября 1908 года, были настолько же неожиданны, насколько и убедительны. Шлихер, вопреки его утверждениям, никак не мог посетить свои поля, расположенные вдалеке от места преступления, потому что на его обуви совершенно не было следов этих почв. И напротив, он должен был пройти по деревенской улице, по дороге через луг на поле вблизи места преступления и далее на само место преступления. Возможно, когда юбка жертвы во время волочения ее к месту обнаружения трупа задралась, он наступил на нее и волокна прилипли к земле на ботинках Шлихера. Затем он, по всей видимости, пошел к развалинам замка, чтобы спрятать там свои брюки. Когда 1 декабря 1908 года прокурор Зон и Зеебергер держали в руках подробный доклад Поппа, у них не осталось и следа сомнений, что виноват Шлихер.

Шлихер же продолжал все отрицать, потому что он не понимал значения исследований следов почвы. Когда же понял, что к чему, то стал придумывать отговорки, которые продемонстрировали, что он обладает значительной степенью хитрости. Он утверждал, что надевал свои ботинки также в субботу, через два дня после убийства, когда с другими любопытными ходил к месту преступления, чтобы посмотреть на труп в лесу. При этом он подошел близко к трупу и наступил на нижнюю юбку пострадавшей. Но нашлось достаточно свидетелей, которые утверждали, что он не был в воскресных ботинках и не подходил близко к трупу. Среди этих свидетелей была также его жена. Ничего не подозревая, она настаивала на своих первоначальных показаниях, что вечером в день «вознесения» она почистила ботинки мужа и поставила их на шкаф, где они с тех пор стояли, и никто ими не пользовался. Несмотря на это Шлихер продолжал упорствовать. Он отрицал свою вину и тогда, когда земельный суд Кайзерслаутерна после разбирательства вынес ему смертный приговор. Лишь узнав, что этот приговор заменен пожизненной каторгой, он признался в убийстве Маргариты Филберт, назвал мотив убийства и заметил: «Химик прав относительно того, каким путем я прошел в тот день».

Он действительно из деревни пошел на свое поле у государственного леса и видел Маргариту Филберт на дороге, ведущей в лес. Будучи введен в заблуждение ее богатой одеждой, он надеялся обнаружить у женщины солидную сумму денег. Задушил ее, поняв бессмысленность преступления, пришел в ярость и отрубил ей голову.

Лишь через десять лет, в 1918 году, в кратком научном сообщении о деле Шлихера Попп упомянул о роли исследования следов почвы. Это была статья в «Архив фюр Криминологи» — журнале, основанном Гансом Гроссом. К этому времени у Поппа уже был такой большой авторитет, что вскоре он стал первым химиком в Германии и его пригласили во Франкфуртский университет читать лекции по научной криминалистике, а спустя пять лет возвели в ранг заслуженного профессора университета.

Перевод с немецкого Майи Колдаевой.

Рис. С. ХАЛИЗОВА.

СЕМЕЙНЫЕ САТИРЫ

ФЕЛЬЕТОН

Братья Гороховы — Александр и Павел Егоровичи — жили, в общем-то, дружно и ссорились лишь в пьяном виде. Наутро, отрезвев, они уже не имели друг на друга зла, и старший брат говорил младшему:

— Ну, что теперь — вы к нам или мы к вам?

Так уж повелось, что одно воскресенье Александр Егорович вместе с чадами и домочадцами угощается у Павла Егоровича, а на другое — Павел Егорович и сопровождающие его детишки с супругою наносят ответный визит.

Но вот однажды, сдружившись, как обычно, после очередного пьяного раздора, старший брат послал младшего:

— Ну, что теперь — вы к нам или мы к вам?

А младший ответил:

— Ни мы к вам, ни вы к нам.

— Как это понимать? Ты, что, Паша, рехнулся?

— Не рехнулся, а завязал, — ответил Павел

Егорович и в рифму добавил: — Теперь излишки храню на сберкнижке. Видел рекламу в сберкассе: «Накопил — и «Жигули» купил»? Так вот, очередь моя в магазине подходит, срочно нужны деньги. Не подбросишь ли мне в долг, что у тебя есть?

— Это что же получается,— молвил Александр Егорович,— старший брат будет передвигаться в пешем порядке, а младший раскатывать в «Жигулях» на его же средства?

— Но если ты не поможешь, то моя очередь пропадет!

Братья думали, рассуждали, как тут быть, и наконец Александр Егорович предложил покупать машину сообща:

— Мотор мне, кузов тебе.

— Без мотора далеко ли уедешь? — усомнился младший брат.

— Машину раздирать не будем,— успокоил его старший,— по четным числам будешь ездить ты, по нечетным — я.

В первый месяц после покупки «Жигулей» братья строго соблюдали установленный график. Но вот Александр Егорович потихонечку стал прихватывать себе и четные числа.

— Сегодня у меня важные встречи,— объяснял он брату.— Надо успеть сразу в четыре места. Так что уж извиняй.

— Не извиняю,— возмущался Павел Егорович.— Важные встречи изволь назначать по нечетным дням. А по четным за рулем должен сидеть я, и если ты хоть раз нарушишь договор...

— И нарушу,— пообещал старший брат.

— Как ты смеешь? Я тебя надоумил, взял в пай...

— Вот как ты поворачиваешь вопрос! Однако не забывай, что машина оформлена на мое имя. Какое ты имеешь к ней отношение? Попробуй, докажи.

— А тут и доказывать нечего,— сказал младший брат и в свой четный день отогнал машину в такое укромное место, что Александр Егорович истратил на поиски десять нечетных дней, да так ничего и не нашел.

Отчаявшись, он пришел в суд и подал исковое заявление на восемнадцати страницах: «Прошу привлечь к строгой ответственности гражданина Горохова Павла Егоровича, который нахально похитил мой автомобиль «Жигули» и возвращать указанное движимое имущество упорно не желает...»

— Гражданин Горохов ваш однофамилец? — спросил судья.

— Что вы, это мой родной брат!

Судья удивился. И назначил дело к слушанию.

И вот братцы встретились перед лицом закона.

— Пашка — известный жулик и плут,— перво-наперво заявил

Александр Егорович.— Знаете, сколько он имеет золота на каждой коронке?!

— Ну, а «приварок» у Саньки и подсчитать нельзя,— огрызнулся младший брат.— Спросите хотя бы у жильцов тридцать четвертого дома, как он ободрал каждого новосела за то, что разрешил перевезти мебель на лифте!

— Лифт к делу не относится. Отдай машину, она моя.

Вместо ответа Павел Егорович на глазах у всего состава суда взял да и показал братцу кукиш.

Мерзко и противно читать протокол этого судебного заседания. Еще древние русские летописцы считали пределом человеческого падения, когда брат шел против брата. Но те братья были удельные князья, феодалы. А тут перед судейским столом стоят два наших современника: зубной техник и механик по лифтам, и у каждого своя правда. Оба ловчат, лжесвидетельствуют, пытаются обмануть, обжегорить друг друга.

— Не скрою,— признает Александр Егорович,— идея купить «Жигули» пришла в голову брату. Но Пашка дал мне на машину самую малость. А если подсчитать мои убытки, то ничего и не дал.

— Какие это еще убытки?

— Ты же объедал меня, паразит! К каждому твоему приходу я брал два поллитра и четвертинку. А к тебе заявившись, так бутылку плодоягодного вина выставишь — и хорошо, если гнилой огурчик к столу нарежешь.

— Так суд и поверит, что одним огурчиком можно накормить всю твою ненасытную семью...

Ну, а дальше, как говорится, и ехать некуда.

Конечно, между родственниками могут случаться недоразумения, перепалки, ссоры. Но они и должны разрешаться тут же, в семье, полюбовно, по справедливости, в обстановке взаимного понимания и уважения. Увы, свара, затеянная братьями Гороховыми, это далеко не единственное семейное дело, которое переросло в дело гражданское. А то и уголовное.

Жестокие баталии проходили между родными братьями Михаилом и Алексеем Богдановыми, жителями города Кургана. Дело в том, что братья никак не могли по-братски поделить сообща купленный автомобиль.

Во время одной из схваток Алексей Иванович, войдя в воинственный раж, просто-напросто сломал руку Михаилу. Дико, но факт. И народному суду не оставалось ничего другого, как судить «семейного» дебошира по всей строгости закона.

Но не только по поводу движимого имущества бьются и бьют головой о стенку иные, связанные семейными узами люди.

Супруги Коровицыны прожили в мире и согласии четверть века, вырастили дочь Анну, дали ей вполне приличное образование. А когда ей стукнуло девятнадцать лет, девушка надумала выходить замуж.

— Ну и кто же он? — спросил Афанасий Иванович.

— Зоотехник Славочкин, да ты его знаешь.

— Ах, этот недотепа, что живет напротив? От которого за версту несет коровьим навозом, — взбеленился Афанасий Иванович. — Тоже женишка откопала. Да с ним и сесть-то рядом противно. Лысый, седой, под самым носом бородавка. К тому же он старше тебя на семнадцать лет.

— Ну, и что ж с того, — вступилась за дочь Ангелина Даниловна. — Чем муж старше, тем он больше любит свою жену. Петр Евсеевич — человек положительный, серьезный. У начальства на хорошем счету, диплом ВДНХ имеет. И потом, спугнем этого жениха, где найдем для Анюты другого?

— И ты в ту же дудку! — крикнул Афанасий Иванович. — Так знай: если не расстроишь свадьбу дочери, то я аннулирую наш брак.

Свадьбу Ангелина Даниловна расстраивать не стала, и Афанасий Иванович решил, что пришла пора действий.

— Будем делить половицы, — сказал он жене и, отсчитав шесть шагов, поставил поперек комнаты перегородку. Телевизор взял себе, холодильник отдал Ангелине Даниловне.

Бывшие супруги довольно быстро разделили мебель и остальные вещи, но вот дошла очередь до погребца, вырытого во дворе за сараем.

— Погреб разгородить невозможно, — констатировал Афанасий Иванович. — Поэтому его забираю я.

— Почему ты? — возразила Ангелина Даниловна. — Тебе-то зачем погреб? А я там буду держать соленые огурцы, помидоры...

— Чтобы кормить своего плешивого зятя? Не допущу! — И Афанасий Иванович водрузил на дверях большой замок.

Тогда зоотехник Славочкин, побуждаемый теперь уже своей законной тещей, замок сорвал и повесил новый.

Афанасий Иванович пожаловался в уличный комитет, в райисполком. Ангелина Даниловна иметь дело с местными органами не пожелала и отправила жалобу прямо в Москву. Жалоба вернулась назад, в районную прокуратуру. Потом делом о погребце занимались

четыре общественных комиссии, три депутата и, наконец, суды двух инстанций...

Примерно аналогичное дело о разделе имущества решал Могилев-Подольский народный суд Винницкой области. Тяжбу вели между собой супруги Писарук Ф. М. и Е. Ф., прожившие в браке ни много, ни мало, а сорок четыре года.

А на сорок пятом стали шуметь и замахиваться друг на друга, доказывая суду свои исключительные права на недвижимое имущество. Говорят, кое-кто из зрителей на суде усмехался и хихикал. Мне лично читать это горько и больно. Хотя вроде бы дело это ни меня, ни вообще кого-либо из третьих лиц не касается.

Да, материально — нет. А морально — очень!

А в заключение приведу выдержку из письма в редакцию некоего Зеленина, бывшего счетовода. Днем этот страж цифр пересчитывал костяшки на счетах, а по вечерам, напившись, пересчитывал кости своим близким — жене и сыну. В припадке буйства он так избил мальчишку, что сломал ему два ребра, повредил глаз.

«Дорогая редакция, пишу вам из колонии. Народный суд лишил меня свободы. И за что? За то, что я воспитывал в строгости своего Алешку. Так ведь он мой кровный сын, а еще Тарас Бульба говорил своему отпрыску: «Я тебя породил, я тебя и убью». Я же никого убивать не собирался, просто перехватил малость: рука у меня тяжелая! И потом, суд не придавал значения тому факту, что дело это сугубо личное, родственное и общественного значения не имеет».

Нет, имсет. Семейное дело — далеко не личное дело. И этот фельетон написан вовсе не для того, чтобы отмахнуться от историй, описанных выше: дескать, дело это ваше внутреннее, сами и разбирайтесь! А для того, чтобы приковать к ним самое широкое общественное внимание. Ибо семья, как известно, первичная ячейка нашего общества.

Побасенка**МЕТАМОРФОЗА**

Звериный проявляя гнев,
Он на людей рычал, как лев,
И, как верблюд, плевал
в прохожих,
Ослиную при этом корча рожу.
Когда ж дружинники схватили
наглеца,
Он вмиг заблеял, как овца,
Играя тонко
Невинного ягненка...

М. ВОЛОВИК

г. Уфа

Ш У Т К И В С Т О Р О Н У!

На всякого подлеца довольно простаков.
С кем поведешься, с тем и насидишься.

С. ЗУЕВ

Он сдержал слово, как только завидел дружинников.

г. ПАВЛОГРАД

Е. АДАРИЧ

Сколько списано бочек меда из-за ложки дегтя!

В. КОНЯХИН

Там, где работы вдоволь, ему делать нечего.

ТУЛЬСКАЯ ОБЛ.

Б. БОРТАШЕВИЧ

Самый дорогой душ — это вырезвитель.

Унизить себя можно и превышением власти.

г. ПОЛТАВА

Ю. РЫБНИКОВ

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

ГАНГСТЕРЫ МЕЖДУ СОБОЙ

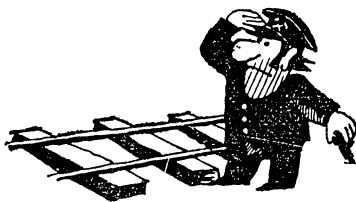

В городке Крейн (штат Миссури, США) неизвестный ворвал-

ся в здание местной тюрьмы, проник в одну из камер и, угрожая пистолетом двум ее обитателям, перепотрошил постели и вынул из матрацев 182 доллара. Возмущенные обитатели тюрьмы обратились с жалобой к властям штата: охрана здесь недостаточная, запоры на дверях камер устаревшей конструкции, и вообще пора навести в тюрьме должный порядок, а заодно возместить убытки потерпевшим.

НЕОПЫТНОСТЬ ПОДВЕЛА

Группа грабителей напала на маленькую железнодорожную станцию вблизи Росарио в Аргентине. Они точно знали, что через полчаса сюда должен прибыть транспорт, везущий заработную плату для рабочих — около миллиона аргентинских песо, и тщательно разработали план действий. Гангстеры связали всех железнодорожных служащих, облачили в их мундиры и принялись ждать поезда. А того все не

было и не было — грабители забыли открыть... входной семафор.

ПОТОК СЛОВ

Житель Лондона Ф. Форд обратился в суд с иском о расторжении брака. Главным вещественным доказательством была магнитофонная запись, сделанная дома. В течение полутора часов был слышен голос жены, а Форду удалось произнести не более десяти слов.

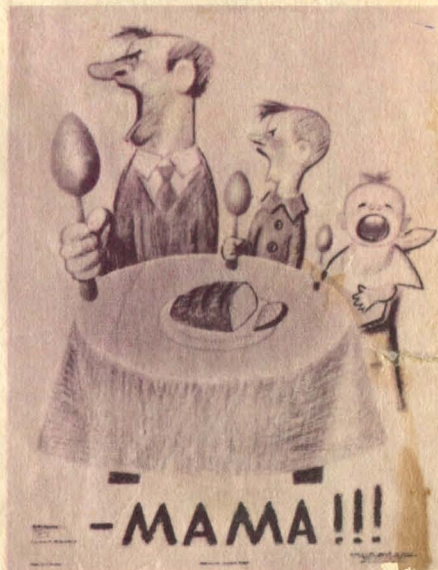
— Это так же несносно, — сказал судья, — как слушать падение воды, капля за каплей, из неисправного водопроводного крана.

Он расторг брак. По-видимому, это был опытный судья.

Рис. О. ТЕСЛЕРА.

Боевой Карандаш

«Неделя культуры».
Художник Б. СЕМЕНОВ.
Стихи С. СМИРНОВСКОГО.

«— Мама!!!»
Художник В. МЕНЬШИКОВ.

«Клеветник».
Художник В. КЮННАП.
Стихи Г. ТУМАРИНСОНА.

НА ЧЕТВЕРТОЙ
СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ

«— А птицу вы разводите?..»
Художник Д. ОБОЗНЕНКО.
«— После обеда мы все
закончим...»
Художник Д. ОБОЗНЕНКО.

- А птицу вы разводите ? ...

